

18+

Влада Созинова

Воспоминания о будущем

Влада Созинова
Воспоминания о будущем

«Издательские решения»

Созинова В.

Воспоминания о будущем / В. Созинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605550-6

Леоне любит тишину и спокойствие, а вот ее заводная подруга детства — Рэkki обожает веселье и необычные приключения, придумывая их на ходу одно за другим. Они живут в небольшом городе, у них обычные жизни, однако они наполнены необычными событиями и происшествиями. «На дворе 2060-е — мир и благодать, ну может она посидеть денек спокойно и не втягивать меня в приключения», — сурово вздыхает Леоне. А потом мирно улыбается и идет вслед за своей подругой хоть на край света.

ISBN 978-5-00-605550-6

© Созинова В.
© Издательские решения

Содержание

Можно ли потрогать деньги?	6
Неожиданное знакомство	8
Короче говоря, я заболела	12
День Победы, как он был от нас далек...	21
Чувства, за которые я себя ненавижу	33
Любовь бельчонка	42
Рождение и смерть	63
Предвкушение и волнение	71
Дом чудес	83
О былых временах	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Воспоминания о будущем

Влада Созинова

Посвящение

Посвящается моим тупым друзьям, сестре, а также школьным урокам истории, русского и физики, которыми пришлось пожертвовать, дабы написать первые наброски этих глав

© Влада Созинова, 2023

ISBN 978-5-0060-5550-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Будни девочки из недалекого будущего

Привет, меня зовут Лебне. Да, наверное, для вас это необычное имя, но в наши времена никто не обращает внимания на его странность. Моей маме оно понравилось, и поэтому она решила так меня назвать. В 30-х годах была мода на вот такие диковинные имена. Поэтому у меня и моих знакомых они довольно необычные из-за этого.

Но не в этом суть. Не знаю, насколько далеко назад во времени улетят мои записи, но надеюсь, их найдет кто-нибудь, кто любит читать, а в особенности и фантазировать, ведь без хорошо развитой фантазии вы в полной мере не сможете представить себе мое время.

Я родилась... А хотя это не такая важная информация обо мне. Просто знайте, что сейчас вторая половина XXI века. И да, Третья мировая война так и не наступила, люди смогли добиться мира. Мне не позволено сильно углубляться в будущее, лучше я напишу вам о моем прошлом.

Мой дедушка – физик и работает в самом крупном предприятии в стране. Я слышала, что раньше оно даже было засекречено, но теперь здесь изучают возможности и свойства пространства, законы времени. Но об этом позже. Именно дедушка рассказывал мне о прошлом и впоследствии привил любовь к нему. С помощью старых архивов и голограммных устройств 2040-х годов я пересмотрела большинство советских фильмов. И скажу честно, они все мне понравились! Сейчас, как бы поточнее выразиться, чтобы вы поняли... люди научились менять качество съемки прошлого века на более и более лучшее. Но мне нравится смотреть их в первоизданном виде, ведь так намного глубже чувствуешь ту эпоху.

Ну и, наконец, о том, почему я пишу к вам. Как вы уже поняли, мне нравится ваше время со всех его сторон. И я хочу, чтобы вам понравилось мое. Конечно, немного странно писать людям в прошлое, учитывая то, что все пишут свои книги для потомков в будущее или для современников, но я думаю, у меня получится выразить мысли коротко и ясно.

Можно ли потрогать деньги?

Осенний ковер, лежавший на земле, уже побурел и потерял яркость. Облысевшие деревья стояли сиротливо и печально. Листья сухо шуршали под ногами. Я как можно медленней брела до дома с глазами, полными слез, иногда тихонько всхлипывая. Путь мой был не далек.

Я широко раскрыла глаза. Только не плакать! Я не хотела плакать сейчас. Старалась изо всех сил удержать их в глазах, но все-таки парочка слез предательски потекла по щекам, а после упала на асфальт. Я изо всех сил стиснула зубы, но уже чувствовала, что рано или поздно не сдержусь. Что лавина эмоций накроет. Знала, что если заплачу, то уже не смогу остановиться потому, что все вспомнится сразу: и как все хорошо начиналось, и что мама точно отругает такую растяпу, когда узнает...

Пару раз взрослые, проходящие мимо, спрашивали, что со мной стряслось. Но разве им все объяснишь? Разве они поймут проблемы восьмилетнего ребенка? Поэтому лучшая тактика, которую я избрала, была молчание.

О стыде я думала в последнюю очередь. Хотя и очень-очень сильно стесняюсь плакать на людях. В это время мою голову переполняли другие самые различные мысли: «Что же со мной будет, когда я приду домой?», «Как на ЭТО отреагирует мама?», «Как мне смотреть ей в глаза?». Ведь если она узнает, что я потеряла карточку, то точно меня уберет. Эта ценная карточка – почти что жизнь человека. Ей можно оплачивать еду в магазине, проезд – да все что угодно. А я ее потеряла. Теперь беды точно не миновать.

«Да и кто вообще придумал заменить все деньги на электронные?» – раздраженно рассуждала я, чтобы отвлечь себя и позлиться. Может, для кого-то это и удобно, но для меня нет. И другим детям, скорей всего, тоже. Вот так же потеряют они карту и будут плакать и не знать, что делать, как я. Ах, если бы у меня были деньги! А не этот виртуальный счет в банке. Мама рассказывала мне про деньги. Это были разноцветные красивые бумажки из прошлого. С ними я бы обращалась куда более аккуратно, чем с пластиковой картой. Потерять одну бумажку не так обидно, как потерять целую карту, заменяющую все способы оплаты. Вот бы родиться раньше и попользоваться деньгами, как моя мама или бабушки с бабушкой.

Погрузившись ненадолго в свои мысли, я почти забыла про свою насущную проблему. Почти. Но как только вспомнила, слезы вновь переполнили глаза. Но на этот раз я изо всех сил старалась не плакать. Лишь бы не заплакать снова.

Я осознала, что потеряла карту еще в школьной раздевалке прямо перед тем, как выйти на улицу. Не помню зачем, но я полезла в портфель и не нащупала там ее. Но до последнего не теряла надежду найти эту драгоценную вещь. Шарила во всех карманах, даже куртку проверила. Нет – и все. Ну не находилась она. Я стояла в легком ступоре. Но, скорее всего, в очень даже сильном, потому что моя всегда веселая подруга Рэки посмотрела на меня глазами, полными недоумения. Я же в ответ посмотрела на нее глазами, полными ужаса.

Рэки была веселой, озорной девчонкой, но очень сердобольной. С черными волосами чуть выше плеч. С ней часто происходили самые разные невероятные истории, которые она в шутку называла приключениями и о которых она поспешно делилась с нами (с одноклассниками). А иногда даже втягивала меня в них, ведь мы лучшие подруги. Также у нее была не менее странная... назовем это «способностью», иметь все, что нужно при себе в любой ситуации. Просто в любой. Объясню на примере. Ты поранил ногу? Оу, у Рэки точно есть пластырь. Нужна веревка? Давай спросим Рэки. Хочешь пить? Да я уже вижу, как Рэки достает бутылку воды.

Казалось, у нее был бездонный рюкзак, куда помимо обычных школьных принадлежностей помещалось еще много разных вещей, которые обычный человек не положил бы в сумку (хм, бездонный рюкзак... довольно полезное изобретение, с развитием технологий лет через

десять я точно изобрету его). Ну так вот, и на этот раз Рэки предложила мне свою помощь. Она как настоящая подруга протянула мне свою пластиковую карту, чтобы я смогла оплатить проезд на электробусе.

Но я была так зла на себя и обижена, да и Рэки ждали другие девчонки, поэтому я поспешила отказаться от ее помощи и выбежала на улицу. До сих пор жалею. Прохладный осенний ветер дул мне в лицо. Я как можно медленней брела до дома с глазами, полными слез.

И вот мы вернулись к началу. Я потеряла пластиковую карту и шла домой уже минут тридцать, хотя этот путь пешком можно было проделать и за семнадцать минут. Но в конце я уже не плакала, а просто стряхнула слезы рукой, ведь знала, что мама будет дома. Не хотелось предстать перед ней с красными от слез глазами. Нужно было постараться скрывать ЭТО как можно дольше, а потом как-нибудь само сгладится.

Я зашла в подъезд, поднялась на третий этаж и с опаской посмотрела на дверь своей квартиры. Что ж, не время трусить. Я так просто не сдамся! Я поднесла палец к сканеру отпечатков, установленному на двери, увидела маленький зеленый огонек и вошла внутрь.

Я ощутила аромат квартиры. Вдыхать его было так приятно. Он буквально подул мне в лицо с порога. Еще давно заметила, что у каждого человека в жилище пахнет по-своему. ЭТОТ аромат был отличен от всех других. Такой родной и приятный. В коридоре никого не было. По звукам, доносившимся до меня, стало ясно, что мама на кухне. Нужно было как можно незаметнее прошмыгнуть в свою комнату. Сняв ботинки и тихонько на носочках пробравшись в комнату, я закрыла за собою дверь. Так... А дальнейшего плана у меня не было. А что делать, когда мама меня заметит? Ну, прежде всего нужно успокоиться и вытереть слезы, оставшиеся в уголках глаз. Вот. Теперь выгляжу как нормальный человек.

«Нужно делать уроки. Где моя электронная тетрадка?», – подумала я, как самая послушная девочка, и начала рыться в портфеле. В это же время дверь отворилась, и в комнату вошла мама, мама с бутылкой воды.

– О, ты уже пришла, а я как раз цветы полить хоте... – она не договорила потому, что увидела, как слезы бегут по моему лицу, а я стою рядом со свалившимся набок портфелем, из которого торчат школьные принадлежности. Не знаю, почему так произошло, но, наверное, ее нежный родной голос и добрые намерения позволили мне раскрыться перед ней. Я не смогла сдержаться... и таить в себе такую большую тайну тоже не могла.

Помню, как бросилась к ней обнимая и как потом мы сидели на диване в гостиной, а я с заплаканным выражением и дрожью в голосе объясняла маме, что же произошло. Она не бранила меня. Лишь сидела и внимательно слушала. Сейчас это воспоминание вызывает у меня странное чувство. То ли радость, то ли смущение.

В конце моего рассказа мама таинственно улыбнулась. Чего это она улыбается, когда все плохо? Из-за этого мои слезы хлынули еще сильнее. Было так стыдно, я закрыла лицо руками.

– Подожди минутку, – сказала она и полезла в шкаф. Мне было очень интересно, что же мама ищет в этот момент, почему же не ругает меня, хотя должна. И я пыталась разглядеть из-за ее спины хоть что-то. Мама достала коробку, ничем не примечательную серую коробку, и протянула мне со словами: – Держи, открой ее.

Я всхлипнула, но коробку взяла. Внутри находились разноцветные бумажки с изображением городов и статных дяденек. Я сразу же поняла, что это были деньги. Никогда раньше не видела деньги, но поняла, что это они. Вот и исполнилась моя мечта – увидеть их. Также в уголке лежала пара круглых монет. Я смотрела на это сокровище, как зачарованная.

– Они такие красивые и необычные, – сказала я, рассматривая повнимательнее, поднося к свету.

– Боюсь, на них уже ничего не купишь. Столько времени прошло.

– Ничего, – ответила я. – Ведь так хорошо, что я могу их потрогать.

Неожиданное знакомство

Все учебные классы 57-й школы загорелись зеленым цветом. К счастью, это значит, что урок закончился. Ученики отложили свои перья.

– Не забудьте перекинуть материал со своих электронных тетрадок мне, – громко сказала учительница литературы. – На дом читать: Горький, «Детство».

Ну вот, не могла, что ли, задать что-нибудь поинтереснее? Как раз в это время зеленый свет потух. Если говорить честно, то эта «система оповещения конца урока» мне больше нравится. Я слышала, что около десятка лет назад все было по-старому. Когда урок заканчивался, то на всю школу гудел противный звонок, который, возможно, отвлекал и раздражал детей. Но с появлением СОК – системы оповещения классов – эти громкие надоедливые звонки отменили. Ну и правильно. Вот загорелся класс зеленым цветом, и все поняли, что урок уже закончился. А о начале занятия информирует сиреневый цвет.

В общем, в этот день мы, как обычно, пошли домой вместе с Рэки. Ну, точнее, Рэки всегда провожала меня до дома и шла дальше сама по себе. Понятия не имею, где она живет. И почему она мне не рассказывает?

Всегда Рэки начинала разговор первой. О чем угодно. Иногда о чем-то глупом. Я же в свою очередь любила немного поразмышлять у себя в голове наедине с собой, но я всегда вслушивалась в слова, произносимые моей подругой, потому что ее истории были уж очень интересными. В этот раз мы, как обычно, шли вдоль улицы к моему дому и мило беседовали. Но Рэки начала говорить о чем-то серьезном, поэтому я слушала внимательно.

– Знаешь, Лебне, мне кажется, Сайрам иногда следит за мной после школы, – произнесла Рэки.

– Че-е-его? – поинтересовалась я. – Да с чего ты взяла?

– Ну, мне думается, он либо решил поиграть в шпиона, либо хочет выяснить, где я живу.

– Типа чтобы всем разболтать?

– Да.

– Глупые мальчишки. Если так будет, то вы с ним опять поссоритесь. Ох, не люблю, когда вы с ним ссоритесь, – пробубнила я.

– А я, думаешь, люблю? – удивленно спросила Рэки. – Просто он вредный, вот и все.

– Будет к тебе приставать, я его ударю, точно. Я уже достаточно подросла для этого!

– Все еще комплексуешь по поводу роста? – спокойно спросила она.

– Нет! Вот увидишь, я вырасту и буду выше тебя. И выше всех парней!

– Ладно, ладно, успокойся. Мы же про Сайрама говорим, а не про тебя.

– Просто спроси его, почему он за тобой следит, и все.

– Не могу же я просто так спросить, – сказала Рэки.

– Может, он влюбился в тебя? – с улыбкой спросила я.

Она, помолчав и немного покраснев, произнесла:

– Отстань, раздражаешь...

И мы обе дружно засмеялись. Да, такое было невозможно. К тому же Рэки не обращает внимания на глупых парней. Поверить не могу, но я знаю Рэки уже на протяжении пяти лет, и все это время мы непрерывно дружим. Даже помню тот день, когда мы познакомились. Хотя мне было всего лет семь.

Это было почти перед самой школой, в конце лета. Чтобы поступить в какую-либо школу, каждому ребенку нужно пройти консультацию школьного психолога. Не понимаю зачем, ведь раньше же никаких консультаций перед школой не было. А вдруг они выявят, что я отсталая? (ну, в общем, тупенькая) ... Мне было страшновато идти туда. Так, не о том речь...

В тот день я пришла к психологу вместе с бабушкой. Он был старенький и шел не так быстро, как я, поэтому я уступила ему место, а сама уселась к нему на колени. Сидя в очереди, я заметила девочку с черными волосами. Она пришла со своей мамой. Такой красивой женщиной, молодой и приветливой, она часто улыбалась, и голос у нее был звонкий. Возможно, они здесь по той же причине, что и я. Девочка была счастливее меня на вид. Сидела и болтала ногами. Я же сильно нервничала и волновалась, ведь если я не отвечу на вопросы бабушки психолога, то меня не возьмут в школу (по крайней мере, я так думала, ну, или мама внушила мне это).

Дверь отворилась, и меня позвали в кабинет. Бабушку не пустили. Он остался в коридоре и, по-видимому, расстроился. Ну вот. Как же я буду без бабушки? На душе стало еще беспокойней. Как только я присела на маленький стульчик, по моему телу прошла дрожь.

– Не волнуйся, я просто задам тебе пару вопросов, – пояснила психолог.

Кажется, ей было лет сорок. «Сапфира Васильевна» – прочла я шепотом надпись на бейджике. Интересное имя. Но у меня интереснее: Леоне. Чем-то похоже на имя Лена. Может сказать Сайраму и Рэки, чтобы меня так называли? Хотя они вряд ли согласятся. Рэки не любит прозвища.

– Так-с, для начала скажи мне, как тебя зовут? – спросила Сапфира Васильевна.

– Леоне Милóвич, ударение на «О».

– Угум... хорошо.

В ее глазах читалось некое безразличие, но я не переставала нервничать. Все-таки эта бабушка, наверное, была важной персоной в школе, раз консультирует детей.

– Тебе же уже исполнилось семь лет? – спросила она.

– Да, конечно, – более уверенно сказала я.

– Итак, Л... Леоне, назови дни недели, времена года, желательно по порядку.

Я уже пообвыклась, потеряла стеснительность, стало легче общаться с ней, когда она говорит со мной на равных.

– Понедельник, вторник, потом среда, четверг, пятница и мои любимые выходные: суббота и воскресенье. А времена года: лето, весна, зима, вот зимой у меня день рождения, и еще осень.

Немного помедлив и посмотрев в мою карточку, Сапфира Васильевна сказала:

– Да, да, хорошо, отлично. А чем отличается зима от лета, ответь-ка мне.

– Зимой снег выпадает, холодно становится, еще вроде птицы некоторые на юге зимуют, ну там: ласточки, жаворонки, утки всякие. А летом много солнышка, оно долго светит и греет приятно.

Кажется, я была болтливым ребенком, потому что говорила много лишней информации, но вроде правильно. Но можно было бы и короче сказать. Знаете, сначала все шло достаточно неплохо, а вот потом...

– Ага, хорошо, точно, – сказала психолог, задав уже примерно пятнадцатый вопрос.

– А вот последний вопрос: кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Хочу... – не задумываясь начала я, но на этом мои мысли кончились, и рот замолчал.

Я даже не знала, что ответить. В свое оправдание хочу спросить: а кто-нибудь из вас знал в свои семь лет, кем хочет стать в жизни? Чего добиться? Конечно, у меня была пара вариантов, но так серьезно я над этим вопросом и не задумывалась, это были только детские мечты стать биотехником или космическим астронавтом.

И тут у меня началась паника. Мысли смешались, и я уже не знала, что мне нужно ответить. А тетя-психолог все ждала ответа.

«О боже мой, я не знаю, кем хочу стать в будущем, я не отвечу на вопрос. Они... они подумают, что я глупая, и точно не примут в эту школу. Но ведь уже конец лета, а значит, меня

уже никуда не примут! И я буду работать дворником, подметая улицы всю жизнь. Господи, папа был прав».

Эти мысли пронеслись в голове со скоростью света, и тогда... я заплакала. Наверное, я была плаксивым ребенком, потому что это уже второй рассказ, в котором я рыдаю из-за безысходности.

У меня просто началась истерика, я не могла остановиться, слезы все текли ручьем (вспоминая всю эту историю, мне кажется, что Сапфира Васильевна здорово так напугалась от моего плача, ох, как мне ее жалко, простите, что напугала). Не успела она еще ничего сказать, как я уже встала со стульчика, выбежала в коридор и ринулась по коридору вглубь школы, конечно же, совсем забыв про дедушку. Главное подальше отсюда. Позже он мне рассказал, что на своих ногах не успел угнаться за такой резвой девчушкой, своей внучкой, но за мной вдогонку, отпросившись у мамы, побежала своими маленькими ножками девочка с черными волосами, сидевшая вместе с нами в очереди.

Отбежав достаточно далеко, чтобы меня никто не нашел, я уселась в одном из углов школы и обняла себя за колени.

«За *такое* мама меня точно отругает, – думала я, – не ответила на вопрос, сбежала, да еще и дедушку не подождала, вот дура!»

Наверное, я единственная из всех ребят вот так разрыдалась (ненормально-психованная). Да как вообще у семилетнего ребенка, который еще мал и ничего не умеет, можно спрашивать, кем он хочет стать? Агрх, ненавижу! Многие из вас и вправду подумают, что со мной что-то не так, но дело в том, что я очень серьезно отнеслась к данному вопросу, да и ко всему разговору с психологом в целом. Когда она спрашивала про будущую профессию, я подумала, что от меня сейчас требуют окончательного ответа (подобного рода вопросы я до сих пор не воспринимаю). Да ладно, некоторые взрослые люди в свои лет тридцать не знают, с чем хотят связать свою жизнь, а вы у мелких детей это спрашиваете?

Я выплакала большинство слез, которые скопились во мне. Сколько времени я просидела тут? Десять... Двадцать минут? Может быть, полчаса? Я шмыгнула носом. Больше плакать почти не хотелось, но на душе все еще было грустно. Тут я услышала чей-то топот и притихла.

– Эй, ты тут? – спросил детский голосок.

Мне не хотелось отвечать, и я только сильнее вжалась в колени.

– А почему ты плачешь? Я слышала всхлипы, – это был все тот же голос, но уже ближе.

Тогда я подняла голову. Передо мною стояла девочка моего возраста с черными волосами. Она подошла ближе и нагнулась надо мной, наклонив голову влево.

– Ты что, призрак?

– Нет, я Рэки, – усмехнувшись, сказала она, – а тебя как-то на Л зовут. Так, что случилось?

– Я не хочу говорить, – противилась я.

– Да брось, доверься мне. Представь, что мы находимся в закрытой комнате тайн. За пределы этой комнаты ничего не выйдет, – своими маленькими ручками она начертила в воздухе большой квадрат.

– Ты правда никому не скажешь?

– Неа.

– Точно?

– Даю слово.

– Ну, хорошо. Проблема в том... они... меня в школу не примут, – с обидой сказала я. – По-видимому, я глупая.

– Хм, ты вовсе не похожа на глупышку. Давай вернемся ко взрослым, они тебя ждут, – проговорила она.

– Правда? Меня, такую глупую и провалившую задание, ждут взрослые...

– Да. Ну и напугала же ты всех. За тебя много кто волнуется.

Почему-то мне хотелось ей верить, захотелось пойти с ней. Она протянула мне руку, уверенная, что я не откажусь от ее предложения. Я вытерла слезы и, приняв ее помощь, поднялась. Когда я встала, то ощутила легкость, все слезы давно вышли, а передо мной стоит и улыбается во все лицо красивая девочка.

Мы вместе вернулись к кабинету психолога, держась за руки. Нас покорно ждали, но психолог уже успела забить тревогу, я заметила ее обеспокоенное встревоженное лицо. Там был и мой дедушка, он успокаивал эту взбалмошную женщину.

– Слава богу, ты нашлась, – подбегая ко мне, сказала Сапфира Васильевна. – Больше так никогда не убегай.

– Больше – ни за что. Подождите... так это значит, что меня приняли в школу? – воскликнув, спросила я.

– Конечно же. Какие дети ранимые пошли, – пробубнив последнюю фразу и оборачиваясь к дедушке, произнесла она.

Конечно же, никто меня выгонять оттуда не стал. Я ответила на все вопросы очень хорошо, за исключением последнего, за что мне, кстати, до сих пор стыдно. Но когда я вернулась, то ответила, что не знаю, кем хочу стать, когда вырасту, но обязательно это выясню. Мне захотелось подождать, пока та темноволосая девочка (она не назвала мне тогда свое имя) ответит на вопросы, чтобы узнать как у нее дела. И этот случай волею судьбы свел нас с Рэки вместе. А после этого мы еще и поступили в один класс. И с тех пор мы стали лучшими неразлучными подругами. Теперь мою жизнь скрасят самые разные приключения, а я даже и не подозревала об этом в тот момент, когда встретила эту девчущку в семь лет.

* * *

Рэки провожала меня до дома. Мы перестали говорить о Сайраме.

– Слушай, а может, сначала пойдем ТУДА? – с ухмылкой спросила она.

– На заброшку? – поинтересовалась я.

– На нее самую.

– Пошли!

Короче говоря, я заболела

Она всегда таскала меня за собой. Куда только можно. В парк, в лес, на реку, на крышу зданий, аттракционы, подвалы, дома друзей. И я шла за ней. Потому что было интересно. Было *всегда* увлекательно. Порой я чувствовала себя какой-то вedomой собачкой. Мы были такими разными, но по какой-то прихоти судьбы смогли сдружиться. Она – веселая и ищущая приключений. Я – задумчивая и осторожная. Я была не против повеселиться с ней. Отвлечься от школы, других разных забот. Развлекать самих себя – это же лучшая игра! Тем более когда вокруг такой увлекательный и большой мир. Временами наши «мини-приключения» заходили слишком далеко. Вспоминая некоторые во взрослом возрасте, я задаюсь вопросом: почему я до сих пор жива? Могла расшибиться в любой момент. А ссадины были обычным делом. Я могла даже не помнить, как их заработала. Тут не хватает шуток про подорожник, но сейчас он редко растет в городах. Да и вообще в больших населенных пунктах постепенно с каждым годом становится все меньше деревьев и аллеек с кустами. Поэтому, чтобы увидеть деревья, почувствовать свежий воздух, услышать пение птичек нужно отправиться в лес. Но эта история пусть и была немного опасной, в конце закончилась благополучно.

Рэчки захотелось посмотреть на гулей. А они водятся только в глубоких лесах, где располагается проточная речка и пара заводов или комбинатов вокруг. Да, и они питаются падалью. В общем, мерзкие животные. И зачем только Рэчки приспичило туда направиться? Надеюсь, потом она объяснит мне, что ее надоумило.

Гули – это почти те же самые голуби, только жуткие и угрожающие для человека. Говорят, они мутировали из обычных птиц из-за плохой экологии и теперь живут на своих собственных территориях маленькими стаями, вдали от цивилизации, отгоняя кого-либо и сторонясь любых живых существ. Эти летающие твари к тому же переносчики самой разной заразы. Так что лучше их даже не трогать. Мда... Как так вообще получилось-то, что голуби в лесных и скрытых чащах «превратились» в гулей? Очень просто. Годами люди, строя заводы, загрязняли воздух выхлопными газами, отходами, воду разливом нефти и бензина, землю нитратами и пестицидами. В итоге в местах таких массовых загрязнений (а в основном они отдалены от людей и городов) голуби потихоньку приспособливались и мутировали в нечто странное. Их ноги стали длиннее и крепче, перья нередко взъерошены, клюв чуть загнут, и на его внутренней стороне образовались маленькие, но острые резцы, напоминающие клычки. Также радужка глаза у этих особей огненно-красная, так что их издалека можно отличить от обычных голубей. Язык их стал вытянутым и длинным. Говорят, у некоторых еще глаза светятся в темноте.

Это все лишь теории, догадки и некоторые факты, известные людям. Никто точно не знает, почему голуби вдруг разделились на два вида и почему только они. Но согласитесь, лучше к таким чудным созданиям не соваться. Мой одноклассник Сайрам называет их «крысы с крыльями». Довольно забавное сравнение, и я с ним согласна.

Хоть в обычном городе почти нереально встретить гулей, все родители крайне обеспокоены тем, что их дети могут заразиться бешенством, или оспой, или еще чем похуже от этих творений. Моя мама говорила: «Увидишь крупных голубей с красными глазами – беги!». Почему-то поначалу я воспринимала это как шутку. Но когда она сказала, что может случиться из-за заражения, мне стало не до смеха: приливы жара, высокая температура, пятна по всему телу, зуд в горле, тошнота, затрудненное дыхание, учащенное сердцебиение, скрипучий кашель (моя мама очень давно работала медсестрой). Ситуация может сложиться двумя способами: или вы делаете прививку в течение суток, и все протекает благополучно, либо вакцина введена с опозданием, и тогда у человека проявится большинство этих признаков.

Соваться в лес я, конечно же, не спешила. До недавнего времени...

* * *

Лес. Темное тихое место. Настолько тихое, что некоторые люди предпочитают его остерегаться. Мало ли кто здесь водится? Можно с легкостью напороться на какого-нибудь маньяка или просто угрюмого лесника. Да и мне, в общем-то, было всегда не по себе здесь. Всякий раз кажется, что из-за деревьев кто-то выглядывает. Посмотришь в одну сторону, в другую, и вроде бы ничего нет. Фантазия разыгралась. Просто оптическая иллюзия. Но краем глаза будто все время что-то или кого-то улавливаешь. Вот только есть в лесах поистине страшные создания. О них я вам уже говорила. Правда, я их пока еще ни разу не видела. И Рэки тоже. Но разница была в том, что она всей душой хотела увидеть гулей, а я нет. Ведь я их чертовски боялась. И лесной тишины тоже боялась. Жутко мне тут. Я старалась делать вид, что мне не страшно, чтобы Рэки не начала подтрунивать надо мной, ведь мы уже глубоко забрались. Но я искала любой повод, чтобы вернуться обратно.

– Рэки. А, Рэки. Ты не устала? Долго нам еще так идти по этим веткам?

– Не хнычь, все будет ок.

– Но этот рюкзак такой тяжелый. Зачем мы его взяли?

– Там палатка. Вдруг нам придется их долго ждать. Мы достанем палатку, она сама надуется, и можно будет сидеть внутри сколько хочешь со всеми удобствами.

– М-м, но мне надоело уже идти через всю эту чащу, – сказала я. – Такое ощущение, что кто-то за нами следит.

– Ты это придумала себе. Идем, не останавливайся.

Я и не останавливалась. Шла как шла, все время следуя за Рэки. Видела только ее спину. Но ее голос меня успокаивал. Под моими ногами хрустнула ветка. Я вздрогнула от неожиданности. Такую тишину прервал внезапный треск. Рэки обернулась, не переставая идти, улыбнулась и снова продолжила вести меня за собой. Она поправила кепку, сделала два больших шага и, хорошенько оттолкнувшись, перепрыгнула через кучку веток на пути, плавно приземлившись. Я тоже разбежалась и прыгнула, но только слегка промахнулась. Черт, нужно было сильнее отталкиваться. Я налетела на пару веток, да еще и ударилась о спину Рэки. Она немного пошатнулась, но выстояла.

– Ой, прости.

– Ничего. А ты как?

– Кажется, ногу оцарапала. Саднит.

– Давай посмотрю.

Она обошла меня сбоку и удивленно хмыкнула.

– Что? Что там?

– Не смотри лучше.

Только я ее не послушала. Глянула вниз на правую ногу. Оказалось, там торчала тоненькая длинная веточка. Прямо в ноге ниже колена, представляете? Я сразу же отвела глаза, хотя и успела знатно испугаться и заметить, что крови нет. Я сглотнула. На самом деле рана была небольшая. Ветка вошла только в самый верхний слой кожи где-то на три сантиметра вдоль. Рэки усадила меня на близлежащее к нам поваленное дерево. Еще раз посмотрела на мою ногу и приказала не двигаться. Думаю, если бы она сказала мне «не паниковать», то я бы запаниковала. Но она, к счастью, не сказала таких слов. Рэки стала рыться в своем рюкзаке. Ох, люблю я ее бездонный рюкзак. Всегда там найдется что-то полезное, что тебе нужно. И в этот раз она вытащила оттуда йод и пластырь. Она сняла мою правую сандалию, приподняла ногу и поставила к себе на колено. Я все еще старалась не шевелиться, а мое тело стало слегка ватным.

– Ой, смотри, что это там? – спросила она, указывая мне за спину.

Я обернулась, и вдруг – раз! Почувствовала, как ветка выходит из моей ноги.

– Ау, фу, – сморщилась я.

– Зато теперь она у меня в руке, – проговорила Рэки, помахав веточкой в пальцах, а потом быстро выкинула ее себе за спину.

– Это было неприятно.

– Ну, а как ты хотела? Не надо было на ветки напарываться.

– Хм, я думала, что не промахнусь, – пробубнила я.

Рэkki капнула на ногу немного йода и подула. На удивление было почти не больно.

– Вот и все. Готово, – сказала Рэkki, наклеив пластырь. Она была прямо передо мной на земле, стояла на одном колене и любовалась своей работой.

– Встань на ноги, грязно же.

– Ничего, – она села рядом со мной на бревно, немного отряхнувшись. Рэkki выглядела счастливой.

– Слушай, Леоне, если я стану врачом, как думаешь, много я жизней смогу спасти? – наверное, воодушевилась тем, что смогла вытащить ветку из моей ноги.

– Не знаю. Думаю, много. Врачи часто спасают жизни.

– А ты сама кем хочешь стать?

– Вообще без понятия.

– И я тоже.

– Да, в этом мы с тобой похожи.

– Только не вздумай лет через семь говорить, что не знаешь, кем хочешь быть. Будет вообще не прикольно.

– Да знаю я. Но до конца школы еще целых семь лет!

– Ха-ха, да. Только через семь лет я хочу быть Рэkki, то есть самой собой.

Мы немного посидели, а потом я сказала, указывая:

– Эй, смотри, там грибочки в траве.

– Ого, вижу. Но я сюда не за этим пришла. Пошли.

Я встала, отряхнулась и снова пошла в глубь за ней. Мы прошли маленький ручей с мутной и бурной водой. Казалось, Рэkki тут хорошо ориентируется, словно была здесь до этого и много раз. Что ж, поверю ее умению ориентироваться, ибо не хочу потеряться в этом дремучем лесу. А заблудиться здесь – пара пустяков.

– Вот, нашла! – воскликнула Рэkki. Сквозь стволы деревьев проглядывало ветхое кирпичное здание. Маленькое, похожее на гараж. Оно было окружено березками и заросло высокой травой. Такое пустое и некрасивое, без окон и без дверей...

– Я... первый раз вижу заброшенное здание, – сказала я.

– Круто, да?

– Мне как-то не по себе.

– Да расслабься ты, все в порядке.

– Ты тут уже бывала? – спросила я.

– Один раз, с братом.

– С каким братом? Ты же единственный ребенок.

– Двоюродным. Давай подойдем ближе, а?

Я нехотя согласилась. Ну как ей можно отказать? Такая живая, радостная, тянет меня за собой. Ее желание исследовать и находить что-то новое передалось и мне. Но чувствует мое сердце добром это не кончится.

Рэkki подбежала к зданию, широко раскинув руки, изображая самолетик. Вокруг было так тихо и пустынно... Я вцепилась в ляжку своего рюкзака и пошла по ее пути. Ветер раскачивал деревья, и их макушки шуршаще шумели над нами. Пустота... Прийти сюда-то мы пришли, но что, если что-то случится по дороге назад?

– Ты идешь? – спросила Рэkki.

Она уже умудрилась залезть на крышу одноэтажного зданища.

– Как ты туда забралась?

– Там есть холмик с другой стороны. Вот я и вскарабкалась, пока ты пребывала в раздумьях. Давай сюда.

– М-м-м, знаешь, мне и тут хорошо.

– Боишься, что ли?

– Вот еще!

Я обошла постройку, запрыгнула на холмик. Поставила ногу на почти вертикальную стену (кое-как нашла маленький выступ). Схватила рукой повыше и... соскользнула вниз, содрав ноготь.

– Ауч.

– Ку-ку, – это была Рэки.

Она посмотрела на меня сверху вниз, выглядывая из-за стены.

– Тебе помочь, коротышка?

– Завались. Руку давай, быстрее.

Она протянула мне свою детскую ручку, которую я схватила, а после влезла наверх.

– Я еще вырасту!

– Да-да, – закатив глаза, сказала Рэки.

Отсюда классно проглядывалась округа. Рэки оглядывалась туда-сюда в поисках сами знаете кого. Но пока что ничего кроме зеленой травы да деревьев не видела. Может, мы зря сюда пришли? Ну, это даже к счастью. Ни одно существо меня не напугает, и мы не попадем ни в какую переделку. А то уже надоело выслушивать мамины нотации. Что ж поделать, у нас такой возраст. Душа жаждет приключений! Ну а мы эту жажду утоляем, в меру своей фантазии и осторожности, конечно. Но надеюсь, с возрастом эта жажда приключений никуда не пропадет.

– Я ничего не вижу. Давай спускаться, – проговорила Рэки.

– Хорошо.

Мы слезли. В этот раз я обошлась без помощи Рэки, просто спрыгнула вниз. Оставалось только заглянуть внутрь постройки. Но и там ничего и никого не оказалось. Лишь мусор: банки из-под газировки, старые пожухлые листья, окурки сигарет и трава, прорастающая прямо из тонких отверстий между плитами в полу. Даже мыши нет или какой-нибудь крысы.

– Выходит, мы зря пришли? – осторожно спросила я.

– Да... похоже на то.

– Но было так классно увидеть заброшенное здание.

Рэки ничего не ответила. Она повернулась и пошла в сторону ручья. Усевшись прямо перед ним, она долго смотрела на воду, а потом начала говорить:

– Как же так? Они должны здесь быть. Точно здесь. Гули в таких местах и водятся. *Он* же сам их видел.

Я перепрыгнула ручей и встала прямо напротив нее. Мне ничего не хотелось говорить. Ей тоже. Рэки сидела так пару минут и кидала камушки в воду. Я тоже пнула один, и он покатился вниз к воде. Ноги уже затекли так стоять.

– Эй, Рэки, может, пойдем уже?

Она не ответила, лишь подняла голову.

– Сколько мы тут уже торчим мину...

– Ш-ш.

– Чего ты шика...

– Тихо!

– Да что ж такое? – полушепотом спросила я.

– Он прямо возле тебя! – расширив глаза от удивления, проговорила Рэки, указывая пальцем мне за спину.

Я обернулась и увидела это создание. Он находился в двух метрах от меня, даже меньше. Точно такой, каким его описывали взрослые. Глаза красные и как будто сверкают. Еще он так противно зашипел на нас. Ужас!

– Отходи назад, – приподымаясь, сказала Рэки.

Я начала потихоньку отступать, шелестя ветками. Гуль сделал пару шажков и повернулся ко мне своим левым алым глазом. Меня настолько передернуло, что я стала отступать быстрее. Мои ноги меня не слушались, дыхание участилось. Рэки еще что-то сказала, но я не слушала. Все мое внимание и все ощущения были сконцентрированы на этом существе. Почему-то мне казалось, что он непременно нападет. Он ведь может летать. Подлетит ко мне, вцепится в голову, и тогда я останусь уродиной до конца своих дней.

Я сделала еще шаг, потом быстрых два. Ноги, мои ноги. Совсем не слушались. Только в самый последний момент я поняла, что падаю. Тут же я услышала крик Рэки, но не поняла слов. И как можно было... так глупо упасть.

Все получилось почти так же, как я и думала. Я с треском обрушилась в воду, а гуль от неожиданности взвился и замахал крыльями. Пытаясь помочь мне встать, Рэки ухватила меня за плечи сзади. Но он подлетел ближе и вцепился мне клювом прямо в сандалию, пока я еще находилась на земле. Я вскрикнула. Даже через обувь можно было почувствовать, как он острыми резцами впился в мою кожу. Я попыталась отмахнуть его другой ногой, и у меня получилось. Видимо, он получил то, что ему нужно было и отцепился от ноги. Но гуль все еще стоял перед нами и шипел на нас, распушив крылья. Тогда вперед выступила Рэки. Она замахала руками и крикнула:

– Фу, убирайся отсюда. Пошел вон!

Это сработало. Он отступил назад, не ожидав криков в свой адрес, и улетел куда-то вдаль, оставив на земле пару перьев. Вот это Рэки дает. Не испугалась его после того, как он на меня напал. Еще и как крикнула! Моя героиня.

– Эй, ты как? Идти сможешь? – спросила она.

– Вроде да.

Но я была не до конца уверена. Рэки подала мне руку. Я чувствовала, как болит нога, но все же постаралась встать. Ноги уже были послушней. Потому что чувство страха исчезло, но на душе все еще было беспокойно. И вот я уже стою на своих двоих, только зад весь мокрый от ручья.

– Как же я испугалась! Я как его увидела так близко, сразу подумала: нам конец.

– Ну вот, зато ты его увидела, как и хотела.

– Хах, да, – отводя глаза, сказала она.

Думаю, ей стало неловко, что она затащила нас сюда, а потом меня укусил этот паршивец. Но она же спасла меня! Поэтому я не злюсь. Ну, все что ни делается, все к лучшему. Надо теперь как-то доковылять до дома. Сказать-то легко, но мы находимся в самой глубине леса.

– Пойдем. Я тебе помогу шагать, – сказала Рэки, подхватывая мой рюкзак.

– Ага.

* * *

Через тропинку мы вышли к дороге. Машины проезжали мимо с большой скоростью, не замечая нас. Пусть мы и вышли к «цивилизации», до дома было еще далеко. Нога моя как назло еще сильней разболелась, но я предпочла не говорить об этом моей подруге. Рэки предложила доехать до моего дома автостопом. Не самая лучшая ее идея, сказала я, но насколько часто ее идеи получают хороший исход? И согласилась. Делать-то нам больше нечего, а выбраться из леса надо. Сюда мы шли почти два часа, не уверена, что обратно дойдем также быстро и ловко.

Рэки выставила левую руку вперед, привлекая внимание водителей. Но они все проезжали и проезжали мимо. Рэки, вытянув руку, пошла медленным шагом вперед. Я, ковыляя,

пошла за ней. Мимо проехала черная машина с парнишкой за рулем. Потом красная со взрослым мужчиной. Дальше проехали еще две машины, за рулем которых были женщины. Никто не остановился.

– Не выходит, – грустно сказала Рэки. – Как твоя нога?

– Ничего. Еще можно потерпеть. Может, позвоним кому-нибудь из взрослых?

– Да, не мешало бы...

Как только она это сказала, нам посигналил огромный грузовик. Мы обернулись на звук, будто не веря, что гудок предназначался нам, а Рэки сильно-сильно замахала рукой. Самосвал медленно остановился возле нас на обочине. Дверь открылась, и мы увидели тучного рыжего мужчину, машущего нам с сидения своей гигантской машины. Чтобы его увидеть, пришлось встать на носочки, настолько высоко была кабина водителя.

– Вы далéка, девочки? – спросил он, улыбаясь.

– В город, – сказала Рэки.

– А, залезайте!

Он оперся на соседнее кресло и помог нам взобраться на него, протянув свою широкую волосатую руку. Мы с Рэки уселись на необъятном сидении с тканевой накидкой, такой старой, похожей еще на 10-е года выпуска.

– Пристегнитесь-ка.

Рэки потянула ремень на себя, а я застегнула его внизу. Было удобно, несмотря на то, что мы вдвоем занимали одно место.

– Что ж, поехали.

Грузовик плавно тронулся в путь, пропустив пару машин, он перестроился на главную дорогу. Я думала, что поездка пройдет тихо-мирно, но водитель первый начал неожиданный разговор. А Рэки ему на все отвечала. Вот как глупо получилось. Мы залезли в машину к незнакомому человеку. Да еще и к мужчине. Вдруг он педофил какой-нибудь? Так еще и Рэки сейчас выложит ему всю информацию о нас. Совсем дуреха. Но мое тело одолела сильная слабость, и я уже ничего не могла внятно сказать, только думать и слушать.

– А что две такие маленькие красавицы делали в лесу?

– Грибы собирали.

– Но, как я погляжу, у вас нет сумок с грибами.

– А мы не нашли ничего.

– Ох, как жалко.

– Да. Зря только ходили.

– И вас родители отпустили в такую даль?

– У нас здесь недалеко в поселке живет знакомый человек.

– Ясно. Твоя подруга такая молчаливая.

– Она... просто устала, – сказала Рэки.

Я же изо всех сил старалась не вырубиться. Так и чувствовала, что в любой момент могу потерять сознание. Благо грузовик ехал быстро, осталось совсем немного. Я смотрела в окно на проезжающие машины, на движущиеся деревья. Сами они движутся или это мои галлюцинации?

– Можете отвезти по этому адресу? – Рэки назвала мой адрес.

– Конечно, конечно. Мне не трудно.

«Ура, скоро буду дома», – подумала я. Когда мы въехали на территорию города, водитель больше ничего не спрашивал.

Большой грузовик заехал в мой узкий двор. Так бы и врезался в какую-нибудь машину.

– Ну, вот мы и доехали. Ой, а что это с твоей подружкой?

У меня на лице появилось большое красное пятно. Вот просто взяло и появилось из ниоткуда. Я же ни обо что не ударялась. О нет, это все укус!

– Да не волнуйтесь, она просто ударилась о ветку, – растерянно сказала Рэкки и попыталась прикрыть его моей челкой. – Спасибо вам большое, что подбросили.

Рэкки сама отстегнула ремень, поняла, видно, что я не в силах. А после помогла мне выбраться, схватив за плечи. Мужчина подал ей рюкзаки.

– Спасибо вам еще раз, – махая водителю, кричала Рэкки. Грузовик скрылся за домами.

– Эй, Леоне, – она потрясла меня немного за плечи. – Твои родители дома, нет?

– Я... я не помню... – пробубнила я.

– Твою ж. И что мне с тобой делать?

– Брось... меня. Зачем тебе такая слабая подруга.

Она залилась смехом.

– Прости, но на такое я не готова.

Рэкки взяла меня под руку. Тащить меня было легко, я же «мелкая». Жаль только, я не помню, как Рэкки подымала мое ослабшее тело по лестнице. Думаю, было очень комично. Помню лишь, что Рэкки постучалась в дверь квартиры и ей через некоторое время открыла моя мама.

– Здравствуйте. Мы... пришли... – через силу улыбаясь и держа меня подмышку, сказала Рэкки.

Мама ахнула, подхватила меня на руки, и Рэкки смогла наконец вздохнуть с облегчением. Она ничего не сказала, не стала кричать, ругаться. Просто спокойно сняла свой фартук и понесла меня в кровать. Мягко положила, сняла обувь, носки...

– Ой, господи, – шепотом сказала мама, увидев мою голую ногу.

Она взъерошила мне волосы. Ласково укрыла одеялом. Потом встала, подошла к окну и распахнула его пошире. Было лето, поэтому свежий душистый воздух проник в комнату. Я все это время еще находилась в сознании.

А Рэкки все это время стояла в коридоре, переминаясь с ноги на ногу. Когда мама вышла к ней в прихожую, Рэкки оживилась.

– Ну, как она? Все хорошо? Простите, пожалуйста, – затараторила она. – Это все та летающая штука. Все случилось так быстро. А... можно к ней?

– Какие же вы проказницы. Хорошо. Но не долго. Ей нужно поспать, а после я введу ей вакцину. Леоне сейчас в бреду. Вряд ли она вспомнит то, что ты ей скажешь.

Мама проводила ее до моей комнаты в дальний конец коридора. Рэкки увидела меня, сонную и замученную, лежащей в кровати и заколебалась.

– Не бойся, этой болезнью нельзя заразиться воздушно-капельным путем.

– Я не...

Она шагнула в комнату и уселась на край кровати, возле моих ног.

– Я зайду минут через десять, – произнесла мама, закрывая дверь.

Рэкки села на кровать, попружинила на ней, поболтала ногами. Подошла к окну, подышала свежим воздухом. Стесняется. Неловко ей, что все так получилось, так еще и по ее вине. Она вздохнула, обратно уселась на кровать. Времени-то не так уж много.

– Привет, Леоне.

– Кто это?

– Это я, Рэкки.

– Странное имя. А «Рэкки» это парень или девушка? – пробубнила я.

– Девушка!

– М-м-м, не шумите.

– Хорошо, хорошо. Давай поболтаем.

– Угу.

– Твоя нога сильно болит?

– Угу.

– Знаешь, лучше бы он *меня* укусил. Мои родители со своей гиперопекой сразу бы отвезли меня в больницу. И лежала бы я там целую вечность. Думаю, у тебя все еще не так серьезно. Эй, ты спишь?

– Неа, – я повернулась на бок, ближе к Рэкки.

– Хорошо, что сейчас лето и завтра не надо идти в школу. А то как бы ты в таком состоянии пошла туда? Там и без того фигово, а тебе будет еще хуже. Ха-ха.

Я молчала. Рэкки тоже притихла. Ветер подул и потряс занавески. Почему-то во время всего нашего диалога Рэкки так ни разу и не посмотрела мне в глаза. Видимо, ей все-таки неловко.

– Почему-то у меня такое странное чувство... Твоя мама говорит, что ты все равно ничего не вспомнишь. А если я сейчас извинюсь, то какой от этого будет толк, да? Ты меня понимаешь?

– Вроде.

– Так что я попозже. Завтра. Я зайду завтра еще. Наверное, тебе уже полегчает, и мы сможем поиграть.

Молчание.

– А ты слышала о вирусе двадцать-двадцать?

– Не-е...

– Ну, тогда ложись спать, а я тебе расскажу одну сказку. Давай, устраивайся поудобнее и слушай. Хорошо? Давным-давно, лет так тридцать пять назад, на земле, в Восточной Азии, из ниоткуда появился вирус. Такой маленький, но такой опасный. Представляешь?

– Угу.

– Так вот... Сначала его никто из людей не заметил, а он потихоньку распространялся. Селился во все большем и большем количестве людей. И через пару месяцев охватил почти весь мир. Люди боялись его, но ничего не могли с ним поделать. Метались туда-сюда, теряли близких. Да и в нашей стране тоже было много зараженных. А знаешь, какие признаки болезни были у людей? Почти как и ОРВ. Температура, кашель, плохое самочувствие, еще...

– А кто-то из твоих родственников болел тогда?

– Ну, мама рассказывала мне, что бабушка моя на целых три недели потеряла чувства вкуса и запаха. Прямо ничего не чувствовала. Только соленое и сладкое слегка. Это, наверное, было очень ужасно. Не ощущать вкус еды, разве так можно? Просто кошмар. Остаться без вкуса конфет и шоколада на три недели. Я бы не смогла!

– Я тоже.

– Слушай дальше. Я еще не дорассказала. Ученым удалось разработать вакцину. Причем очень хорошую и действенную. И это превосходно, что им удалось сделать это в первый год пандемии. До вакцины, конечно же, успело погибнуть много людей. Мне всех их жалко. Если бы медицина была высочайше развита, как сейчас, то вакцину бы разработали намного быстрее. Эх. После того как люди стали прививаться, болезнь пошла на спад. Заболевших людей становилось все меньше и меньше. И года через три на Земле не осталось ни одного человека, болевшего или носившего вирус. Может, сам по себе он и не был очень опасен, как чума или оспа в свое время, он все равно затруднял людям жизнь. В первые две недели карантина вообще нельзя было выходить на улицу. А после можно было гулять только возле дома и ходить в ближайшие магазины. Почему-то люди словно с ума посходили. Скупали гречку и туалетную бумагу. Глупо-то как. А потом носили маски почти круглый год. В жару в маске – это же так душно! И руки, кстати, тоже нужно было обрабатывать каждый раз спиртом, или надевай перчатки. Вот такая морока. Как только в школу тогда ходили? Если кто-то чихнул бы, то всем в округе стало бы страшно. Хорошо, что все это давно закончилось. Да?

Нет ответа.

– Ты спишь, Леоне?

Опять молчание.

– Ну, хорошо. Тогда я пойду.

Она потрясла ногами, сидя на моей кровати, а после поспешно спрыгнула вниз.

– Пока, что ли, – сказала она.

Но я уже ничего не слышала. Так крепко спала. Рэки после этого сразу ушла домой и никому из родных не сказала, где была и что случилось. А я сидела дома и болела еще две недели. К концу первой недели все мое тело покрылось красно-оранжевыми пятнами. Но чувствовала я себя уже намного лучше. Только присутствовала иногда сонливость. Мама не стала спрашивать про наши с Рэки похождения, давно все поняла как есть, сразу же, как меня увидела. Хорошо хоть не запретила с Рэки дружить. В будущем мы попадем еще в кучу переделок. Но скоро я уже смогу выйти на улицу и погулять с этой озорницей!

День Победы, как он был от нас далек...

В школу мы пришли рано утром. Праздничное чувство окутало меня с самой рани. 9 мая – День Победы. Пусть и не такой яркий и праздничный, как Новый год или день рождения, но по-своему особенный. День, когда страна одержала верх над немцами...

С того дня в 1945 году прошло уже больше ста лет. Не осталось больше ветеранов, отстоявших тогда родину. Не осталось тех, кто помнит те выстрелы и взрывы гранат... Но люди не хотят забывать это. Каждый год мы неизменно празднуем это великое событие. Это не только День Победы, но также и день всеобщего единства народа. День, когда вся страна благодарна предкам за светлое и счастливое будущее.

Хочу сказать жителям всей планеты: не очерняйте прошлое. Неспроста же за годы Великой Отечественной войны погибло столько миллионов человек. Перед всеми солдатами нам, живым, надо низко поклониться, а не перевернуть историю и чернить добрые имена солдат.

Прадедушка моего отца был блокадником Ленинграда. О нем сегодня я и расскажу всему классу. Так как нам уже по одиннадцать лет и мы взрослые, классу разрешили рассказать о своих родственниках, участвующих в войне. Каждому представится такая возможность.

Мама пошла в школу со мной. Она захватила с собой наручные часы, где была фотография моего дедушки. Нажимаешь пару кнопок, и появляется голограмма фотографии. На ней дедушка такой молодой. Весь в орденах, но такой грустный. Видимо, нелегко война далась ему. Видеть, как люди умирают толпами на поле боя...

Когда мы с мамой направлялись в школу, я все канючила у нее: «Дай часы, дай мне часы». Сама не знаю почему. Мне так хотелось их самой нести. А когда мама дала мне электронные часы, то я начала голосить: «Пойдем быстрее. Быстрее идем. Я хочу встретиться с Рэки!» Тогда она зашагала быстрее, немного закатив глаза.

Было еще совсем рано. Около десяти утра. В выходной-то день многие могли проспать и до двенадцати. Но мы с мамой были на ногах и уже подходили к школе.

- Давай зайдем в школьный музей, – сказала я.
- Зачем?
- Туда все ходят. Да и в праздник там, наверное, такую экспозицию выставят.
- Ты имеешь в виду: флаги, ордена и старые фото?
- Да, именно их. Еще я надеюсь встретить там Рэки.
- Ох, что ты все о Рэки?
- Потому что я по ней соскучилась.
- Вы же вчера виделись.
- Да, и как давно это было!

Мама хмыкнула и повела меня в музей. Она хорошо знала, где он находится. Мы поздоровались с вахтером, поднялись на второй этаж, повернули налево и прошли почти до самого конца коридора.

Ныне музей представлял собой «Выставку боевой славы». Руководит им учительница русского языка и литературы. Когда она только стала учителем, то начала обустроить этот музей своими руками с помощью детей. Он занимал небольшую комнату. В нем, возле стен, по всем правилам музейного дела, развернута экспозиция: стенды с документами, снимками, военными наградами, реликвиями. В музее было мало людей.

Я сразу побежала к наградам. Все они такие разные. Думала, они будут блестящие. Хотя столько лет уже прошло... Ордена были похожи на маленькие звездочки. Некоторые будто усыпаны бриллиантами, как орден «Победы». Медалей было только три вида: «за оборону Ленинграда», «за оборону Одессы», и «за оборону Севастополя». Они мне все очень понравились.

- Мам, посмотри, это орден «Победы», – показывая на него, твердила я.

– Да, вижу.

Фотографии были совсем старые. Где-то немного порванные, где-то в странных желтых пятнах. Ну и пусть! Фотографии это память, а память нужно беречь. Сейчас-то фотоснимки почти вышли из обихода. Многие люди предпочитают настоящим фото электронные. Да даже моя мама. Но мне приятны те люди, что хранят исторические ценности. А музеи с этой задачей хорошо справляются.

Я наконец отвлеклась от рассматривания военных ценностей и огляделась по сторонам. Моя мама стояла у двери и рассматривала какие-то документы. Рэки здесь не было. Зато были другие мои одноклассники: Сайрам и Кай. Я решила подойти и поздороваться с ними, ведь меня так воспитали, что нужно быть вежливым.

– Привет, Сайрам, Кай.

– Хей, Леоне.

– Как поживаете? Вы сегодня одни или с родителями?

– Я с отцом. А вот Сайрам один пришел.

– Ясно. А Рэки не видели?

– Неа. Она уже, наверное, в классе сидит.

– Хорошо. Я проверю. Сейчас с мамой еще немного посмотрим экспонаты и пойдем. Вам нравятся эти медали?

– Еще бы. Они просто потрясающие. Редко доводится их увидеть. Ну ладно, мы пошли в класс.

Я помахала им рукой, потому что они отделились от меня и направились к выходу. Сама же поспешила к маме. Она рассматривала большой плакат, посвященный Курской битве.

– Мам, пойдем скорее в класс.

– Оу, уже. А не хочешь почитать про Курскую дугу?

– Нет. Я и так уже всю историю Великой Отечественной помню.

– Прямо всю?

– Да, хоть я еще и в четвертом классе, – гордо сказала я. – Нужно помнить историю своей страны, потому что незнание – вред.

– Верно говоришь.

– Это учительница все время повторяет. Вот я и запомнила. Мам, ну пошли уже.

– Хорошо, – согласилась она.

Она взяла меня за руку и повела в наш класс, такой просторный и светлый. Он располагался на третьем этаже и был немного больше обычного школьного класса. Мы вошли, и мама сказала:

– Я сяду сзади. Держи часы крепче и никому не давай их.

– Хорошо.

Она отошла в самый конец класса к другим родительницам. А все дети собрались в центре кабинета. Кто-то резвился и бегал между партами. Было забавно на это смотреть. Неожиданно я увидела Рэки. Она была в забавном платьице и розовых туфлях. На руке болталась, завязанная вокруг запястья, оранжево-черная ленточка. Рэки не бегала с другими. Она стояла рядом и громко смеялась. Ее раскатистый смех был таким заразительным.

– Эй, Рэки, а вот и я, – проговорила я, подойдя ближе к ней.

– Привет. Как жизнь?

– Да все нормально. Ты про кого сегодня рассказываешь?

– А-а, это секрет, – ехидно сказала она.

– Ну вот, а я хотела узнать, о чем ты рассказываешь, чтобы потом тоже поделиться. Но теперь я также не скажу!

– Ну и ладно.

– В смысле «ну и ладно»? Я хочу знать.

– Потом узнаешь. Когда я выйду к доске и буду говорить.

Ух, Рэчки. Такая вредная! Но я вреднее. Раз она так хочет, то пока не будем ничего другу другу говорить. Узнаем все по ходу дела. А я-то думала, она мне подруга!

В классе появилась учительница и сказала всем успокоиться. Она начала подсчитывать детей и дошла до двадцати пяти, а это как раз то количество учеников, что было в нашем классе.

– Все усаживайтесь по местам, – сказала классная руководительница.

Дети перестали шуметь и начали разбегаться по классу. Я пошла к своему месту в первом ряду. Когда все улеглось, учительница сказала:

– Сейчас мы посмотрим презентацию. Отнеситесь к этому серьезно и постарайтесь запомнить как можно больше информации. Потом послушаем ваши рассказы. У кого-нибудь есть желание начать первым?

Никто не поднял руку.

– Тогда я включаю презентацию.

Слайды были хоть и обычными, но интересными. Ведь они тоже повествовали о событиях прошедших лет. Учительница рассказывала нам про подвиги советских солдат. Мне особенно запомнился один мужчина, что подорвал себя вместе с толпой фашистов. Вот это настоящий храбрый поступок. Пожертвовать собой ради родины поистине велико. Мало у кого из современных парней хватило мужества на это.

Также она говорила про ветеранов. Людей уже отслуживших и побывавших на войне. В 2000 году в нашем городе оставалось 172 ветерана, прошедших Великую Отечественную. В 2010 уже 93. А к 2020 году их осталось всего девять. Всего лишь девять человек, кто своими глазами видел тот ужас войны и мог передать из уст в уста рассказ о том тяжелом времени...

Сейчас таких людей не осталось не то что в нашем городе, их нет вообще больше нигде. Больше ста лет прошло от конца войны. Люди так долго не живут... Хотелось бы мне тоже своими глазами увидеть ветеранов. Старых, почетных людей, увешанных медалями да орденами. Узнать, что они скажут о войне. У каждого, должно быть, была бы своя история, своя точка зрения на все происходящие тогда события. Послушать бы... но я не могу. Как же я завидую тем людям из прошлого, которым довелось лично встретиться с ветеранами!

Учительница перешла на рассказ о защитниках Брестской крепости. О том, как на протяжении целого месяца они не сдавались и не хотели пропускать врага. Как отважно они боролись за свою родину.

Да, война – это такое грустное и плохое событие. Будь моя воля, то войн бы вообще не было. Но даже сейчас кто-то сражается, кто-то погибает. Где-то в мире точно ведутся военные действия. Я знаю. И это плохо. Сидеть здесь и размышлять о таком, когда я ничего не смогу сделать...

– Итак, кто хочет быть первым? – голос учительницы будто вывел меня из транса. Сама и не заметила, как так глубоко задумалась.

Первой была Виньетта. Она всегда была ответственной и послушной, и когда ее мама крикнула ее имя, тут же пошла к доске. Она выступила с рассказом про своего деда, начала резко и бойко. По ее словам, он был очень везучим человеком. На войне ему несказанно везло, непонятно почему. Как заговоренный. Ни пуля, ни мина его не брала. Думаю, это довольно пугающее чувство, когда бежишь рядом с солдатами – один упал, второй, десятый... А он бежал словно в броне. Защищенный чем-то невидимым. Во время боя не должно быть никакого страха, только вперед. Таков был его девиз.

Дальше она произнесла:

– По статистике, жизнь солдата не превышает двух-трех дней, а дальше – ранен или убит. А моего прадедушку ни разу не ранило, не контузило. Из самого пекла возвращался живым. Правда, после боя делалось страшно, не по себе как-то становилось. И товарищей жаль. Так

много их осталось на поле боя убитых и раненых. Потом он пешком прошел Эстонию и Латвию. Остался там на пять месяцев, потому что было особое задание по зачистке города. Туда и пришла долгожданная весть о победе.

Она закончила и устала на нас с гордым видом. Гадость.

– А как дедушку звали? – спросила классная руководительница.

– Михаил Кириллович.

Виньетта удалилась на место. Я не буду говорить обо всех историях, лучше о тех, которые мне больше всего запомнились или понравились. Ну и про свою расскажу вам. Я что, зря готовилась? Я вышла к доске. Поставила часы на стол. Отсюда была видна моя мама в кругу других родителей. Она сидела в самом углу и даже помахала мне. Я открыла фотографию прапрадедушки так, что она преобразовалась в голограмму, чтобы всем было видно, и после недолгой паузы начала говорить:

– Волею судьбы моему дедушке пришлось оказаться в осажденном Ленинграде, терпеть лишения, голод и холод. Видеть обессиливших от истощения людей, трупы погибших. Несмотря ни на что он жил обычной фронтовой жизнью, ну или старался жить. Люди в Ленинграде, преодолевая все невзгоды, работали на заводах, строили оборонительные укрепления, помогали друг другу выжить. Особенно тяжела была зима 1942 года. Как и остальные блокадные дни, но она была хуже. Сотни тысяч человек умирали от голода. Это было всем известно. Люди даже на грани смерти заботились друг о друге, помогали, делились последними крохами еды. Дедушка был уже достаточно взрослым человеком. И как уцелевший свидетель тех событий записал в своем дневнике: «Сколько помню примеров истинной, настоящей дружбы между людьми. Только люди высочайшего чувства долга и самопожертвования могли победить и выстоять в той блокаде». Особенно он подчеркнул: «Даже в первую голодную зиму 1942 года рабочие машиностроительного завода и другие предприятия ремонтировали и создавали новые танки, минометы, боеприпасы для фронта».

Уже в июне электрокабеля проложили по дну Ладожского озера, и город получил электроэнергию, топливо, связь. Пошли трамваи, появилась вода в домах. Вот так на самом деле жили и боролись ленинградцы.

В октябре 1943 года в Ленинграде проходило комсомольское собрание, участником которого был и мой дед. Он представлял с группой однополчан 134-й стрелковый полк 45-й гвардейской дивизии. Главная мысль, звучавшая у всех на устах: «Умрем, но не сдадим врагу город!». Но люди, как вы понимаете, не бессмертные. Неспроста же за годы войны погибло столько миллионов человек. Перед этими воинами нам стоит низко кланяться, – я сделала жест, словно собиралась поклониться. – Мой дедушка говорил: «Не черните добрые имена солдат!». Звали его Николай Семенович. Блокадник, участник снятия блокады Ленинграда и Великой Отечественной войны.

Я закончила свой рассказ. Все взгляды: и детей, и взрослых – были обращены на меня. Кто-то даже похлопал. Думаю, им понравилось. Я вернулась на свое место. Посмотрела на Рэки. Она обернулась и показала мне «класс». Я неуверенно ей улыбнулась. А после меня к доске пошел Сайрам. Интересно, про что он скажет или про кого? У него ничего с собой не было, ни фото, ни листочка. Заучил все?..

– Мне рассказывал дедушка то, что ему в свою очередь говорил его отец. Пусть он и почти не воевал, но 9 мая было и остается для него великим праздником. Эта дата не столько советская, сколько всенародная. День Победы больше праздновали фронтовики. И среди них было у него много знакомых и старших товарищей. Он не любил рассказывать о боях, обстрелах и бомбежках. Это была для него словно другая жизнь, которая его, несомненно, переделала. Она приучила его к другому строю мыслей, другому самоощущению.

Там на войне все они родные, чувство повязанности, родства возникало между ними в окопах. Его друзья уверенно и красиво говорили о «великих полководцах», но не было в их рассказах ни пота и крови, ни слез по погибшим товарищам.

Дедушку приняли на войну только под самый ее конец. Но помнил он одну встречу: столкнулись солдаты в бою у железной дороги. С одной стороны наши, с другой – немцы. Стали драться врукопашную, потому что припасы были на исходе. Вдруг налетели наши истребители и давай стрелять из пулеметов. Все бросились врассыпную, а затем наземь. И вот он поднимает голову, а рядом – фашист. И он тоже смотрит на него. Они не стали бросаться друг на друга. Через пару секунд немец вскочил и бросился через насыпь к своим. Дед за всю войну так близко не видел врага в лицо.

– Он в День Победы ходил с во-о-т такой шишкой на лбу, – показывал руками Сайрам. – На рассвете раздалась страшная пальба. Он был в палатке, вскочил и рванул наружу от такого грохота. И тут деду навстречу, лоб в лоб, командующий. Так ударились! А командующий сквозь слезы и смеется: «Победа, Победа!». И все-таки День Победы – это праздник. Наши родственники показали, насколько сильна человеческая натура, в каких невероятных условиях можно выстоять и победить.

– Спасибо, Сайрам, – сказала учительница. – Как звали деда-то? Не помнишь? Хорошо, кто там дальше?

Сейчас хочу поведать историю Сибна. Моего скромного одноклассника с белыми, на первый взгляд, словно седыми волосами. Он вышел к доске.

– Это было очень давно, в Сибири. Я нашел записи одного из моих предков, когда ездил к бабушке на дачу. Это вышло случайно, моя машинка упала под половицу, и я полез за ней. Но сейчас я вам зачитаю, – он держал в руках темно-зеленую книжицу, которая порядком износилась. – «Десятое мая на Васюгане было необычайно солнечным. Дома, посеревшие и озябшие от мартовской и апрельской сырости, пообсохли, встрепенулись и теперь весело смотрелись. Деревня была взбудоражена. Все упорней люди болтали о конце войны. Совершенно непонятно, откуда в глухой сибирской деревне, без радио, мог появиться такой слух, но он продолжал жить.

В этот день, как обычно, в школе шли занятия. В классе между партами ходила учительница. Молодая, с темными волосами и светлым лицом. Дети шелестели тетрадями, сделанными из старых газет. Мальчик, сидящий у окна, не отрываясь смотрел туда.

– Ты опять в окно смотришь! – крикнула учительница.

– Марина Петровна, тише! – сказал он.

– Что «тише»?

– Катер... плывет.

Класс притих. Это был первый почтовый катер этой весной. И вдруг с берега, куда пристал катер, донесся шум. Он все нарастал и нарастал.

Все повскакивали со своих мест, закричали и, толкаясь у двери, побежали на улицу. В классе осталась только учительница. А дети бежали по деревенской улице, которая была залита солнечным праздничным светом.

– Война кончилась! ...а-ась! – они подхватили крик взрослых парней у берега и разносили его по всей деревне.

Жившая рядом со школой бабка выбежала во двор и начала креститься, приговаривая:

– Боже, дождалась этого дня! Ушел враг наконец!

Школьная толпа одним махом пробежала всю улицу до конца, крича громкие слова, и в растерянности остановилась на окраине. Вслед ей из каждого двора слышались крики радости. Жители долго не спали в этот день. Но никто не собирался, не выпивал, никак не праздновали. Просто потрясенно переглядывались. Девчонки плакали. У кого папа на войне погиб, у кого жених, у кого брат. Уже через пару часов та радостная обстановка сменилась горечью.

У меня оба брата тоже погибли. А у соседки убили четырех сыновей! Это ужасно. Все они были военные офицеры, прекрасные люди... Как она перенесла столько горя?! Но две дочери и сын из ее семьи детей выжили. Мне до сих пор война снится в кошмарах. Страшное было время».

Сион закончил читать. Он передал старый и потрепанный дневник по ряду, чтобы каждый мог посмотреть и увидеть старые надписи, погрузиться в историю. Потрясающе! Простая тетрадка была вся исписана мелким почерком. Кое-где виднелись пометки карандашом, но они были сделаны детской рукой. Видимо, Сион их начертил, чтобы лучше разбираться в почерке.

– Я могу еще один рассказ прочитать, если вы не против, – сказал Сион. – Называется «Геройство».

Ему вернули дневник, чтобы он смог еще поведать о той деревне. Всем было интересно послушать. Даже взрослые затаили дыхание. Сион принял тетрадку из чужих рук и начал говорить:

– «Думаю, многие из вас в детстве играли в войну. И каждому хотелось быть солдатом, совершить какой-нибудь подвиг. Так вот и я со своим братом тоже. Было нам лет по восемь. Разница в возрасте в год. Поэтому я считал себя взрослым. Жили в большой людной деревне, но все друг друга здесь знали.

Июньское утро. Стояла жара. Мы с братом купались в мелкой речке. Родители нас смело отпускали одних. В самых глубоких местах вода доходила нам до горла. Но мы туда не совались, нам и по пояс хватало.

Накупавшись в свое удовольствие, собрались домой. Вдруг услышали шум – трактор едет.

– Танк! – кричу я. Это мы понарошку, играя, его так называли. А трактор большой, видно издалека. – Успеем?

– Успеем! – быстро подхватил брат.

И мы бросились бежать к дороге. Он еще прихватил с собой стеклянную бутылку, которую на берегу реки нашел. Хотел сдать, а на вырученные деньги купить вкусностей.

– Бутылку брось, потом подберем!

Но он рвался вперед, не выпуская бутылку из своих детских рук.

– Ты ничего не понимаешь, это граната!

– А-а-а, понял. Тогда ладно.

Но бутылку было жалко. Как мы теперь купим сладостей? Взорвет он гранату, и нет бутылки.

«Танк» все приближался и приближался. Времени совсем мало. Мы ринулись на дорогу. Ложимся в глубокую ямку, зарываясь в рыхлую неприятную землю. Ни в коем случае нельзя шевелиться, а то нас поймают. Нам хотелось показать всю свою смелость. Танк над нами проедет, а мы не испугаемся и в живых останемся. Все думаю: вдруг брат бутылку не так кинет, и ее танк раздавит? И вот трактор уже возле нас, слышалось громкое тарыхтение. Последние минуты оставались.

В тот момент я ощутил сильный страх. Наверное, выглядел большим трусом перед братом.

«Лежать, – подумал я. – Лежать и терпеть, как это делали на войне. Ни за что не сдаваться!»

И вдруг резко все смолкло. Громкий рев трактора прекратился. Он остановился где-то в двух-трех метрах от нас. Почему-то я не увидел, как выбрался из кабины «танкист». Видимо, слишком сильно зарылся. Но зато после я хорошо почувствовал боль в области затылка. Тракторист держал руку у меня на голове, при этом громко крича. Он был почти в истерике. Братцу же меньше досталось. Потому что он младше. Да-а, влипли мы... Плохие мы разведчики, раз нас так быстро нашли. Нужно было сильнее зарываться в землю. Да вот времени было мало. А братишка молодец, бутылку не использовал, сберег.

О таком «геройстве» мы решили молчать до конца своих дней. Но на следующий же вечер о нас говорила вся деревня. Я очень боялся, что папа узнает. Тогда вообще запретит на улицу выходить и голову оторвет...

Но он узнал.

Все просил потом рассказать ему, каково это было. Да и как же это мы до такого додумались?

– Помнишь, ты мне про войну рассказывал? Как там танки большущие немецкие грохотали... – смущенно говорил я.

– Так это же была война! И танки немецкие. Не войой, лучше живи и радуйся в мире.

А вместо того, чтобы меня отколотить, схватил и крепко обнял. А после глубоко задумался, глядя в одну точку. Видно, вспомнил ту настоящую войну. Страшную и невыносимую. Ведь из-за войны столько бед...»

Я заслушалась, пока Сион читал. Мне очень понравились эти истории. Думаю, семейство одной деревни вело этот маленький дневник, записывая туда различные истории, воспоминания, связанные с войной. И теперь этот сохранившийся дневник может служить нам хорошей «книгой сказок». Ведь мы никогда не видели войны (и слава богу), поэтому с некоторым трудом можем представить себе различные происшествия. Особенно если это произошло сто лет назад. Техника сейчас, даже военная, совсем другая. Более устрашающая, что ли. Но сохранившиеся в бумажном и электронном виде фотографии хоть немного да помогают представить ужас тех годов...

– А почему ты не отдашь его в музей? – спросил кто-то из родителей у Сиона про дневник.

– Я-я не хочу. Это же память.

– Так пусть оно и хранится в музее, на обозрение всем.

– Но это семейное, – кажется, Сион готов был расплакаться.

– Тише, тише, успокойтесь, – вмешалась учительница. – Если он не хочет, то и не надо. Давайте не будем здесь препираться, пожалуйста.

Сион сел на место, родители успокоились. Похоже, кое-кто и правда перегнул палку. Неумно.

Напоследок я оставила Рэки. Ну, она и вправду выступала почти в самом конце. Поэтому я решила рассказать о ее истории последней.

Рэки основательно подготовилась. Впрочем, как и другие, но чуточку больше. Я видела это по огоньку в ее серых глазах. Сразу понятно, что она очень старалась и даже гордится сделанной работой. Рэки шепнула мне перед презентацией: «Я опрашивала многих родственников и от каждого узнала по чуть-чуть. Мне почти что самой пришлось собирать информацию воедино!». Прямо так и сказала. Но почему я вспомнила об этом только сейчас? Ума не приложу! Я с нетерпением ждала ее рассказа. Только вот не пойму... зачем Рэки так стараться? За это задание ведь не ставят оценок. Я бы поняла, если бы дело было в них. Зачем же тогда?..

Она держала в руках листочек, исписанный ее мелким почерком. Но там был не цельный текст, а только какие-то пометки, состоящие из маленьких абзацев.

– Рэки, ты можешь начинать, – сказала учительница.

– Хорошо, – она откашлялась и приступила: – Вы когда-нибудь задумывались над вопросом: страшно ли на войне? Мой дедушка, прошедший войну, говорил, что да. Еще как страшно. Ведь на войне гибнет так много людей. А ты порой, находясь в самом центре сражений, видишь, как погибают твои друзья и товарищи. А война сидит в нашем сознании и никуда не денется. Вот об этом часто говорил мой прадед. Погибли миллионы людей. И это факт. У него это были отец, два родных дяди, фронтовые друзья. Но со временем он смирился, что ж поделать. Его тяготили воспоминания о тех красноармейцах и командирах, которые попали в плен в первые дни войны. Как это могло так случиться? Ведь красная армия считалась непобедимой! Всех в то время убеждали, что бои будут проходить на территории противника.

Но армия все крепла. И, к удивлению всех, шаг за шагом стала совсем другой – армией победителей, которая спасла мир от фашизма. Лично деду довелось испытать и страх войны, и великую радость победы. Попал на фронт неожиданно и достаточно поздно. В 1943 году после окончания артиллерийского училища был отправлен на фронт. Уже тогда у него было звание лейтенанта. Он оказался в третьей танковой армии и получил направление в свою дивизию. Поехал с тремя такими же молодыми солдатами, как он. И приехали к полыхающей огнем маленькой деревне. Остановили машину возле опушки леса, и капитан сказал, махнув рукой: «Там твой дивизион». Только мой дедушка выбрался из машины, как понял: назад дороги нет. Вокруг все грохотало, горело, сверкало. Машина, из которой он выбрался пару минут назад, уже была охвачена огнем. А над тем селом летали самолеты. Укрыться было негде, разве что среди немногочисленных деревьев. И он долго лежал на влажной траве, стараясь не шелухнуться, чтобы не получить пулю немецкого летчика или осколок бомбы, которые так и норовили попасть в него. Вскоре самолеты скрылись, а дед, передохнув и собравшись с силами, стал выбираться из того страшного, охваченного огнем места.

Так началась его Курская дуга. С этого страшного эпизода. Это была величайшая битва, в которой сошлись тысячи танков и о которой написано немало. Но у каждого человека, бывавшего там, свои воспоминания о той трагедии. Из воспоминаний деда: «Стальные машины шли на таран, наваливаясь друг на друга. Все вокруг горело, из танков выскакивали шокированные и ослепленные пламенем танкисты. Слабо ориентируясь в этой куче-мале, они бежали друг на друга. Много погибло наших людей на Курской дуге. Наша третья армия была позже выведена в тыл».

Следующий его бой проходил на Днепре в октябре 43-го, куда их бригада была направлена на сражение. Фашисты теснили наших людей, пытавшихся форсировать реку, и хотели сбросить в воду. Ему со всем взводом было приказано переправиться на другой берег и помочь людям удержаться, чтобы после можно было высадить крупные воинские соединения.

Приказ переправиться есть. Да вот только на чем? Не было ни паромов, ни лодок, да даже досок. Но приказ есть приказ. Привезли им из соседней деревни (полусожженной) бревна и немного досок. Мигом соорудили два плота. На них поставили пушки. Да еще и ящики со снарядами и боеприпасами. Тяжело было поднимать все это на простой деревянный плот. Уже обессилили, а бой еще только впереди, отчалили они от берега, и когда приближались уже к реке, то попали под град бомбежек. Вода в реке бурлила и высоко вздымалась от выстрелов. Пули каждую секунду постукивали о металлическую пушку, доставалось и плоту, кому-то прострелило ногу. Бойцы старались укрыться от града, но двоим досталось. Однако до другого берега все-таки добрались. В спешке перевязали раненых и сразу же приготовились к бою.

По приказу командира дивизион занял боевую позицию на краю березовой рощи. Октябрь. Неожиданно тепло, и солнце светило яркое. Впереди большое поле, а там немцы. Сейчас начнут атаку с минуты на минуту. Танки и пехота шагали завораживающе красиво. Шли вперед прямо на дивизию деда. Но почему-то не стреляли. Было похоже на психическую атаку, которую он видел когда-то в фильме. Сердце дрожало. Ну и черт с этой психической атакой! Огонь наша армия начала первой. И было жуткое сражение, о котором мой дед никому ничего не сказал, но которое сохранилось в его памяти навечно. Только осталась одна запись в министерстве обороны СССР: «Лейтенант Сафронов (а такая фамилия была у моего прапрадедушки) при отражении контратаки противника огнем из пушки подбил три танка. Занесен в Книгу почета». Запись датируется декабрем 1943 года.

А как же дедушка? Он выжил, только его задело сильно. Дальше был госпиталь и много женщин-врачей вокруг. «Еще бы чуть-чуть, и осколок вспорол бы кишечник». Но дед говорил: «Чуть-чуть не считается. Тем более на войне, где от этого все зависит».

Было ему тогда двадцать лет. А как выздоровел, то снова отправили в бой на перестрелки. Он прошел Белоруссию, Польшу и даже до Берлина дошел. Успел расписаться на Рейхстаге

и пошел освобождать Прагу. Не дошел только, к сожалению, ранило. И 9 мая встретил в госпитале.

Пусть это и давно было. Много сохранилось в памяти навсегда. И на вопрос молодежи: «Страшно ли на войне было?» всегда отвечал... Конечно страшно. Но людьми владело чувство ответственности за родину. А победа, которую мы сегодня празднуем, символизирует стойкость духа советского человека, отстоявшего мир на своей земле. А еще поэтому у меня на руке сейчас георгиевская ленточка, – Рэки показала свое запястье всему классу.

Я встала и похлопала. Так громко я никогда в своей жизни не хлопала. Но мне хотелось так показать Рэки, что она молодец, раз проделала такую работу. Рэки даже засмушалась. Подвела руку к лицу и закрыла глаза. Вместе со мной похлопали еще пару человек, а Рэки удалилась на место.

– Дети и родители, – начала учительница, – у нас есть еще время до торжественной линейки. Давайте я включу вам военные песни.

– Да! – радостно кричали ребята.

Она включила первую песню.

«Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой!!!»

Все одноклассники так громко кричали и вскакивали со своих мест, что невозможно было услышать слова настоящей песни. Казалось, будто это соревнование «кто кого перекричит». Иногда слова переходили в визг. Мне лично в ухо орала Рэки. Она была тут самой живой и громкой. Когда эта первая песня кончилась, учительница сказала:

– Родители тоже могут подпевать, не стесняйтесь.

«Темная ночь, только пули свистят по степи!!!»

Бесполезно. Дети все равно кричали слишком громко. Никто и не стал пытаться мешать им наслаждаться песней. Тем более им это нравилось, и видно было, что слова они отлично знают. Выучили на уроках музыки за столько лет.

«Этот марш не смолкал на перронах,
Когда враг заслонял горизонт!»

Ох, обожаю военные песни. Они такие живые и хорошо передают эпоху тех лет. Те советские года ассоциируются у меня с чем-то сырым и мрачным. А эти песни поднимают настроение. Я вообще люблю все советское. Это такой удивительный век. Он подарил нам огромное количество фильмов. Как черно-белых, так и цветных. И также было много октябрат и комсомольцев. Бравых послушных мальчиков и девочек. Люблю все старое (прямо как моя бабушка)!

«На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят!»

Поток песен не прекращался еще около получаса. Такой душевной атмосферы со своим классом я еще прежде не ощущала. Так прекрасно и уютно. Все мы будто сплочены одним общим делом. А всего лишь пришли отметить День Победы.

«Всех врагов в атаке огневой!» – прокричали мы с Рэки. Это была почти завершающая фраза песни. Она широко улыбнулась мне почему-то. Я улыбнулась ей в ответ.

– Ребята, нам пора, – заверещала классная руководительница, глядя на часы. – Все стройтесь парами у двери.

– Леоне, ты не против, если я встану в пару с Мари? А то она совсем не знает, что такое СССР. Хочу ей объяснить, – сказала Рэки.

– Чего? – спросила я немного обиженно. – Ладно, вставай. Тогда я встану с Сайрамом.

– Хорошо, – и она убежала.

«Ну и стой со своей Мари, а я буду с Сайрамом», – подумала я.

Отыскав его взглядом среди вставшей из-за парт толпы детей, я направилась туда, где виднелись его темные волосы.

– Привет.

– Ну привет еще раз, – сказал он, подняв голову.

– Давай встанем в пару вместе.

– Мне без разницы, – он протянул мне свою руку, которую я решительно схватила за запястье.

Мы встали в пару и оказались прямо за Рэки с Мари.

Сайрам тоже был моим другом, пусть и не таким близким как Рэки, и не таким милым. Его характер иногда оставлял желать лучшего. В редких случаях он был таким негативным. Но я его не виню. У него было нелегкое детство. И я вижу, как он старается измениться к лучшему. Пусть у него и холодный тяжелый взгляд (его черные глаза порой будто смотрят в душу), мальчик он сам по себе добродушный и благородный. Смелый, а еще мне нравится с ним в спорте соревноваться.

На лестнице мы протискивались сквозь толпу одноклассников и родителей, однако, когда мы вышли, то увидели, что на улице было еще больше людей. Здесь было порядка тысячи человек. Вся школа собралась на линейку перед главным входом! Пусть это и утро выходного дня, люди не поленились выйти на улицу, чтобы... А чтобы что? Думаю, у каждого свои мотивы, но в целом они касаются сегодняшнего праздника.

– Леоне, не теряйся, – промелькнул силуэт мамы. – Я буду сзади.

Я кивнула. Хотя и не собиралась даже теряться. Мы будем все вместе, всем классом. Что может случиться?

– Твоя мама...

– Что?

– Твоя мама такая милая, – сказал Сайрам.

Я искоса посмотрела на него. Ничего не ответила и отвела взгляд. Какое сентиментальное чувство... В груди все сжалось.

Мы ждали перед зданием школы около десяти минут, пока директор наконец не вышел из школы и не встал перед нами на крыльцо, схватив микрофон. Он начал говорить приветственную речь:

– Дамы и господа. Взрослые и дети. Спасибо, что собрались сегодня здесь. В этот день 1XX лет назад наши далекие родственники закончили четырехлетнюю кровавую войну. Лишь из военных хроник, документов, фотографий мы можем понять, как нелегко далась им эта победа. Трудно представить, что этот день когда-нибудь утратит свое значение. И все это благодаря таким равнодушным как вы. Внуки зачастую с большим интересом, чем их родители, слушают рассказы предков о войне. Поэтому я понимаю, почему вы здесь. Что ж, не буду тянуть. Все направляйтесь к своим классным руководителям. Только не толпитесь. Выходим на главную улицу. Дорога перекрыта до двух часов.

И это все? И ради этого мы прождали его десять минут на улице? Пусть и май, но было прохладно. В Сибири же живем! Толпа неожиданно двинулась. Я отыскала глазами маму. Она была рядом. Я, Сайрам, мама, Рэки – все мы были буквально в трех метрах друг от друга. Толпа слегка сжимала нас. Но никого не хотелось упускать из виду. Сейчас мы колонна обыч-

ной школы. Но через несколько минут присоединимся к большому городскому шествию. Там точно можно их всех потерять.

Наша школа была совсем недалеко от центральной улицы. Мы прошли стадион. Повернули за угол дома и прошли пару зданий. Я еще издали увидела людей, шествующих со своими плакатами. Кто-то с большими фотографиями в деревянной рамке, а кто-то с электронными фото. Старое и новое поколения сплелись воедино. Постепенно наша школа влилась в общую колонку. Все было тихо, спокойно. Никто не толкался. И вот мы уже шествуем по главной улице. Я и оглянуться не успела, как это произошло.

Что-то схватило меня за свободную руку.

– А вот и я. Давай идти вместе, – сказала мама.

Я была не против. В такой толпе рядом с ней было спокойней. Не люблю толпу, она огромная, шумная и обезличивает тебя. Нас на уроках безопасности учили, что толпа людей может раздавить...

– Как думаешь, сколько тут человек? – спросила я.

– Думаю, около тридцати тысяч. Может, поменьше.

– Вау. И у каждого из них родственники были на войне?

– Да.

– Мам, мам. Можно, я тоже открою фото дедушки? Хочу, чтобы все его видели.

– Конечно. Вот так, – она открыла голограмму фотографии за меня и закрепила часы на моей руке.

– Ура.

Как здорово принимать участие в таком шествии. Сейчас я иду с портретом прапрадедушки, который был жителем блокадного Ленинграда. Мама моя шла рядом, это было очень душевно, мое настроение поднялось до небес. И мне очень хотелось, чтобы эта атмосфера не потерялась впредь из-за сложностей, возникающих при передвижении такого большого количества людей.

В толпе я увидела людей в синих жилетах. В основном это молодые парни и девушки. Они помогали формировать колонну, разделяли потоки людей. Оказывали помощь пожилым людям и следили за тем, чтобы не возникло давки. Одна такая девушка прошла мимо нас, поправляя течение, и я оказалась прямо позади Рэки.

– Классный портрет.

– Спасибо. А у тебя нету? – спросила я.

– Есть. Просто я не показывала.

Она тоже вытащила часы и осветила портрет. На нем была женщина в военной форме с пятью медалями на ней.

– А это моя бабушка, – и она снова заулыбалась.

– А как далеко мы будем идти? – спросила Рэки.

– До площади, – ответила мама.

– Это... около пяти километров, – пояснил Сайрам.

– Как-то далеко. Ну ладно, – и Рэки отвернулась.

– А у тебя никого нет? – спросила я Сайрама, имея в виду фото.

– Нет.

– А почему?

– У меня ничего нет.

– Ну, зато ты рассказал довольно прекрасную историю. Мне понравилось.

– Я ее выдумал.

– Что? Почему?

– Потому что мне никто ничего не рассказывает про родственников. А каждому из класса нужно было рассказать о предках, бывших на войне.

– Это грустно, – сказала я и отвернулась. Мне больше нечего было сказать. Меня и правда огорчило то, что Сайрам мне сказал только что. Однако мне очень понравилась его история, славно это он придумал, как же хорошо у него работает голова.

Слева в массе людей я увидела трех иностранцев. Смуглая кожа и темные волосы. Да, еще они болтали на другом языке между собой. Итальянский вроде. Так значит, этот праздник не только для нас русских. Ведь у многих людей из других стран тоже были родственники, погибшие на войне. Мы идем с ними в одних рядах, порой даже не замечая. Мы все часть отголосков прошлого. Мне запомнилась эта иностранная семья, которая приезжала почтить память своих героев. Жаль только, мы не сможем поговорить с ними по душам из-за языкового барьера.

Пусть этот День Победы не такой великий, как юбилей в 2045 году, он тоже значимый. Тогда, в сорок пятом, на столетний юбилей со Дня Победы, в нашем городе на площади установили большущий памятник. Солдат из мрамора уходит на войну, а в спину ему платком машет женщина и рукой девочка. Тогда все так радовались и ликовали. Мама мне все рассказала. Она тогда была молодой женщиной, а до моего рождения оставалась пара лет. А этот памятник стоит на площади и по сей день. И сейчас мы идем к нему. Огромная толпа людей идет туда, работая как слаженный механизм. Нас объединяет единство мысли, скорбь и память.

И пусть в 2045 еще оставался один ветеран, один на всю страну! День Победы может остаться широко отмечаемым праздником еще долго после смерти последнего ветерана.

Чувства, за которые я себя ненавижу

Группка девочек собралась в спортивном зале небольшого спорткомплекса для детей. Каждую минуту кто-то переступал порог зала, проходя к остальным, занятым болтовней и легкими игровыми упражнениями. Все девочки были одеты в кэйкоги, или по-другому их называли доги белого цвета, напоминавшие кимоно с поясом. От кимоно их отличало наличие штанов, а также способ применения. Кимоно никак не годилось для занятий боевыми искусствами.

Девочки неистово скакали, и никто не посмел присесть. Их звонкие детские голоса эхом отзвучивали по всему залу, смешки были слышны даже возле раздевалок в коридоре далеко за дверью. Атмосфера легкости и веселья стояла среди них каждый раз, когда они собирались вместе.

– Привет, почему задержалась? – спрашивали одну опоздашку подруги. – Тренер разозлится, если увидит. У него с этим строго, ты знаешь.

Опоздашка помолчала, а потом ответила:

– Я так не люблю тренировки в выходные. Уж лучше бы я поспала еще часок.

– Ахах, соня. Скажи «спасибо», тренер не видел тебя. Сидит у себя в «каморке» и считает оборудование.

«Надеюсь, тренер задержится на подольше, – подумала я. – Тренировка уже в самом разгаре, пусть пройдет еще немного разминочного времени».

Я стояла слегка в стороне от этих шумных бегуний и думала о том, что будет, если кто-то опоздает прямо сейчас. Увидит праведный гнев тренера, это точно. Этому человеку очень не повезет. Пусть я и стояла поодаль от остальных, я не изгой, не подумайте. Просто пока я стояла и думала, не хотелось, чтобы мне мешали крики и гомон.

– Эй, Леоне, бросишь меня? – спросила Хэй-Хэй.

– Ч-что? Почему я? – слегка смутившись, спросила я. Она прервала мои мысли, неожиданно обратившись ко мне. Я даже слегка вздрогнула.

– У тебя хорошо получается, а еще ты довольно сильная.

– Хэй-Хэй, ты же знаешь, что тренер запрещает это делать без разминки и мягкого мата.

А если увидит... так будет еще хуже.

– Но его же здесь нет. К тому же у нас довольно мягкие полы, – она согнула правую ногу в колене и сильно топнула ею пару раз.

– Ну, не знаю... – отговорки закончились. – Ладно, только быстро.

Я улыбнулась ей.

– Ура-а. Давай.

Вокруг нас все равно никого не было, но на всякий случай я огляделась, чтобы ненароком никого не задеть. Хэй-Хэй стояла прямо передо мной, расслабленная и спокойная. Я уперлась ногами в пол, схватила ее за верхнюю часть тела. Резко дернула, сместив свой центр тяжести повыше, и ловко перебросила ее через плечо. Послышался характерный звук «плюх» человеческого тела, упавшего на пол. Многие девочки обернулись в нашу сторону. Скорее их привлек этот поспешный и неосторожный звук. Хэй-Хэй сначала не двигалась, а потом, удивленно заморгал глазами, засмеялась.

– Ха-ха. Как же весело. Круто получилось! Спасибо, – усаживаясь, сказала она.

– Тебе не больно?

– Неа. Пол и правда мягкий.

Я выдохнула, поправила одежду на плече и улыбнулась. Получилось ее перебросить! Это так захватывающе, будто я обезвредила преступника в подворотне. Мне на самом деле нравилось бросать через себя людей, а вот Хэй-Хэй, наоборот, нравилось быть переброшенной и зависшей в воздухе на пару мгновений. Я так рада, что прием получился. Раньше

я никогда не делала этого с Хэй-Хэй, поэтому и смутилась чуть-чуть, когда она попросила. Но как только увидела ее лежащей на полу передо мной, не сдержала улыбки. Она крупнее меня, выше и шире ввиду быстрее наступившего полового созревания (но я тоже начала расти ввысь и уже не такая коротышка). Поэтому меня поначалу одолели сомнения насчет успешности данного броска. Однако теперь я будто стала сильнее и увереннее в сто раз.

В зал ворвался тренер. Хэй-Хэй все еще находилась на полу, когда он заходил. Многие, завидев его, сразу затихли, оборвав смех или интересную историю на полуслове. Веселое и радостное настроение исчезло. Нас построили в зале по росту и продержали по стойке смирно пятнадцать бесконечных минут, в то время как сам тренер прогуливался перед строем и рассказывал план сегодняшнего занятия. Все сразу же поняли, что он не в настроении. Одна низенькая девочка переступила с ноги на ногу от скуки и усталости. Среди нас на это никто не обратил внимание, но тренер приказал ей выйти вперед и сделать двадцать отжиманий, пока он будет дальше объяснять распорядок.

Он был чем-то разгневан, и такие приступы были не редкостью. Сегодня он придирился ко всему и даже остановился перед худой девушкой Линой, которую мы называли «Капитан». Тренер отчитывал ее за неправильно завязанный пояс, хотя это было вовсе не так, Лина это знала. И она не осмеливалась опустить глаза и проверить, ложь ли это. Она не посмела оторвать взгляд от холодных глаз тренера.

Он так ведет себя только потому, что рассержен на что-то совершенно не относящееся к делу. И сейчас, не умея себя сдерживать, срывается на нас долго и весьма эмоционально. Вот так я поняла его поведение. Как бы я себя чувствовала, если бы не подумала об этом? Злой, решила я. Злой и несправедливо обиженной. Однако, относясь к этому проще, я смогла сохранить спокойствие. Только мне очень интересно, что же такое с ним приключилось, что так его раздосадовало...

Оставалось только ждать и терпеть его глупые претензии, иначе тот, кто возникает и возмущается, рискует быть униженным и оскорбленным. Тренера я не любила никогда. Но и не ненавидела. Это был низенький мужчина с холодными глазками. Он имел привычку смотреть сквозь своих подопечных вместо того, чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в широкой футболке, скрестив руки на груди.

– Помогите мне, боже! Вам все ясно? – произнес он твердо в полной тишине и затем выкрикнул: – Ну!

Никто не ответил.

– Молчите? – сказал он. Наконец он сдался и приказал: – Хорошо. Начнем-с. Для начала разминка уровня X.

Уровень X был самым высоким и самым тяжелым из всех существующих в его практике. Мы повернулись направо по его команде для того, чтобы начать бег. Казалось, он терзал нас словами до бесконечности, но меня это особо не коснулось. Слава богу.

После разминки мы стали тренироваться индивидуально, а потом перешли на занятия в парах.

* * *

Вы когда-нибудь задумывались, почему разговоры в раздевалках такие странные? Я – неоднократно. Разговоры среди наших девочек были похожи на смесь болтовни об иностранных красавчиках из сериалов и обсуждения мамочек на интернет-форумах.

– У кого-нибудь есть дезодорант? Только желательно цветочный запах.

– Сколько сезонов в «Моей сладкой любви»?

– Как вам мои сиськи? Мне кажется, у них странная форма!

– Убери ты отсюда свои сиськи, хватит ими трясти!

– Скажите, сколько времени, а то я могу опоздать.

– Знаете, мне тут цветы недавно подарили...

– Моя математичка такая зловредная.

– А вы помните, как мы на соревнования в прошлом году в другой город ездили? Тогда еще тренер с другими тренерами набухался...

Иногда кажется, что раздевалка это самое шумное место мира. Поэтому я стараюсь переодеться как можно быстрее. У меня уже выработалась привычка быстро переодеться в этом месте. Я наскоро оделась, вышла в коридор, захватила свои кроссовки, стоящие на деревянной полке для обуви. Прошла с обувью в руках прямо к выходу и обулась там у двери, а то не дай бог техничка увидит, что я в уличной обуви разгуливаю по ее вымытой начисто территории. Тогда она включит режим злой вредной тетки и точно отчитает меня за такую наглость. Меня догнала Хэй-Хэй. Мы вместе вышли на улицу.

– Разве тебе не туда? – указала она направо.

– Нет. Сегодня я навещу бабушку и дедушку.

– А. Ну пока.

Она скрылась за углом спорткомплекса, а я направилась к цветастым хрущевкам.

Для начала я позвонила им, чтобы предупредить о своем приходе. Приходить в гости без предупреждения даже к своим родственникам я считала невежливым.

– Алло. Да... да. Дедушка, вы не против, если я зайду ненадолго? Нет, я после тренировки. Сегодня же выходной. В общем, я уже в пути. Здесь недалеко. Ждите. Угу, пока.

Прохладный ветер дул сзади, словно подгоняя меня. Я засунула руки в карманы кофты. Кроссовки нередко шлепали по лужам, в которых можно было разглядеть свое мутное отражение. Вода была практически везде, куда ни ступишь, поэтому обойти лужи не получалось, в такую погоду это стало проблематичной задачей. Оставалось только, где можно, ступать по бордюрам.

В небольшую квартиру на пятом этаже с запахом 10-х годов (откуда я это знаю, меня ведь тогда еще не существовало) меня впустил дедушка. Это почти всегда делал он, когда они с бабушкой были вдвоем дома.

– Разувайся, пожалуйста.

– Может, – начала я, – лучше дашь тряпочку? Там огромные лужи, и боюсь, я оставлю здесь мокрые следы.

Он побежал в ванную, пошарил под нею и принес мне полосатое старое полотенце. Я ступила на него, но уже успела оставить на полу след. Из-за этого мне стало немного неловко. Я разулась там на полотенце, а после вытерла за собой пол.

– Проходи, – пригласил он.

Я положила рюкзак с формой на пол и прошла на кухню. Там перед окном сидела бабушка. Ее руки лежали на столе, теребя что-то мелкое. Это была ручка.

– Привет, бабуля, – подошла я к ней, обнимая.

– Ой, привет, Леоне, дорогая. Какая ты большая уже вымахала, – приобнимала она меня одной рукой.

– Чем занимаешься?

– Да вот, кроссворды разгадываю.

– Интересно, наверное...

– Да нет, это немного скучно. Твой дед меня заставил. Сегодня он рано встал...

Я подошла к раковине и вымыла руки с мылом после улицы. У бабушки была прогрессирующая форма деменции. В свои шестьдесят два она уже плохо запоминала всю информацию, сказанную ей за день, и нередко умудрялась спрашивать одно и то же по нескольку раз. Иногда казалось, что она все отлично понимает, все знает и просто притворяется у нас за спиной. Однако у нее действительно были кое-какие проблемы с памятью. Дедушка всеми способами старался помочь ей развивать память, но многое уже нельзя было вернуть, только приостановить...

Я стряхнула лишнюю воду с рук и вышла из кухни. Там в коридоре меня встретил дедушка, но уже без очков.

– А меня ты не обняла, – будто обиженно сказал он.

– Прости, дедуля.

После этих слов его я тоже обняла. Он обнял в ответ, и мы прошли в комнату. Кухня и большая светлая комната это все, что у них было. Справа стоял старый диван, рядом стол с телефонами и множеством лекарств на нем. Напротив дивана большая стенка почти во всю стену с телевизором и множеством книг на полках. Я села. Дедушка сел рядом со мной на диван. По телевизору шли новости. Что-то про Китай, но я точно не помню.

– Если хочешь, я могу переключить на что-нибудь другое, – берясь за пульт, сказал он.

– Нет, без разницы. Главное, чтобы на фоне что-то играло.

Я глянула на часы на стене. Круглые, с цветочным рисунком, они тикали громко, слишком громко. Каждое их тиканье разносилось эхом в голове. Такие старые неприятные часы...

– Как в школе дела?

– Ничего. Учусь понемногу.

– Тебе там нравится?

– Не сказала бы. Иногда там бывает скучно. А если бы не мои друзья, я бы вовсе туда не ходила, – заключила я. – Там даже физики еще нет.

– Да-а, это печально, – сказал он и слегка улыбнулся. – Физика нужна всем.

– Да и я о том же. Только вот составители школьной программы так не считают.

Он все-таки взял пульт и переключил на другой канал. Научно-познавательный из ряда тех старых вроде BBC.

– О, смотри, передача про вулканы. Все-таки лучше смотреть что-то познавательное, чем эти новости. От них голова болит. Ничего полезного в них не узнаешь, одни сплетни.

– Да, конечно.

Мы помолчали слегка, смотря передачу. Часы противно тикали. Разве дедушка не замечал этого ужасного досаждающего звука? Скорее всего, они с бабушкой уже привыкли.

– Ты не любишь новости? – спросила я.

– Я? Ну, не сказал бы. Просто они не очень полезные, да и толку от них мало.

– Почему?

– Новости редко бывают хорошими. К тому же они разносят сплетни и информацию из личной жизни всяких «важных личностей». Уж лучше не интересоваться жизнью других, а целиком сконцентрироваться на своей. Ты меня понимаешь?

– Угу, – кивнула я.

– Ведь эту жизнь мы живем для себя.

Он говорил это уверенно, не наставляя, не поучал. Слово просто давал дружеский совет на века. Чувствовалось, что он много чего знает, он мудрый и начитанный. Вот такой у меня дедушка.

– Пойду проверю твою бабушку, – неожиданно проговорил дед.

– А, хорошо.

Он встал и направился на кухню. Мне стало немного скучно, поэтому я решила поискать их кота Федю, большого и коричневого, с круглой мордашкой. Он любил прятаться в самые различные места от гостей, пришедших в дом. Ему не нравилось, когда кто-то приходит и вторгается в его спокойное личное пространство. Поэтому Федя искал себе укромное местечко и оставался сидеть там, пока все гости не разойдутся.

Я встала и заглянула под диван. Там его не было, иначе пара кошачьих глаз точно засветилась бы легким огоньком, я-то знаю. Тогда я залезла на диван с ногами, выпрямившись на нем в полный рост, и посмотрела на шкаф (на полу мне точно роста не хватило бы). Но там его тоже нет. Направилась к окну и отодвинула край белых штор. Коричневый кот лежал на подокон-

нике, свернувшись калачиком. Он мирно посапывал в уголке, прикрытый цветочным горшком. Я с трудом достала его, взяла на руки и отнесла на диван. Злобный кошак, не обрадовавшийся тому, что его потревожили, начал брыкаться. Он пытался вырваться, и я с трудом донесла его до дивана.

Он прыгнул на подушку и зашипел. Я попыталась его погладить, а в это время как раз зашел дедушка. Федор еще больше разозлился протянутой к нему руке и цапнул меня острыми когтями за два пальца. Я тут же отдернула руку и прикрикнула на кота:

– Плохой Федя. Зачем обижать меня?

Дедушка увидел это и сказал:

– Ох, разозлила ты его.

– Я? Он первый начал.

– Ну, подерись еще с котом, – с сарказмом сказал он, а кот уже успел скрыться в новом месте. – Дай-ка посмотрю. Сильно цапнул?

– Немножко, – произнесла я, протягивая руку.

– Думаю, нужен пластырь.

– Да. У тебя он где-то был.

Я знала, что аптечку бабушка хранит в шкафу. Поэтому встала с дивана и уверенно направилась к нему. Я резко открыла среднюю дверцу, надеялась достать аптечку и тут же закрыть. Дедушка крикнул:

– Подожди!

Но уже было слишком поздно. Несколько исчерченных бумажек и тетрадок выпали оттуда прямо к моим ногам, создавая шелест в воздухе. Упс. Видимо, бабушка опять куда-то переложила аптечку, потому что забыла, где ее предназначено место. А я случайно открыла дверцу шкафа и рассыпала какие-то важные записи.

– Прости-прости, – сказала я, наклоняясь.

Дедушка подошел ближе и тоже присел. Он хотел помочь мне собрать все бумажки. Я сгребла несколько в кучу, выровняла в руках. Сложилась небольшая стопочка. Тетрадки я положила сверху. Осталась еще примерно половина бумажек. Я взяла одну. На ней был изображен сложный чертеж заумного устройства. Много цифр и непонятных замеров, кругообразные детали с кучей сносок, и как такой сложный рисунок уместился на простой лист А4. На других бумагах красовались похожие. А вдруг это новые секретные разработки, подумала я. Тогда рассыпать их вот так было бы неуважением. Но если бы это были они, дедушка бы сильно-сильно ругался, а сейчас не сказал ни слова.

Наконец мы сформировали на полу одну большую стопку. Дедушка уже был готов убрать ее в шкаф. Я передала ему последнюю бумажку с чертежом. Он спокойно взял ее.

– Ты сейчас работаешь над чем-то важным? – спросила я с интересом, но слегка застенчиво.

– Есть такое, – неоднозначно ответил он, закрыв за собой шкаф.

– И что же это?

– Мои исследования довольно обширны. Сейчас, например, мы изучаем изменения объектов в пространстве и времени, – пояснил он, доставая пластырь из коробки на столе у дивана.

– Ух ты, как интересно.

– Да. Только большинство информации насчет исследований хранится в тайне. Даже я всего не знаю.

Он усадил меня на диван и принялся наклеивать пластырь. Кот, измученный мною, давно скрылся под ванной. Нашел новое тихое место, где можно спрятаться и где его никто не достанет. Его любимыми местами были: шкаф, под ванной, за углом дивана.

– А вы можете создать телепорт? – с детской наивностью спросила я.

– Как раз в данной сфере мы и работаем.

– Ну и как успехи? Когда я смогу телепортироваться в школу?

– Хо-хо. Такие разработки порой делятся очень долго. К тому времени, пока мы закончим, ты можешь уже закончить школу, – сказал он, наклеив мне на руку бактерицидный пластырь.

– Кажется, будто я буду ходить в школу целую вечность... Тогда изобретите машину времени.

– Это тоже пока очень трудно сделать. Ну, сколько тебе еще осталось учиться? Лет пять? Не так уж много. Учиться всегда полезно. Вот посмотри на мои книги. Хотя я и староват, но не прекращаю изучать что-то новое каждый день. Загружаю себя умственной работой.

– Да. А еще тебе уже давно пора на пенсию, а ты все работаешь в своей компании.

– Не такой уж я и старый!

– Я хотела сказать... если бы ты сидел все время дома, то у тебя было бы больше времени, чтобы присматривать за бабушкой. И еще больше времени на саморазвитие.

– Пожалуй, ты права. Но мне так нравится работать.

«И что может быть хорошего в работе?», – подумала я. Да и в школьной учебе тоже. Дедушка говорит так, будто я должна любить школу, но на деле все совсем иначе. Я люблю учиться, постигать что-то новое, но не люблю школу. Это совершенно разные вещи, как огонь и вода. Учиться всю жизнь... тоже звучит не очень интересно.

– У тебя так много книг. Можно я возьму парочку?

– Ты еще не вернула мне прошлую книгу.

– Прошел всего месяц! Я почти дочитала. В следующий раз обязательно верну!

– Хорошо-хорошо, я все понял. Зачем так рьяно кричать... Выбирай, пожалуйста.

Я встала и подошла к стенке. Мой дедушка был человеком, знающим многое, начитанным так сказать. Он мог поддержать, казалось, любой разговор и разобрался во множестве тем сразу. Он никогда этим не хвастался и не гордился. Но его знания и проницательный ум помогали ему выпутываться из любой ситуации. Пусть он не хочет гордиться собой, я горжусь и буду гордиться им. Разве это не прекрасно, когда ты такой умный? Я думаю, что да. В его квартире так много книжек, около двухсот как научных, так и художественных. Может, если я тоже буду много читать, то наберусь знаний и опыта в разных сферах?..

Я выбирала книжки около десяти минут. Чересчур много всего интересного было на этих полках. От старых методических пособий к каким-то курсам по механике до романа Достоевского «Идиот». Слишком большой разброс. Окей, я взяла черную книжку по астрономии с большой многоконечной звездой, выдавленной на обложке. Она была повыше, чем другие книги, и называлась «Энциклопедический словарь юного астронома». Как ее увидела, так сразу же подумала, что надо брать, и отложила в сторону. Сужу только по обложке. А кроме нее еще прихватила «Мастера и Маргариту» Булгакова в красной обложке.

– Я все, – произнесла я, держа две книжки у груди.

– Хороший выбор.

– А то. Пойду положу в рюкзак к форме.

Я метнулась в коридор к оставленному у двери рюкзаку. Открыла его пошире, чтобы уместить книги. Открыв, я заметила то, что принесла с собой как гостинец. Чуть не забыла! Совсем заболталась и даже не вспомнила про *это* ни разу. Я достала коробку со дна рюкзака, поменяла ее на книги и застегнула обратно. В комнате меня ждал дедушка.

– Убрала?

– Угу, – ответила я из коридора.

Мне было неудобно, поэтому я вошла, пряча коробку за спиной. Такое стеснительное чувство внутри, прям как когда вручаешь подарок на день рождения, стоишь и не знаешь, что бы сказать и как преподнести подарок. В такие моменты у меня в голове всегда проносятся мысли: «А что, если человеку не понравится?», «Вдруг это совсем не то, что он хотел?», «Как преподнести эту вещь ему?». Вот и сейчас также. Но я набралась смелости и показала коробку.

– Тут это... пирожные. Я купила по дороге сюда. Давайте... может, чай попьем все вместе?

– Ты купила это на свои деньги? Ой, не стоило.

Дедушка хотел было проявить вежливость и отказаться, но, видя, что меня это расстроило, быстро произнес:

– Хорошо, пойдем на кухню. Бабушке, наверное, стало скучно без нас. Давай покажем ей твою коробку.

Я положила пирожные на кухонный стол. Дедушка включил чайник. Бабушка отложила ручку и взглянула на принесенную мною розовую коробку.

– Какие красивые сладости, – произнесла она.

– Спасибо.

Пирожные и вправду были красивые. В пачке было около восьми штук, покрытых голубенькой глазурью сверху и легким шоколадным узором.

– Там есть орехи? – спросила бабушка.

– Нет. Они без орехов, бабуль. Я же знаю, что они у тебя в зубах застревают.

– Были б зубы настоящие...

Дедушка поставил на стол кружки, я достала сахар из шкафчика. Мне досталась красная кружка с беленькими цветами. У бабушки была синяя кружка с лошадками, а у деда с деревянными домиками. Такие старые кружечки, возможно, им уже лет тридцать. Когда приходишь к бабушке с дедушкой домой, атмосфера стоит просто чудесная. Квартирка у них тоже пожилая, поэтому можно словно вернуться в прошлое ненадолго, в котором я никогда не жила. Вода в чайнике вскипела, была разлита по кружкам, «заправлена» пакетиками чая и оставлена остывать. У них никогда не было льда, а разбавлять холодной водой, смешивая «два вида воды», кипяченую и фильтрованную, было опасно для моего желудка, так они говорили, волнуясь, как настоящие бабушка с дедушкой. Поэтому оставалось только ждать, пока кипятки сам остынет, чтобы хоть как-то попить чаю.

– Они с орехами? – спросила бабушка вновь, глядя на пирожные.

– Нет, бабуль. Можешь спокойно есть.

Мы ели пирожные и смотрели в окно. Стол так удобно стоял возле окна, что можно было смотреть на улицу часами напролет. Солнечная сторона дома и много освещения... Вот только большую часть пейзажа затмевали коричневые высотки. Не самый лучший вид этого района.

– Я вот все думала, – рассуждала бабушка, – почему солнце встает с одной стороны, а потом, когда день заканчивается, оно снова садится там же?

Мы с дедушкой молчали. Никто не проронил ни слова. Очевидно, бабушка еще не закончила.

– А потом я поняла, в чем дело. Солнце встает, делает за весь день полный оборот, а потом снова садится на той стороне, откуда встало.

– Угу, – лишь выдавила из себя я и притворилась, что усердно жую пирожное.

– Сегодня твой дед так рано встал, – ни с того ни с сего продолжала она.

– Угу, – снова ответила я то же самое.

Мы трое сидели за столом. Солнце постепенно ходило по кругу, перемещая тени из одной стороны в другую. Кот Федя, к моему огромному удивлению, примостился у меня на коленях, глядя на все, что происходит за столом. А на столе стояли три кружки с крепким чаем, сахарница и коробка с пирожными, ничего интересного. Иногда чья-то рука протягивалась к коробке, хватая оттуда еду, и подносилась ко рту вместе со сладким кусочком. Все мы жевали эти вкусные пирожные, только с разной скоростью. Я быстрее, а бабушка и дедушка медленнее в силу отсутствия некоторых зубов. Сладость глазури отдавала ягодным вкусом, а чай с сахаром разбавлял сухость во рту. Часы все также громко тикали, что их было слышно даже на кухне. Все-таки в этой квартире совсем другая атмосфера, чем где-либо. Более спокойная и необыч-

ная, словно из неизвестного мне прошлого лет тридцать или сорок назад. Наверное, поэтому мне нравится сюда приходить.

– Давайте посмотрим фильм все вместе, – предложил дедушка.

– Давайте. А какой?

– Советский.

– Чур, я выбираю! – крикнула я с энтузиазмом.

– Хорошо.

– Тогда... – подумала я. – «Любовь и голуби».

– Это довольно взрослый фильм, может...

– Нет! Я хочу этот. Если я чего-то не пойму, то ты мне с радостью объяснишь, так?

– Ладно, ладно. Тогда я пойду включать. Помоги бабушке.

Он ушел в комнату настраивать фильм, а я осталась с бабушкой. Она не могла ходить так же быстро, как дедушка, поэтому передвигалась не спеша, а чаще всего с чьей-то поддержкой. Я помогла ей встать, позволив опереться на мою руку, и вместе мы пошли в комнату. Она придерживалась моей руки, иногда опираясь на нее. Неторопливыми шажками мы дошли до коридора.

– Как там твоя мама поживает? – интересовалась она здоровьем своей старшей дочери. – Она же вроде М... Мо... Ма... Мар...

– Нет-нет, ты путаешь ее с моей двоюродной тетей. Мою маму зовут А*****. Сейчас она, должно быть, сидит дома и смотрит с отцом телевизор. В последнее время она начала ходить в спортзал, поэтому чувствует она себя отлично.

– А, хорошо.

Мы дошли до комнаты и уселись на диване. Дедушка как раз все подготовил, остановил фильм на самой первой секунде. Я смотрела этот фильм второй раз. Качество было очень старым, напоминало в каком году был снят фильм. Сразу проникаешься той далекой обстановкой и бытом людей и двадцатого века. Столько новых впечатлений и эмоций появляется. Хочется смотреть и наслаждаться бесконечно. При просмотре невольно начинаешь ассоциировать себя с этими людьми, главными героями, и представлять, что было бы, окажись ты там на их месте. Во время фильма я ничего не спрашивала и не просила пояснить. Я сразу сказала, что смотрю этот фильм не в первый раз. На что дедушка лишь улыбнулся и сказал:

– И еще не раз посмотришь. И каждый раз он будет открываться тебе в новом свете.

Он был прав. Особенно когда смотришь один фильм в детстве, а потом пересматриваешь в более осознанном возрасте, вся картина меняется. Видимо, и правда мой дед был весьма мудрым человеком. Когда фильм закончился, я сказала:

– Ну-у, засиделась я с вами. Скоро вечер уже наступит. Мне домой пора.

– Хорошо.

– Давай я тебя провожу, – предложила бабушка, глядя на часы.

– Да не стоит в принципе...

– Давай-давай. Мне полезно прогуляться. Я до перекрестка дойду, а дальше ты сама. Ладно? Сейчас как оденусь.

Пока я ходила в туалет, освобождая свой организм от чая, дедушка помог ей одеться. На улицу она всегда наряжалась не по погоде. И если мне хватило футболки и кофты, то бабушка надевала майку, футболку, сверху тонкую серую водолазку с воротником и горчичного цвета пальто.

– Мы ушли, – сказала я. – До свидания, дедушка!

– Пока-пока.

Он распахнул дверь пошире и попрощался с нами.

Я и бабушка спустились вниз. В последнее время она почти не выходила из дома без своей тросточки. Вот и сегодня она взяла ее с собой, толстую и темно-коричневую резную палку. Бабушка опиралась на трость, а не на мою руку, но шла все равно медленно.

- Погода сегодня прекрасная. Солнышко светит, греет слегка. Жаль, что лужи везде.
- Да. Я с тобой согласна.

Мы обошли три большие лужи. Мимо проехала машина, создавая брызги, которые чуть нас не задели, разливаясь в воздухе и падая у наших ног.

- Как дела у твоей мамы? – спросила она.
 - Все хорошо. Сегодня выходной, она отдыхает.
 - Выходной? А я вот дома сижу, для меня все дни одинаковые. Что выходной, что нет.
 - Скучно, наверное... Вот поэтому я вас и навещаю, хоть иногда, – сказала я.
- Прошли один длинный дом. Впереди еще два поменьше.

- А ты как в школе учишься?
- Хорошо. Без троек.
- Какая ты у меня умничка.
- Я стараюсь. Хоть временами ленюсь, но выполняю все работы в срок.
- Это в каком ты уже классе?
- В шестом.
- У-у, совсем большая.

Она словно о чем-то задумалась и помолчала с минутой.

– А ты помнишь, как мы в Полюбино ездили? Давно так, ты еще меньше была, совсем малютка-проказница. Ягоды там собирали. Домик наш маленький с чердаком помнишь? Любила же ты туда забираться. И сидела наверху, пряталась от взрослых, пока мы тебя искали. Понатащишь туда разного хлама вроде цветка подсолнуха с гигантскими семечками, и часами сучка обходила тебя стороной.

– Я... нет, не помню. Ты, должно быть, путаешь меня с кем-то, потому что в той деревне я не была. Наверное, это была моя мама.

- Ох, совсем все в голове запуталось. Вот дожила бабка. Кстати, твоя мама здорова?
- Она в порядке, – ответила я.

Иногда с ней так трудно разговаривать. Трудно и невыносимо тяжело. За эти мысли я корю себя, мне становится неловко и противно. Но почему я должна повторять ей одно и то же по сто раз? Со временем это начинает надоедать. Порой кажется, что это все спектакль, представление, которое бабушка разыгрывает каждый день, а на самом деле она все понимает и злорадствует у нас за спиной.словно это бабушкин тайный план: разоблачить нашу истинную сущность через такое поведение. Только дедушка живет с ней и видит ее проблемы с памятью каждый день, поэтому это точно не может быть шуткой. Как же мне мерзко на душе...

Мы дошли до перекрестка.

- Ну ладно. Я пойду домой, – придерживая тросточку, сказала она.
- Х-хорошо.

Я обняла ее и спросила:

- Ты дойдешь до дома сама?

– Да. Я прогуляюсь немного, обойду вон этот дом, а потом твой дед меня встретит у подъезда.

– Ладно. До свидания, – я махнула ей рукой. Зеленый свет светофора загорелся, машины замедлились, а поток людей направился вперед по перекрестку. Я вместе с ними. Перейдя дорогу, я обернулась, бабушка была далеко. Я видела только ее удаляющуюся спину, пальто горчичного цвета.

«Я обязательно приду к ним еще», – подумала я и зашагала дальше.

Любовь бельчонка

Это было так давно. Я в ту пору училась в седьмом классе. Сейчас, мне кажется, что этот возраст труден и еще незрел для понимания многих вещей, но тогда, в тринадцать лет, я считала, будто знаю все на свете. Наверное, многие из моих одноклассников тоже так думали. Я хочу поведать вам эту давнюю историю из моей жизни, за которую мне очень стыдно...

В тот день стояла замечательная погода. Несмотря на конец сентября, на улице было тепло, как летом. Чистый утренний воздух радовал многих своей свежестью, а хоть и осеннее, но жаркое солнышко дарило тепло всему городу. Его лучи озаряли все вокруг, заглядывая в окна. В одно из таких окон лучик старался пробиться очень долго потому, что голубые шторы не давали ему проскользнуть в комнату.

Но тут кто-то с силой отодвинул шторы, и яркий свет озарил всю квадратную комнату.

– Пора вставать, Леоне! – с укором сказала Рэкки. Она стояла прямо над кроватью и смотрела на меня сверху вниз. Она была в красивой школьной одежде, которая состояла из юбки до колен и блузки с жилеткой.

Обычная комната довольно обычного подростка: на столе груды школьных принадлежностей, две или три электронные тетрадки. В другом конце комнаты стоял шкаф с одеждой, а рядом с ним стеллаж с книгами и играми.

Я неодобрительно сонливо потянулась.

– Что ты мычишь? – сдвинув брови, воскликнула Рэкки. – Где благодарность за то, что я пришла тебя будить? Хоть бы спасибо услышала!

Но я лишь повернулась на другой бок и поплотнее укуталась одеялом.

– Ты что творишь?! Тебе уже давно пора вставать! – крикнула она и с силой дернула одеяло на себя, так, что оно упало с кровати. Видимо, она этого и добивалась.

На кухне тоже кипела жизнь. Мама и папа, в отличие от меня, уже давно встали, и каждый был занят своим делом. Мама, например, собирала мне обед в школу. А папа читал утренние новости в своем прозрачном телефоне.

– Ну и ну, – проговорила мама, – Рэкки так заботится о нашей доченьке. Приходит каждое утро, чтобы встретить. А иногда и разбудить, когда она проспит. А наш ребенок совершенно этого не ценит!

– Да, – отодвинув чуть подальше от лица телефон, сказал отец. – Дорогая, только прекрати говорить «доченька». Лучше просто по имени. Ведь потом кое-кто будет на тебя злиться.

– Ах, милый, тебе тоже пора собираться!

– Да, бегу. Только загляну к ней.

Уже сидев на кровати, а не лежав, я заметила, что дверь комнаты потихоньку отворяется. Это был папа. Он скромно заглянул в девчачью комнату (которая больше походила на комнату парня лет четырнадцати) и сказал:

– Если опоздаешь, то не получишь мороженое.

В следующую секунду дверь уже была снова закрыта. К слову, мой папа работает охранником в нашей с Рэкки школе. Он нас всегда пропускает даже без специального электронного пропуска, когда выдастся его смена. Поэтому он всегда знает, вовремя я прихожу на занятия или нет.

Из спальни стали раздаваться детские крики. Иногда можно было разобрать отдельные слова, но закрытая дверь мешала услышать все. Оно и к лучшему. Было бы так шумно в квартире! Возгласы начали усиливаться.

– Шевелись, мы опаздываем! – предупредила Рэкки.

– Знаю, просто иногда ты такая надоедливая! – сказала я, чтобы немного позлить ее.

– Чего? – неодобрительно спросила она.

Мы прошли по коридору мимо кухни в прихожую с портфелями в руках, оживленно о чем-то споря.

– Мы уходим, – сказала Рэки, натянув последний левый ботинок.

– Подождите, – воскликнула мама. – Обед не забудь.

Она передала мне контейнер с выпечкой и яблоком внутри, а заодно поправила волосы, которые я впопыхах криво причесала.

– Нет времени, по дороге положишь в портфель, – сказала Рэки, буквально выталкивая меня из квартиры.

– До вечера, солнышко, – проговорила мама.

– Ага, – только и успела крикнуть я.

Дверь захлопнулась.

* * *

Я и Рэки бежали со всех ног чуть ли не спотыкаясь. Нам следовало пробежать двор, театральную площадь и три длинных хрущевки. Мы ни в коем случае не хотели опоздать на уроки, хотя было очевидно, что времени осталось очень мало. Мои короткие волосы игриво развевались на ветру. Я только недавно их подстригла снова покороче, потому что за лето они успели отрасти почти до плеч. А вот Рэки, наоборот, сказала, что хочет отращивать и годам к пятнадцати отрастит себе волосы до попы.

– Эй, у нас же новенькая сегодня! – вспомнила Рэки.

– Точно.

– Хм, интересно, какая она? Вот бы она была симпатичной, хи-хи. Хотя нет, Сайрам тут же начнет к ней приставать со своими шутками, – размечталась она, представляя красивую девочку с длинными и волнистыми волосами.

Но не время мечтать! Школа уже близко, осталось только квартал пробежать. Но тут неожиданно...

* * *

– Опаздываю, опаздываю, опаздываю, – думала Мию. – Я не могу опоздать в первый же день!

Она бежала прямо по дороге как следует запыхавшись и с недоеденным яблоком в зубах. Ей оставалось совсем чуть-чуть до школы, всего-то пара домов. Но вдруг навстречу Мию из-за угла выбежал, как ей на тот момент показалось, красивый мальчик. Они оба не успели затормозить, поздно заметили другого, и со всей скорости врезались друг в друга, больно ударившись. Мию упала на землю. Яблоко отлетело далеко в сторону и продолжило катиться вниз по улице.

«Кажется, шишка выскочит», – подумал каждый из ударившихся.

– П-простите, я очень тороплюсь, – смутившись, извинилась Мию, вставая с тротуара и держась за лоб. Она развернулась и побежала в ту же сторону, откуда и появилась, крича: – Еще раз простите!

– Леоне, ты в порядке? – спросила Рэки, обходя меня стороной. Та незнакомка врезалась мне прямо в плечо.

– В полном, ох, та девочка уже убежала.

Мне бы тоже хотелось извиниться, но я не успела. Видно было, что маленькая незнакомка очень смущена произошедшим. Лицо ее стало красным, а голос дрожал и прерывался. Рэки это сразу же заметила, но ничего мне не сказала. Только провожала взглядом эту неизвестную чудачку.

* * *

Мы прибежали в школу как раз вовремя и уселись за свои парты. Рэки на среднем ряду на первой парте, а я на третьем ряду возле прохода.

– Привет, Леоне, – воскликнул Сайрам. Он сидел прямо передо мной и поэтому иногда оборачивался, чтобы поболтать, когда ему становилось скучно со своими мальчишками. – Ты чего так? (Это означало: «Что с тобой?»)

– Да... просто по дороге в школу... есть шишка?

– Ага, – сказал Сайрам, трогая бугорок на плече.

– Столкнулась с какой-то девчонкой.

– Мда, утро не задалось.

– Не то слово. А еще кто-то очень надоедливый, – это было сказано мной громко на весь класс, чтобы Рэки точно услышала, – подгонял меня в школу зазря.

– Чего?! – удивилась Рэки, встав из-за парты и повернувшись ко мне лицом.

– А то, что мы успели, значит, твои упреки были напрасны.

– Нет, Леоне, мы успели только благодаря мне! – воскликнула Рэки.

На самом деле мне нравилось, когда Рэки сердится. У нее на лбу появлялась такая прикольная складочка, из-за чего я иногда не могла сдержаться от смеха. Но в основном с ней ссорился Сайрам. Мы же как настоящие подруги редко вот так вот цапаемся.

– Хватит кричать на весь класс... да еще так громко, – пробубнил Сайрам так, что его слова исчезли в созданном нами шуме.

Тут загорелся сиреневый свет. В класс вошла учительница истории Татьяна Сергеевна. Она была уже не так молода, поэтому не выносила шум. Все ребята это знали, и никто не осмеливался громко болтать в ее присутствии. Как только она перешагнула порог кабинета, в классе воцарилась полнейшая тишина. Никто и не подумал прервать ее. Я и Рэки сразу же угомонились и развернулись лицом к доске.

– Садитесь, – разрешила Татьяна Сергеевна. – Итак, сегодня вы познакомитесь с новой ученицей, которая перевелась к нам из другой школы. Она пропустила месяц занятий из-за болезни. Пусть она расскажет нам о себе.

В класс сначала неуверенно заглянула, а после вошла девочка очень низкого для своих лет роста. Она встала возле электронной доски, опустив голову. Мне она показалась очень крохотной и милой, а Рэки тут же узнала ее. Эта та. Та самая, что столкнулась со мной на улице. И теперь она стоит тут. Совпадение?

– Меня зовут Мию Королева, мне тринадцать лет, – наконец произнесла новенькая тихим и тоненьким голосом. – Я очень стесняюсь незнакомых людей.

Она подняла голову, чтобы оглядеть класс своими голубыми глазами и увидела его. Мальчика с серьезным лицом и русыми волосами, сидящего за партой, с которым она столкнулась пару минут назад. Узнал ли он ее? От воспоминаний столкновения щеки ее вновь стали красными. Я это заметила, как и весь класс, но никто не понял причину.

– Вау, она такая маленькая. Просто милашка, похожа на бельчонка, – слышалось перешептывание в классе.

– Что ж, посадим тебя на средний ряд. Иди займи пока свободное место тут, – сказала учительница, указав на парту.

Это место располагалось не так далеко от меня, через проход. Мию подошла к выделенному ей месту. Кажется, что-то ее беспокоило, она задумчиво брела по классу, опустив глаза. Возможно, стыд, возможно, страх...

– Эй, новенькая, у тебя есть учебник? – вдруг спросила ее новая соседка.

Мию как будто вышла из транса. Она удивленно посмотрела на девочку, которая сидела слева от нее. Та повторила свой вопрос.

– Нет, мне еще не выдали, – ответила Мию.

– Так что же ты сразу не сказала? Держи мой электронный, – сказала девочка, улыбаясь.

– С-спасибо, – все, что смогла выдать из себя смущенная Мию. Это первый человек в классе, который заметил ее и проявил свое внимание.

– Меня зовут Виньетта. Я староста класса. Если что-то понадобится, то смело обращайся ко мне.

– Разговорчики на среднем ряду, – гневно произнесла учительница.

– Простите, – проговорила Виньетта и уже шепотом: – Давай будем подругами, Мию.

Староста подвинула учебник на середину парты.

– А... ага, – прошептала Мию, улыбувшись.

* * *

Приближался конец этого нудного для меня урока истории. Время Ивана IV уже давно прошло, зачем мне про него слушать? А вот мое время на этом уроке протекает все медленнее и медленнее. Интересно, а если бы этот царь оказался в нашем времени? Потерял бы дар речи от развития технологий. Кстати, был такой фильм советский: «Иван Васильевич меняет профессию». Вот там царь Иван и переместился в будущее, правда, советское, такое далекое от сегодняшнего.

Мои мысли прервал услышанный мной тонкий всхлип, еще один и еще. Историчка приостановила рассказ параграфа. Весь класс нацелил свое внимание на переднюю парту, на плачущую Рэки.

– Ты чего это, Рэки, опять, что ли, расстроилась? – спросила Татьяна Сергеевна.

– Мне... мне так жаль его... Иван Грозный убил своего сына, – прохлюпала Рэки.

«Щас всю электронную тетрадку слезами зальет, потом она будет глючить», – подумала я, закатив глаза.

Учительница попыталась успокоить ее, но делала это не так упорно, потому что скоро кончался урок и вот-вот класс должен был загореться зеленым цветом.

– Ч-что это с ней? – переволновавшись и немного испугавшись, спросила Мию, дергая Виньетту за локоть.

– О, конечно же, ты еще не знаешь, – сказала Виньетта.

– Не знаю чего?

– В общих чертах, – начала Виньетта, – Рэки у нас, ну как бы... она странная.

– Странная? – переспросила Мию.

– Не в плохом смысле. Но она иногда плачет на уроках литературы или истории потому, что ей жалко людей или персонажей. Ух, ты бы видела, как в пятом классе Рэки прослезилась, когда учительница читала про страдания Каштанки, замерзавшей на неприятной улице.

Мию больше не спрашивала про Рэки. Я сидела рядом, подперев голову, и слышала, как Виньетта успокаивает новенькую. Мне захотелось немного приободрить ее после этого урока. А Рэки опять устроила «спектакль», ужас! Я ей устрою!

Загорелся долгожданный зеленый свет. Мне показалось, что более долгожданный он был для Мию. Новая обстановка, новый класс с неизвестными ребятами – все это так неожиданно ново, да еще и Рэки умудрилась зарыдать. Ну, я потом ей дам по затылку! Я сложила все вещи в портфель со скоростью света.

– Эй, Мию, – начала я, придавая своему лицу более дружелюбный вид. – Мне жаль за такое поведение Рэки, но я думаю, ты привыкнешь со временем. Ко всему.

Мы обе стояли в проходе между партами. Она посмотрела на меня снизу вверх. Теперь я видела, какой низкой она была по сравнению со мной. Ниже почти на голову. Но я тоже не так давно была низкорослой, поэтому понимала, каково это. Но в двенадцать лет начала стремительно расти. Видимо, подростковый период взял свое. Опомившись, что пялится на меня уже секунд десять, Мию тут же виновато отвела взгляд в сторону.

– Знаешь, – продолжила я, почесывая затылок, – думаю, ты все равно ни у кого не спросишь, поэтому скажу сразу: сейчас у нас физкультура в 137-м кабинете. Это на первом этаже слева.

– А, да, спасибо тебе, – пробубнила она и пулей выскочила из класса, столкнувшись в дверях с Сайрамом, который дожидался нас с Рэки.

Я вышла из кабинета, за мной Рэки с розовыми из-за недавних слез глазами. Я и Сайрам презрительно посмотрели на нее, скрестив руки на груди.

– Что? – удивленно спросила она.

– Ты испортила первый день новенькой девочки, – сказал Сайрам.

«Прямолинейно», – подумала я. Он всегда был таким. Говорил то, что не каждый сможет сразу сказать. Но это была хорошая прямолинейность. Сайрам таким и должен быть, это его черта.

Рэки виновато улыбнулась. Что она могла ответить на это, если ей и вправду было жалко убитого царевича? Но поняв, что друзья не будут сильно ругаться на нее, она высунула язык и ринулась прочь по коридору.

– Бежим за ней! – крикнула я.

* * *

Рэки мы так и не нашли. Как позже выяснилось, она спряталась в одной из кабинок-раздевалок. В этих новомодных кабинках... Вот и ищи ее по всей школе, когда она нашла себе уютный уголок.

Вообще, мне нравится наша школа. Она оснащена множеством технологий. Например, здесь есть много кабинок для переодевания на физру, расположенных возле спортзала. Куда лучше, чем одна душная и маленькая раздевалка для всех.

А еще года два назад в кабинетах информатики установили умные компьютеры с плоским прозрачным дисплеем (плоским настолько, что он был не толще ковра) и голосовым поиском. Еще я слышала, что в этом году в столовую должны установить умные машины (может даже роботов). Они заменят людей на раздаче еды и значительно ускорят этот процесс. Хотя Рэки все равно жестко критикует еду из школьной столовой и не ест там...

В общем, я обожаю нашу школу. Ярко выкрашенное в голубой цвет трехэтажное здание ничем не примечательно на вид, но внутри напоминает целый организм.

Рэки я так и не нашла, хорошо спряталась, чертовка. Получишь в следующий раз, мне самой следовало переодеться в кабинке. Я зашла в свободную. Быстро запрыгнув в штаны и натянув синюю футболку (это мой любимый цвет, если что), я выбежала в коридор школы. Вокруг одни малыши, возвращающиеся из столовой.

«Где все наши ребята?», – подумала я. Но побродив немного по первому этажу, я заметила одного из наших – Сайрама. Он жадно поглощал воду из фонтанчика.

– О, Леоне, че как? (Это значило «Как дела?», наверное...)

– Ты не видел, куда пошли все ребята?

– Ну, наверное, на улицу.

– На улицу?

– Так сейчас градусов пятнадцать выше нуля. Не удивительно, что физрук послал их бегать на стадионе за школой, – пояснил он.

– Ища Рэки, я потратила так много времени, что все ушли. И я их потеряла. Пошли догоним.

Мы медленно пошли к главному выходу. Сайрам о чем-то говорил и говорил не переставая, но я решила поиздеваться над ним и напомнила о скорой контрольной по физике, буквально оборвав его на полуслове.

– ...стол. Блин, а ведь точно. Как бы на этот раз списать? – задумался он.

– Да и не нужно списывать, я же знаю, что ты все знаешь (как-то странно прозвучало... простите за тавтологию).

– А я знаю, что ты знаешь физику, поэтому хочу, чтобы ты мне помогла.

– Поживем – увидим, – ехидно улыбаясь, сказала я.

Мы немного помолчали, а потом мне захотелось спросить:

– Вот ты же такой целеустремленный, всегда добиваешься высот в спорте, а с учебной у тебя так не выйдет? Можешь чуть поусерднее учиться?

– Ты, наверное, не поймешь.

– А ты объясни, чтобы я поняла, – настаивала я.

Наши ноги пересекли порог школы. Сайрам придержал мне дверь, как истинный джентльмен, я поблагодарила его, выходя на улицу и вдыхая этот приятный свежий запах осени. Я продолжала пронизывать Сайрама своим острым взглядом, мне хотелось, чтобы он как можно быстрее мне ответил и не менял тему. Он немного помялся и начал:

– Иногда мне кажется, что моя жизнь скучна и однотонна. Возможно, поэтому, чтобы ее разнообразить, я ее себе усложняю. Да и к тому же списывать – это такой азарт. Никогда не знаешь, поймут тебя или нет. Такое захватывающее чувство.

– Рассуждаешь почти как взрослый, – перебила я.

– Я и есть взрослый. Уже подросток, мне тринадцать, – тут он немного помолчал, – но торчать в школе еще так долго. Знаешь, я думаю, что отметки – не самое главное в жизни. По-моему, важнее знать, чего ты в жизни хочешь.

Смотря на него, меня пробирала гордость. Опять эта его прямолинейность. Его черные как смоль волосы забавно развевались на ветру. Мы почти подошли к стадиону. Но я подумала, что успею задать последний вопрос:

– Ну, так ты уже знаешь, чего хочешь от жизни?

Мне правда было интересно, особенно учитывая то, что я сама не определилась со своей конечной целью.

– Я много чего хочу, но, похоже, самое главное желание это стать художником будущего. Хочу создать новый стиль в искусстве и удивить всех.

– Потрясно. Тогда учеба тебе и вправду не нужна. Но ты очень умный, и лучше не растрачивай свои знания, – все, что успела произнести я, потому что ко мне со стадиона подбежала Рэки.

– Почему так долго шли, да еще и вместе? – спросила она.

– Не твое дело, – сказал Сайрам.

– Ах ты... вот придет физрук, я ему на тебя пожалуюсь, – воскликнула Рэки.

Они препирались так еще некоторое время, а я тем временем заметила крохотную Мию, что стоит одна, никого не зная.

– Все-таки нашла дорогу сюда? – спросила я, хотя она и так тут находится, значит, дорогу нашла. Глупый вопрос.

– Это я ее проводила, – гордо сказала Рэки.

– А мы тебя искали, – произнес Сайрам.

– Да, потому что вы хотели меня поколотить, – ответила Рэки.

– Глупости. Ты сама это выдумала, – произнес он.

И опять начали ссориться. Странные они. Надеюсь, когда-нибудь поженятся. Хотя все думают, что Сайрам лучше смотрится со мной.

– Та-ак, становись! – прокричал учитель физкультуры, появившийся из школы, и все построились по указке. Он только пришел, а пока мы его ждали, Рэки и Сайрам успели поссориться аж два раза. Рекорд.

– Это что еще за фрукт? – вопросительно покосился учитель на новенькую Мию, которая была ниже всех ростом, сжалась от страха и выглядела в точности как младшеклассница.

– Фрукт? – робко спросила новенькая.

– Не беспокойся, он всех так называет. Например, я – груша, – пояснила Рэки.

– Да ты не груша, а редиска, – выпалил Сайрам.

Весь класс захохотал. Особенно сильно смеялись мальчишки. Они глупо смеялись. Глупые. Но это была хорошая глупость. Мальчишки такими и должны быть. Мне нравились их жесты, мимика и то, как они себя ведут. Стараются изо всех сил казаться умными, но выходит это так себе.

– Что, самый умный? Шас получишь, – крикнула Рэки в сторону Сайрама.

– Ровня-ясь, смир-рно, – скомандовал учитель. – Направо, три круга свободным бегом, потом эстафета. Бегом марш!

Я бегала хорошо, лучше среднего, можно сказать. Сайрам бегал намного лучше меня. Он-то спортсмен, да к тому же парень и выше меня, у него дыхалка лучше. Занимается плаванием в водной сфере (когда огромная капля воды парит в невесомости, а люди плавают на ее поверхности). Поэтому он более вынослив. Ну, а Рэки бегают хуже нас обоих, но если нужно преподавать урок старшекласникам, донимающим первоклашек, Рэки тут как тут, да еще как погонится за ними через всю школу крича. Ну, или если нужно с ловкостью вскарабкаться на заброску (по которым она любит часто лазить, если вы не поняли), то Рэки тоже в этом мастер. Но не в беге по стадиону.

Я не буду сильно вдаваться в подробности нашего бега, хотя мы бежали всего три жалких круга, но когда все финишировали, у Рэки и Мию была сильная одышка. Пока они жадно глотали воздух, я оглядывалась по сторонам, сидя на траве. Мой взгляд упал на Кая, слабого мальчика, который плохо бегал, но сегодня держался молодцом. Мчался почти на уровне Сайрама, что считался первым по скорости в нашем классе. Наши взгляды встретились, но он быстро отвел глаза. Показалось, будто он сильно волновался: руки тряслись, глаза бегали, но дышал вроде спокойно. Может, и вправду показалось?

– Можно пойти попить? – спросил Кай у физрука.

– Только не долго, – ответил тот, – сейчас будем бежать эстафеты. Все, кто хочет попить, могут тоже присоединиться.

– Эй, Леоне, может, тоже ходим? – спросила Рэки подходя ко мне.

– Да не вопрос.

Я ловко приподнялась с земли, и мы зашагали к фонтанчику возле школы. Когда мы пришли, то разминулись с Каем, который успел насладиться водой. Рэки быстро подбежала к спасительному для нее фонтанчику и начала живо глотать воду.

– Гха, теперь ты, Леоне, – закончив, сказала она мне и уселась на песок рядом. Она смотрела на Кая, который плавно удалялся от нас.

– Слушай, а у него крутые кроссовки, по-моему, у меня тоже такие есть.

– У тебя что, пять пар кроссовок? – спросила я, закончив пить, ведь видела у нее до этого и розовые, и белые, и голубые... Мне не очень-то и хотелось пить, просто пошла за компанию, а когда Рэки уселась на землю, то я решила дать ей еще пару секунд отдохнуть перед новым забегом и начала пить.

Она ничего мне не ответила лишь продолжила сидеть на земле. Когда мы вернулись, обойдя школу, то увидели, что эстафета уже началась. Физрук выбрал пары детей, которые должны были бежать первыми. Среди них была и Мию. Мы пришли и уселись на ступеньки, наблюдая за эстафетой. Бежали по кругу. Два человека: один с внутренней стороны стадиона, другой с внешней. Одновременно стартуют и бегут полкруга, передавая эстафетную палочку следующей паре. Всегда интересно смотреть и загадывать, чья же команда победит. Интересно, предложит ли Рэки в будущем, классе так в девятом, делать ставки на какую-то из команд? Очень на нее похоже.

Первый поток детей отбежал свое. Победила команда, бежавшая по внутреннему краю.

– Так, становись все, кто не бежал, – скомандовал учитель. Он быстро оглядел нас, возможно, что-то прикинул у себя в голове и сказал: – Леоне, Сайрам, становитесь на старт, за Леоне пусть встанет Кай, за Сайрамом Рэкки. А на ту сторону круга Виньетта и Уно.

Все подчинились его приказу. Только немного подождали, пока Виньетта и Уно добегут до места. Физрук дал нам деревянные палочки и принялся засекают время.

– На старт!

– Сайрам, прикрывай свой тыл, а то, стоя за тобой, я и толкнуть могу, – улыбаясь сказала Рэкки.

– Внимание!

– Не мешай.

– Хи-хи, – засмеялась она.

– Марш!

Я и Сайрам рванули с места. Каждый старался не уступать другому. Я силилась изо всех сил обогнать его, но у меня плохо получалось. Он не хотел уступать, поэтому чуть раньше, чем я, передал палочку, а я уже за ним дала ее Виньетте.

– Давай, Уно, – крикнул Сайрам ему вдогонку.

– Виньетта, не подведи, – подбодрила я.

– Мы победим вас, хотя Рэкки и медлительна. Считай, у вас малюсенькое преимущество.

– Да? А, может, это мы вас обгоним! И знаешь, если кто-то не такой быстрый, как ты, то он не обязательно медлительный, – сказала я. Блин, как же он бесит! Такой же заносчивый, как раньше, как только почует вкус победы, так не остановишь.

– Ладно тебе заводиться, вон смотри. Рэкки и Кай сейчас побегут.

Я обернулась в ту сторону. Уно уже передал эстафету Рэкки, но Виньетта была недалеко и через пару секунд тоже всучила эстафетную палочку Каю. Кай стартовал почти молниеносно. Меня это поразило. Он же всегда плохо бегал, а здесь такой уровень. Ну что ж, может, он прокачался за летние каникулы. Зато у нас теперь появился шанс выиграть. Кай быстрым рывком обогнал Рэкки и приближался ко мне.

– Давай! – крикнула я, и мне даже показалось, что он ускорился еще сильнее.

Кай передал мне палку, и я помчалась бегом по стадиону. Интересно было бы посмотреть на лицо Сайрама, когда я, ехидно улыбаясь, вырвалась вперед. В спорте он не любил проигрывать никогда, но теперь ему пришлось ждать, пока Рэкки передаст ему эстафету. А я тем временем была близка к тому, чтобы передать палочку Виньетте. Но Сайрам просто так не сдавался, и уже через некоторое время мы снова стояли с ним на старте и смотрели, как бегут остальные члены наших команд. Осталось еще чуть-чуть. Нормализовав дыхание, он сказал: – Все равно у нас есть шанс.

– Я не спорю, мне и самой уже интересно, чья команда победит.

Бежали Рэкки и Кай. Это был последний забег. Все решится сейчас. Они шли ровно какое-то время. Но потом Кай начал подаваться вперед.

– Давай, Кай! Рэкки, быстрее! Вперед. Не подкачайте, – слышались ободряющие возгласы одноклассников со всех сторон.

Но тут неожиданно для всех Рэкки вскрикнула. Это, можно сказать, был удивленный крик. А потом она с грохотом упала на землю. Я с замиранием сердца долю секунды пялилась на нее не в силах ничего сделать и даже сказать. Она запнулась и растянулась на траве. Класс перепугался, особенно сильно содрогнулся наш физрук, как бы ему не влетело за технику безопасности.

Кай финишировал, принеся победу своей команде, но всем было не до него, он остался один стоять на финишной прямой. Ребята поспешили к Рэкки.

– Эй, все в порядке?

– Рэкки, как ты?

– Сильно болит?

– Ничего не сломала?

– Надо бы к медсестре...

Одноклассники окружили ее со всех сторон, спрашивая о ее состоянии.

– Вроде бы ничего не сломано, – осматривая ноги, сказал учитель. – Правда, колено разбила. Отправляйся лучше в медпункт.

– Да, да. Отличная идея. Вот Сайрам меня проводит, – указывая на него пальцем, воскликнула Рэки.

– Че? А никого лучше нету? – спросил Сайрам.

– Давай, помоги мне встать.

Он нагнулся, она что-то шепнула ему на ухо, и он перестал препираться и вредничать.

– Так, аккуратно, обопрись ему на плечо, и идите, а я доведу эстафеты до конца. Все, кто отбегал свое, тоже могут возвращаться в школу, – сказал учитель.

Ребята начали расходиться, поглядывая в сторону Рэки, волнуясь за нее.

– Эй, может, я тоже помогу? – спросила я, подбегая.

– Не, не, иди переоденься, мы и сами, – ответила Рэки.

– Ну, а я не против помощи, тяжеленная, – произнес Сайрам, но Рэки толкнула его локтем в бок.

– Подожди меня возле главного входа, – крикнула она.

И мы разошлись. Странная она, опять что-то задумала, я это чувствую. Переодевшись наскоро в кабинке, я побежала к главному входу. Рэки пока не появлялась, и я принялась ее ждать. Делать было все равно нечего, поэтому я достала электронную тетрадку. «Ну что ж, прорешаю пару задач», – подумала я. Рэки появилась через пару минут, но все еще в спортивной одежде и без Сайрама.

– А вот и я.

– Привет. А где пластырь? – спросила я, глядя на ее коленку поверх тетрадки.

Она явно не хотела рассказывать, а после смутилась.

– Ты вообще была у медсестры? – поинтересовалась я.

– Это долгая история. Позволь мне быстро переодеться, и когда я это сделаю, то с радостью расскажу тебе. Подожди еще немного здесь.

Опять заставляет меня ждать. Да что же происходит? Появившись вновь на этот раз в школьной одежде, она села на ступеньку у входа рядом со мной и начала рассказ:

– Ты ничего такого странного не видела? Нет? Вообще?

– Да хорош, не надо этих вступлений, говори уже!

– А я заметила. Еще когда мы с тобой пошли к фонтанчику пить. Ладно, ты не заметила, что Кай ведет себя странно да бегаёт быстрее обычного? Заметила? И мне не сказала, вот же ж... А не подумала почему? Так вот. Все дело в его кроссовках. Я вообще без понятия, где он их взял, но это уж точно не обычная обувь. Я тебе говорила, что мой папа ученый? Он много чего изобрел. Ближе к делу. Есть такие кроссовки, которые позволяют человеку, надевшему их, увеличивать скорость собственного бега. Мне папа показывал их несколько раз, и его коллеги тоже. Могу поклясться, сидя возле фонтанчика, я узнала их дизайн на ногах Кая. А он еще в тот момент обернулся и так злобно на меня посмотрел, ужас... Но меня еще терзали сомнения: как обычный школьник мог достать такие дорогие кроссовки? Я следила за ним всю эстафету. А на подходе к финишу лично убедилась, что это именно они, особенно когда за тридцать метров до линии он рванул еще сильнее. У меня был такой шок, что я случайно запнулась о свои же ноги. Сильно грохнулась, да? Прости, что напугала. Но этот парень жульничал. Поступил подло. Не люблю я таких людей. Пожалуй, на этом все, иначе это перерастет в оскорбления.

– Нет, это не все.

– О чем ты, Леоне?

– Где ты была все это время, если не ходила в медпункт?

Она замолчала.

– Можно я не буду тебе дальше рассказывать?

– Нет уж, давай до конца, – воскликнула я.

– Ну... когда мы с Сайрамом пошли якобы в медпункт, я ему все-все рассказала по дороге в школу, он мне поверил, и тогда мы вдвоем захотели преподать Каю урок. Грубо говоря... мы прижали Кая к стенке. Он, конечно же, отпирался, все отрицал и не хотел признавать свое мошенничество. НО мы пригрозили, что если еще раз увидим на нем эти кроссовки, то побегим не к физруку, а прямо к директору, тогда об этом не то что весь класс, а вся школа узнает. После этого он замаялся, что-то пробубнил себе под нос и ушел.

– Умеешь же ты угрожать. Вот это вы жестко, – сказала я.

– А как еще? Получил по заслугам. С подлыми жуликами так и поступают.

– А почему ты меня не позвала? Мне бы тоже хотелось глянуть на лицо Кая в тот момент, когда вы на него наехали.

– Мне не хотелось тебя в это впутывать, – проговорила Рэки.

– А Сайрама, значит, можно?

– Ну, он мальчик, у него чуть грозный вид, он спортсмен. Да и если началась бы драка, то его не жалко, – улыбнулась Рэки.

– Не понимаю, зачем вообще кому-то может понадобиться такая обувь? Вдруг эти кроссовки будут использовать на каких-нибудь Олимпийских играх? Это же тоже обман.

– Вроде как они в первую очередь нужны для тех, кто хочет побыстрее сбросить лишний вес, – сказала Рэки.

Мы немного помолчали. Обдумывали все то, что произошло на этом необычном уроке физры.

– А, может, зайдешь все-таки в медпункт обработать коленку? – прервав молчание, спросила я.

– Не, у меня в рюкзаке есть пластырь.

* * *

Через два дня, доедая завтрак, я спросила у папы, сидящего за одним со мной столом:

– А можно мне, пожалуйста, новый телефон?

– А чем тебе твой плох? – спросил он.

Ему-то легко говорить. Сам же сидит в своем новом навороченном телефоне каждое утро и читает новости прямо у меня перед глазами, словно дразнит.

– Ну, мой не прозрачный, – быстро придумала я аргумент.

– Я подумаю, – пробубнил он.

«Вечно он так говорит», – подумала я.

Когда я закончила с завтраком и почистила зубы, мама сообщила мне, что пришла Рэки. Я не люблю заставлять людей ждать, поэтому быстро взяла сумку и выбежала к ней в коридор в школьной форме.

– Привет, – сказала я.

– Привет, Леоне. А сегодня что-нибудь будет? – она каждое утро таким способом осведомлялась у меня, будет ли сегодня контрольная или самостоятельная по какому-либо предмету, потому что память у нее короткая, а я хоть морально подготавливаю ее к предстоящей контрольной.

– Да, физика.

– Блин, блин, как же я спишу? Физичка такая мнительная. Она сразу же заметит, что что-то не так, – заволновалась Рэки. – Вот тебе не о чем волноваться, ты физику знаешь на два года вперед.

– Не волнуйся, есть один план.

Пока мы шли в школу, я посвятила Рэки в детали своего плана. Она же в свою очередь рассказала мне довольно смешную историю из детства. У нее в семье было что-то вроде домашнего правила. Когда Рэки было семь лет, мама сказала ей, что если она будет хорошо себя вести, то она позволит маленькой Рэки прогуливать школу по субботам и воскресеньям. Это был просто сумасшедший дар от родителей, думала она, как же замечательно отдыхать от школы целых два дня. Но однажды, когда учитель прощался с классом, то сказал: «Увидимся в понедельник», – и Рэки все поняла. Она поняла, что не нужно ходить в школу в особые выходные дни. Ее папа часто пропадал на работе, так что выходным днем мог выдаться любой неожиданный денек, а мама Рэки занималась делами по дому, поэтому вечно находилась в пределах его стен. Конечно же, маленькая Рэки не знала, что такое нормальные выходные: суббота и воскресенье. А ее мама просто решила над ней пошутить.

Довольно забавная история, но вернемся к контрольной по физике. На десятиминутной перемене перед самой контрольной мы с одноклассниками в школьном коридоре обговорили наш групповой план. Неловко было стоять кучкой в маленьком коридоре, но что ж поделаешь, все ради хороших оценок по физике.

– Все должно получиться. Ее внимание будет приковано ко мне, – объясняла я. – Так что не бойтесь действовать, когда время придет.

Уже через минуту начнется долгий скучный урок. Мы поспешили в класс. И правда, через минуту загорелся сиреневый цвет, оповещающий о начале урока. Старая физичка встала из-за учительского стола, чтобы нас поприветствовать, и жестом разрешила нам сесть на свои места.

– Что это за столпотворение я видела в коридоре пару минут назад? – спросила она.

Но никто не ответил. Тогда она пробубнила:

– Тетради доставайте. Мы начинаем.

Все тут же достали свои электронные тетрадки. Никому не хотелось терять драгоценных секунд, каждую из которых они могли потратить на списывание контрольной.

– Сейчас я перекину вам работу, и можете приступать, – скомандовала училка.

Я пока все подготавливала. Мне было жутко страшно, но мой план должен был сработать безотказно. Физичка же перекинула нам работы, нажав на пару кнопок на своем ноутбуке, и принялась пристально за всеми следить, не отводя глаз от двоечников и подозрительных личностей, что на нее даже глаза не подняли. Она всегда так делала, очень смущая и временами мешая сосредоточиться. Не зря Рэки назвала ее мнительной. Первые три минуты все было спокойно. Кто-то смотрел в окно, кто-то делал задумчивое лицо, пытаясь хоть что-то вспомнить, а кто-то делал вид, что пишет, просто шкрябая выключенным пером по электронной тетрадке.

Тут настало мое время. Я нервно кашлянула. Физичка посмотрела в мою сторону пару секунд, но потом отвела взгляд. Теперь я заелозила на месте, специально издавая противный скрип стулом. Учительница опять обратила на меня внимание. На этот раз она спросила:

– Что-нибудь не так, Леоне?

Я ничего не ответила, стараясь вызвать наибольшее подозрение с ее стороны ко мне. Разве человек может быть настолько нервным? Если да, то следовало довести ее до конца. Тут я сделала маленький перерыв в полминуты. Не нужно было сильно спешить, иначе сорвется, как рыбка с крючка. Теперь я легонько пошкрябала парту ногтем, с каждым разом издавая противный звук все дольше и дольше. Он бы и нормального человека разозлил.

– Да что это такое? – воскликнула учительница. Она уже стала подозревать что-то неладное. В ее классе на контрольной работе должна быть полнейшая тишина. Однако мне ее подозрения были только на руку. Нервно смотря в мою сторону, она пригрозила пальцем.

И вот настал момент, самый страшный, но самый решающий. Можно сказать коронный. Я легким движением руки бросила свой телефон на пол так, чтобы весь класс услышал этот грохот. И они услышали. Спросите, как телефон оказался у меня в руке, а не в сумке, допустим. Ну, я же говорила, что основательно подготовилась. Характерный «БАМ» раздался подо мной, долетев до ушей каждого ученика. Знаете, а мне нравилось бесить учительницу физики, на моем лице появилась невольная улыбка, которую можно было трактовать как угодно. Однако она истолковала ее по-своему. Тут эта женщина не выдержала.

– Ты что, списываешь? Ты списываешь на моей контрольной? – закричала она на меня, приподнимаясь.

Вы что, думаете, я настолько неловкая, чтобы вот так просто уронить телефон? К счастью, я хорошо себя зарекомендовала, поэтому ответила:

– Нет, что вы. Я не списываю. Вы же прекрасно знаете, что ваш предмет я знаю на отлично (так и есть). Зачем мне это? Но если вы мне не верите, то... – произнесла эту речь, я встала, позвала ее к себе за парту и произнесла, что она может осмотреть все мое рабочее место. Свой телефон я пнула под стул Сайрама, а он, как и было заранее обговорено, закрыл его своей ногой огромного для меня размера. Получилось вроде незаметно. Только телефон немного жалко, но как я и рассчитала, он приземлился на пол закругленным краем, а не дисплеем. Поэтому звук был настолько отчетлив. Училка и вправду встала, подошла к парте, начала осматривать вокруг да около, но ничего подозрительного так и не нашла, как и было рассчитано. Я за все это время не сдвинулась и с места, поэтому в ее глазах никоим образом я не могла быстро что-то спрятать или утаить. Она даже немного расстроилась. А я чувствовала, как манипулирую ей.

– Ты ведешь себя подозрительно, – не унималась она, хотя кто из нас тут ведет себя подозрительно? Я или она?

– Хорошо, – сказала я, – можете сесть на место рядом со мной хоть до конца урока и убедиться, что я не списываю, а знаю весь материал.

Я фактически раскрыла ей наш план. Но это тоже была часть схемы, пойти ва-банк. Может, что-то в моих словах показалось ей неуместным или грубым, потому что она как крикнула на моего соседа по парте:

– Сион, быстро собирай вещи и садись за мой стол. Живо!

Бедный скромный Сион прям побледнел от страха, но выполнил ее просьбу. Он устроился за ее большим учительским столом, разложил там тетрадку, перо, а физичка устроилась за небольшой для нее партой возле меня. Не знаю, было ли ей там комфортно, похоже, что нет, но ее положение было очень удобно для всех остальных в этом классе, ну кроме меня, конечно, ведь она пялилась на меня весь урок. Кто бы меня спас! Но я сама на это подписалась, лишь бы спасти всех остальных. Теперь училка сидела у самой стены на третьей парте, считая от доски. Да и к тому же пялилась только на одного подозрительного человека, а не на весь класс. В этом и состоял мой прекраснейший, гениальнейший план. Усадив вредную учительницу на такое неудобное для нее место, да и еще предумышленно заставив следить только за мной, я помогу своим одноклассникам списать контрольную. Ай да я! Глупая физичка сидит и пялится на меня, не осознавая, что прямо у нее под носом весь класс проворачивает гигантскую аферу. Кроме меня. А мне-то что? Я ведь физик от бога, меня учил сам дедушка, пятерка у меня в кармане, и плевать, что творится вокруг. Кто бы ни глядел на меня вплотную, я всегда отлично напишу тест. Хоть пушкой над ухом стреляй, хоть периодически пинай стул, на котором я сижу, хоть пожар в школе...

Так, что-то я чересчур сильно расхвалила себя. Совсем не заметила, что до конца урока осталось двадцать минут. Ну, ничего, я краем глаза замечаю, что у ребят все получается. Списывайте, мои дорогие, пока можете. Сегодня наш день! Мы переиграем систему.

* * *

И вот этот долгожданный зеленый свет. Урок кончился, и всем ученикам можно было расслабиться. Физичка весь урок так и просидела таращась на меня, но, слава богу, не заметила, как списывают другие. Надеюсь, ребята получат хорошие оценки. Ну и, конечно же, купят мне чего-нибудь вкусного поесть за такое. Все-таки это не бесплатная услуга под названием «Спиши с помощью Леоне». В классе осталось не так много человек, многие ребята уже разбрелись по школе, а те, кто остался, перекидывали контрольную учительнице.

– Что ж, вижу, ты и впрямь чиста, – сказала физичка, когда я перекидывала ей файл с написанной контрольной на ноутбук.

Тут в класс вбежала Рэки. Нет, даже ввалилась. Я думала, она, написав работу, ушла в туалет или ждет меня снаружи. Зачем же она вернулась?

– Сайрам, нужна помощь! – воскликнула она. Тот оглянулся, быстро собрал вещи в портфель и побежал за ней следом.

«Хм, и почему же она опять не позвала меня? Вечно ссорятся, а тут... Все-таки у нее с Сайрамом до сих пор непонятные мне отношения».

Но не время думать о таком. Даже если меня не позвали, лицо Рэки было обеспокоенным, запыхавшимся, значит, им может понадобиться и моя помощь. Быстро попрощавшись с учительницей, я ринулась искать их, побежала по их следам.

– Наверное, они завернули сюда, – сказала я сама себе и побежала дальше по коридору. Выбранное мною направление оказалось верным. Но то, что я там увидела, было ужасным.

Завернув за угол, я остановилась. Картина, что престала предо мной, обескуражила меня. Прямо на моих глазах Рэки ударила кулаком в нос крупного старшеклассника. Тот покачнулся и схватился за лицо. Пара его друзей обступила избитого парня.

– Эй, ты что творишь, успокойся, – кричал Сайрам. Он схватил ее за плечи и начал удерживать, чтобы Рэки еще кому не врезала.

Рядом копошилась кучка испуганных и непонимающих первоклашек. Один мальчик громко рыдал. Тогда я взяла в свои руки обязанность по их успокоению:

– Тише, тише. Все позади.

– Пусти, пусти. Ты должен был помогать мне, а не сдерживать, – вырывалась Рэки.

– Ты что, дурочка? Проблемы не так нужно решать, – крикнул ей Сайрам.

– Они сами наварались. Сами виноваты. Не фиг было толкать первоклашек на пол. Сейчас еще получите! – воскликнула она.

Старшеклассники быстро ретировались. Один из них назвал Рэки сумасшедшей. Но я была горда за нее, когда узнала подробности дела и причины ее поведения. Не каждая девочка бросится на троих взрослых парней, защищая кого-то.

– Все, уймись. Сейчас еще учителя сбегутся, – успокаивал ее Сайрам. Он легонько приобнял ее и поглаживал по голове.

– Ну и пусть. Я все равно не признаю авторитет этих глупых учителей. Только отца. Они мне не страшны! – все еще кричала Рэки.

На удивление ситуация разрешилась довольно быстро. Правда, пришлось отвести Рэки в кабинет директора в сопровождении учителя прямо посередине следующего урока, потому что камеры засекли ее бурное выступление в коридоре школы. Об этом инциденте сообщили ее отцу, но в школу он так и не явился, ведь был очень занятой личностью, а отрываться от работы по таким пустякам не в его стиле. Но, я думаю, Рэки еще достанется, когда она вернется домой. Ее отец был строг не понаслышке. И в уме Викентий поставил галочку о том, что нужно наказать свою бойкую дочь за такой грубый проступок. Викентий... странное у него имя.

* * *

На следующий день мне пришлось «играть» с Сайрамом в шпионов. Нам очень давно было интересно, где же живет Рэки и почему нам не говорит о своем доме, такая уж большая тайна? Может, она стесняется и живет в какой-нибудь бедной квартире? Хотя на нее

не похоже. Всегда хорошо одета, отец ученый. Но тогда что ей скрывать? Вот это мы с ним и хотели выяснить. Как обычно, она должна была проводить меня до дома, а потом отправиться к себе домой – таков ежедневный распорядок провожаний до дома. Сайрам на перемене по секрету признался мне, что следит за Рэки после школы, чтобы узнать, куда она направляется, но выведать где она живет, у него так и не получилось на протяжении уже почти года наблюдений. Он всегда терял ее из виду, когда она по нескольку раз петляла между дворами домов. Поэтому решил заручиться моей помощью. Вместе ведь легче и веселее, заключил он.

– Хм, так ты все-таки следишь за ней? – издевательски спросила я.

– Ч... что? С чего ты взяла, ты что-то знаешь? А Рэки не в курсе? Ну слава богу. Только ей не говори, – попросил он, однако я так и не сказала, что Рэки о его глупой слежке догадывается. Похоже, Сайрама и впрямь напугала мысль о том, что Рэки может узнать про его шпионские выходки.

Он заранее все обдумал, какой предусмотрительный. Будто знал, что я соглашусь, а другого пути быть и не могло. Сидя на уроке русского языка, Сайрам все время оборачивался ко мне и начинал разговор. И как только учительница не заметила? Крикнула она бы на него, он бы успокоился. А то сидит и отвлекает меня, надоел.

– Ну, давай, пошли со мной. Вдвоем легче выведать, да представь, как интересно будет, – упрашивал он.

– Прекрати. Отвернись к доске, или я тебя «элькой» стукну, – пригрозила я этому прилипале.

Элька – сокращение от словосочетания «электронная тетрадка». Кстати, именно Сайрам так придумал ее называть, а все остальные в классе потом подхватили эту идею. Многим ребятам это слово показалось удобным, вот и называли тетрадки так иногда, чтобы меньше энергии тратить на слова.

– Пошли, прошу тебя, – не унимался он.

– Подумаю, – грубо ответила я.

На этом наш разговор и закончился. Но свой план действий он мне рассказал задолго до этого, наверное, еще перед самым первым уроком. Сегодняшний день он выбрал как раз для совместной слежки, поэтому с такой настойчивостью и рвением уговаривал меня пойти на «охоту».

Через пару секунд после того, как класс загорелся зеленым светом, оповещая конец самого последнего на сегодня для нас урока, Сайрам встал из-за парты, повернулся ко мне и подмигнул. Я закатила глаза, но улыбнулась ему. Разве ему откажешь. Повеселюсь с ним, пока у него хорошее и жизнерадостное настроение.

Как обычно, я вместе с Рэки спустились вниз, пошли домой вдвоем. На самом деле мне пока что не требовалось ничего делать первую часть плана. Просто идти в сторону и болтать с подружкой, как всегда. Сайрам должен был пристально следить за нами от школы, но вот мы идем-идем, а я его совсем не вижу. Похоже, он хороший шпион, прокачал свои навыки за столько дней. Раз я ничего не замечаю, хоть и знаю о секретном плане, значит, Рэки тоже ничего не замечает. Все отлично. Вот уже виден мой дом.

– Пока, Леоне, – прощается она со мной.

– Пока, Рэки, – делая вид, что прощаюсь, говорю я.

Мне так не хочется обманывать подружку. Прости, Рэки. Я захожу в подъезд, но на самом деле я не затворила железную дверь за собой, а придержала ее, оставив маленькую щелочку, чтобы видеть, как уходит вдаль Рэки. С каждой секундой она отдалялась и отдалялась, и вот я решила, что настал момент для выхода. Осторожно выйдя на улицу, я оглянулась. Но Сайрама нигде не было.

– Сайрам, Сайрам, – произносила я, с каждым разом все громче, временами озираясь по сторонам. – Да где же ты?

И вдруг он схватил меня за руку, воскликнув:

– Быстрее, бежим!

Мы понеслись по тротуару за удаляющейся из виду Рэки, держась на некотором расстоянии от нее. Она уже успела далеко отойти, напевая себе песенку под нос. Но мы нагоняли.

– Вот, стой здесь. Пригнись, – командовал мной Сайрам.

– Ух ты, мы и вправду как шпионы!

– А то.

– Мне нравится.

Нужно было следить за Рэки очень внимательно, при этом не выдавая себя. Ни в коем случае не терять ее из виду. При необходимости можно разделиться. Эти три главных правила объяснил мне Сайрам. Если их придерживаться, мы достигнем успеха.

Мы петляли вместе с ним между домами минут десять. Рэки действительно часто меняла свой курс ни с того ни с сего. Стараясь за ней поспевать, Сайрам постоянно тянул меня за руку.

– Быстрее, давай быстрее.

– Я пытаюсь, – оправдывалась я, волоча ноги по земле.

На какое-то мгновение мы потеряли нашу цель, точнее Рэки, из виду. Скорей всего, в тот самый момент, когда дискутировали друг с другом насчет маршрута. Рэки нигде не было, вокруг лишь дома, машины и дороги. Мы оглядывались по сторонам, смотря в разные стороны, но, похоже, она скрылась за тем длинным кирпичным домом. Нужно было быстро что-то придумать, лишь бы не упустить Рэки.

– Ты заходи с той стороны, а я с этой. Разделимся и найдем ее! – крикнула я. Теперь настало мое время командовать.

Другого выхода у нас не было, требовалось срочно что-то предпринять, поэтому мы кивнули друг другу и разбежались в разные стороны. Я ринулась вокруг дома словно вихрь, короткие волосы игриво развевались на ветру. Зная, что Сайрам столь же быстр, не хотелось ему уступать. Рэки – МОЯ подруга, и Я первая увижу, где она живет. Порядком запыхавшись, я прибежала в квадратный дворик и стала исследовать его, опершись на колени. Рэки и тут не было. Хотя погодите. Вон же она, вижу. Она садится в какую-то черную отполированную машину, очень дорогую на вид. Может, ее позвать? Если крикну прямо сейчас, она услышит. Рэки уверенно садится внутрь, по-моему, она знает, что делает. Но и на обычное такси не похоже, слишком дорого-богато. Что же происходит? Мужчина в костюме вышел из водительской двери и помог ей сесть, пристегнул ремнем безопасности. Я стояла и смотрела, как дорогая черная машина вместе с моей подругой на заднем сидении медленно вырывается на главную улицу. Однако я даже не подумала о том, что это похищение. В наше-то время уровень преступности очень низкий. Тем более если Рэки добровольно села в машину, она точно знала, что делает, знала этого мужчину. Ноги сами понесли меня к тому месту, где пару минут назад стоял автомобиль.

– Говорить Сайраму... или нет? – спросила я сама себя.

Но я сама не до конца поняла, что произошло, и во многом была не уверена, мои мысли основывались лишь на каких-то догадках. Кто-то меня окликнул. Это был он. Сайрам бежал ко мне и кричал мое имя.

– Лео-о-оне, ты видела что-нибудь?

– А ты?

– Нет. Упустили мы ее, только если ты заметила...

– Нет. Рэки скрылась, – произнесла я.

– Вот черт. А мне так хотелось докопаться до истины. Ну, ничего. Давай как-нибудь повторим?

– Ага, – еле выговаривая слово, ответила я.

– Вот и славно. Пошли, до дома тебя провожу. Сумку давай. Наверное, устала с ней бегать.

– С-спасибо.

* * *

Это утро я точно запомню надолго. Возможно, на всю свою жизнь. Оно, можно сказать, перевернуло мою жизнь. Но не так сильно как, например, потеря кого-то близкого.

Все началось с того, что как только мы с Рэки вошли в школу, мне на телефон поступил вызов от Сайрама. Я даже переобуться не успела, а он уже звонит с утра пораньше, вот ужас.

– Алло, чего тебе? – взяв трубку, спросила я.

– Тут в классе такое творится. Вы сейчас где? – поинтересовался он.

– Переодеваюсь, скоро поднимемся. Что случилось?

– Тут новенькая, Мию, сказала, что хочет одному мальчику из класса в любви признаться. Пока не сказала кому. Но до занятий еще минут пятнадцать, может, успеет еще сообщить.

– Мию? – переспросила я. – Она же всего неделю с нами учится. Уже в кого-то влюбилась, значит. Сейчас будем.

Я отключила вызов и проследовала за Рэки, которая уже успела убежать к лестнице. Вкратце обрисовала ей картину происходящего. Пересказала разговор с Сайрамом. Она сильно удивилась и заинтересовалась тем, что творится сейчас в классе, поэтому мы помчались по ступеням как можно быстрее. Когда уже в школах установят лифты-ы? У меня ноги болят так долго подниматься.

Вбежав в кабинет, мы увидели кучу ребят, что обступили Мию. Она выглядела растерянно и была похожа на напуганного маленького бельчонка, съездившегося и прижавшего лапки к груди. Ее небольшой рост оправдывал это шутовское прозвище. Среди всех собравшихся в аудитории она повернулась именно ко мне. Наши с ней взгляды встретились, отчего она засмушалась еще сильнее. На долю секунды мне показался ее взгляд особенно причудливым.

Ловко юркнув между одноклассниками, Мию, вопреки всему, подошла ко мне. Она что-то мяла в руках, нерешительно скрывая, поэтому у меня не получалось разглядеть эту вещицу, что помещалась бы в ее пальцах небольшого размера.

И вот она с трудом заговорила, словно вот-вот расплачется:

– Ле... Леоне, ты мне нравишься. Держи!

Последнюю фразу она крикнула высоким писклявым голосом. Протянув ко мне руки, Мию демонстрировала браслет из ленточек ручной работы. Он был бледно-красным, но также виднелся узор из синего и местами желтого цветов.

Я обомлела. Думаю, не одна я, а весь класс. Воцарилась гробовая тишина. Все разом смолкли. Мне стало трудно дышать, сама не понимаю почему. Но голова до сих пор оставалась ясной даже после такого неожиданного сообщения. Неужели мне только что в любви признались? Неужели она подумала, что я... мальчик? Мию призналась мне в любви... Да и не удивительно. Судя по моей короткой для девочки стрижке, по моему стилю одежды – вечным штанам и широким рубашкам, чтобы фигуру не было видно, слегка грубому и тихому голосу – нетрудно с первого взгляда принять меня за парня. Я с четвертого класса даже юбку ни разу не надела! Что за дурацкая ситуация. И что мне прикажете делать? Вот вляпалась. А все вокруг смотрят осуждающе и непонимающе, глядят в оба, интересуются, что же будет дальше. Под пристальным взором одноклассников стоять в середине людского круга вдвоем с Мию было очень неловко. Как же стыдно...

– Вот это поворот. Она что, из **этих**? Даже я такого не ожидал, – слышалось перешептывание одноклассников одного за другим.

Их слова будто бы вывели меня из транса и задумчивости. Однако мой мозг уже успел сообразить, что нужно делать. В критических ситуациях есть только три реакции: бей-бегим-

замри. Я избрала тактику временного бегства. Прикусив губу и быстро глянув на часы, поняла, что до начала урока осталось минут десять. Я решительно взяла Мию за руку.

– Пошли, – шепнула я.

– Что? – тихо переспросила она.

– Пошли! Рэки, возьми сумку, – сказала я, кинув свою школьную сумку в руки и без того ошеломленной Рэки.

Я и Мию рывком выбежали из класса. Как и ожидалось, никто за нами не побежал, все были чересчур заняты мыслями о произошедшем, никому не хотелось ворошить чужие проблемы. Нужно было где-то спрятаться. Но где? В школе учатся больше полусотни учеников. Думай. Думай быстрее. В каком месте мало людей? Оно тихое и маленькое, без посторонних взглядов... О, техническая подсобка, вспомнила. Нужно спуститься на этаж ниже.

– Эй, куда ты меня тянешь? – испуганно спросила Мию.

– Нет времени, – бросила я в ответ.

Я и подумать не могла в тот момент, что слишком сильно тяну бедную смущенную Мию за ее маленькую ручку. Скорей всего, ей было больно и неприятно, она была растеряна, не понимала, что происходит и как ей нужно отреагировать. Бедная девочка. Но мне было не до этого, бежать, бежать как можно скорее, чтобы... чтобы объяснить, рассказать наедине, насколько сильно она заблуждается. Забежав в пустую подсобку, обставленную полками с тазиками, тряпками, ведрами, я быстро захлопнула за нами деревянную дверь и подперла ее тяжелым железным ведром, чтобы точно никто не зашел. Я сильно запыхалась, Мию прижалась к стенке, тяжело дыша, словно надеясь, что если она вдавится в стену, я ее не замечу и оставлю наконец в покое. Мои наручные часы с голограммой показывали 8:51. Еще есть время. Нужно обо всем ее расспросить. Но как можно быстрее. Я сделала два больших шага в ее сторону.

– Мию, ты знаешь, как меня зовут? – взяв девочку за плечи, судорожно спросила я.

– Леоне, – ответила она, игнорируя мой взгляд.

– А фамилия? Ну?

Она молчала.

– Моя фамилия Милóвич. Это тебе о чем-нибудь говорит? – уже почти крича, спрашивала я.

Она опять ничего не ответила, смотря в пол. Только сейчас заметила, что у нее прекрасные светло-синие глаза. Она была растеряна, совсем не понимала, почему здесь находится, что это за место и почему я на нее так давлó. Ей стоит принять это как отказ? Ее чувства отвергнуты?

– Ты знаешь, кто я?

– Ты – Леоне, мальчик, что мне нравится...

Так я и знала. Она приняла меня за парня, мои догадки оказались верны. Разве я настолько похожа на мальчика? Не этого я всегда хотела, одеваясь так, всего лишь удобства и комфорта. О, бедная Мию, зачем ты призналась мне на виду у всего класса? Сама того не ожидая опозорилась перед ребятами. И все это из-за меня, из-за того, что я такая неженственная. Теперь до конца жизни я буду винить себя в этой ситуации и в том, что Мию будет изгоем. Она и без того слабая, стеснительная, не может за себя постоять, а эта ситуация выбьет ее из колеи на всю оставшуюся школьную жизнь. Я так виновата. Однако нужно постараться все ей разъяснить, пока урок не начался и нас нехватила учительница. Столько слов вертятся у меня в голове, но я не знаю с чего начать, как преобразовать мысли в предложения. Черт, а ведь когда шла в этот злосчастный класс, то даже не подозревала, что все так обернется, что я буду стоять в подсобке и думать, как вывернуться из этой ситуации.

Я отпустила ее плечи, вдохнула, выдохнула и успокоила сердцебиение. Нужно было объяснить ей все по порядку и желательно быстро. Зная ее характер, могу сказать, что после того,

как Мию услышит жестокую правду, она очень смутится. Но времени мало, она должна все узнать.

– Послушай меня, я ничего против твоих чувств не имею и даже горжусь тем, что такая тихая девочка смогла признаться кому-то в любви.

На словосочетании «тиха девочка» Мию съезжилась. Отчего я тоже смутилась. Мягче, что ли, быть?

– Понимаешь, вся беда в том... что я не мальчик.

Мию залилась краской, словно помидорка, однако теперь подняла глаза. Сейчас она смотрела на меня не отрываясь, словно признавая во мне девушку. Останавливаясь на каждой детали: глаза, губы, волосы. Глядела на одежду, мои формы, изгибы тела, которые на тринадцатилетнем юном теле еще не успели проявиться. Грустным голосом, который вот-вот мог сорваться на плач, она спросила:

– Это правда?

– Да.

Она закрыла лицо руками, смущение одолело ее полностью, она больше не хотела на меня смотреть. Более того, она сама желала провалиться сквозь землю в этот самый момент, только бы я ее не видела. Не выдержав, Мию села на корточки, все еще держа руки возле лица, и пара слезинок скатилась у нее по щекам, намочив ладони. Боже, что я наделала... Мне, чтоб вы знали, тоже было очень и ОЧЕНЬ неловко. Не каждый день-то в любви признаются. Стоит подумать, как теперь при таких обстоятельствах вернуться в класс. Парочка самых глупых и озорных одноклассников по-любому уже думает, как бы нас высмеять. Что я скажу всем этим ребятам? От бессилья ноги шатались. Я тоже присела на пол рядом с Мию.

– Эй, не плачь, пожалуйста. Не люблю, когда люди рыдают у меня на глазах. Никто не виноват в том, что так произошло.

– М-м-меня теперь будут считать странной? – дрожащим голосом спросила она, не отрывая головы от колен.

– Нет. Все наладится. Тебе так важно общественное мнение?

Она не ответила. Мнение общества очень сильно давит на нас, а это большое недоразумение и непонимание теперь приведет к разладу в нашем классе. Нужно было развивать эту мысль дальше. Общественное мнение... недопонимание...

– Через месяц об этом никто и не вспомнит, вот увидишь, – успокаивала ее я, делая голос более девчачьим. Мне нужно было, чтобы она переключилась на что-то другое, пока я думаю. – Лучше расскажи мне, почему ты такая тихоня, пока я план придумываю, как лучше выбраться из этой ситуации.

– Ты вправду хочешь послушать? – спросила она, приподняв голову с глазами, полными слез.

– Да.

Она чуточку успокоилась, перестала плакать и вытерла слезы. На нее обратили внимание, и теперь она должна рассказать историю из далекого прошлого.

– Хорошо, я расскажу, если ты так хочешь, – начала она. – В детстве меня отправили в летний лагерь за городом. Я была еще совсем маленькой, только окончила первый класс, но все, что там произошло, я запомнила надолго. За те двадцать дней, что длилась смена, я много чего пережила. Может, прозвучит странно, но дети меня как будто возненавидели. Относились ко мне словно к низшему существу. Даже массово избивали один раз. Все потому, что я была очень низкой даже в те годы, не могла за себя постоять, потому что была ментально слаба, умела неплохо говорить по-английски и общалась с деревьями, словно это мои друзья. «Ненормальная», – говорил они, дразня меня в коридорах. С тех пор я боюсь знакомиться с людьми... потому что... они страшные. Они всегда делают больно...

– Я тебя хорошо понимаю, – начала я, уставившись в серый бетонный потолок. – До одиннадцати лет я была ниже всех в классе и тоже нередко терпела издевки ребят, как безобидные, так и порой жестокие. Дети временами бывают безжалостнее взрослых. У них еще не сформировано понятие о морали и человеческих ценностях. Знаешь, я думаю, тебе просто нужно... простить их за их ребячество и неразумность. Пусть я была низкой, но заметь, теперь я выше даже некоторых мальчишек. К тому же мне очень помог мой папа. Записал на секцию карате, вот там-то точно формируют в людях стойкость духа и жесткость. И сейчас я могу дать отпор любому задире. Ну, что скажешь? – усмехнулась я.

Я приподнялась на ноги, встала в полный рост. Идея, возникла идея.

– Вот и решение! Нужно вернуться в класс, пока урок не начался!

– Н-нет, я не могу. Они меня засмеют. Прости, что приняла тебя за мальчика. Давай останемся здесь. Тебе ведь тоже достанется от них!

Боже, зачем она мне об этом напомнила. Так стыдно! Все, завтра однозначно надену юбку в школу, и точка. Но сейчас мне так неловко! Уверенность моя немного пошатнулась, но я уже все для себя решила и не намерена отступить. Мию до сих пор сидела на полу. Я протянула ей руку со словами:

– Пойдем со мной, и тебя никто не посмеет обидеть. Я клянусь.

Она посмотрела на меня снизу вверх и робко подала свою крохотную руку. Опираясь на меня, Мию встала. Ее рост был около 140 сантиметров, прямо как у ребенка из начальной школы, в то время как мой 163. Но это не помешало мне ее крепко обнять, чтобы вселить в ее сердце надежду и доверие.

– Обещаю, я все им объясню, только доверься мне.

– Угу, – пробубнила она, сжимая меня за талию все сильнее, ее голова впилась мне в плечо.

Я разжала свои руки и посмотрела на эту крошечную девочку. Нужно было идти. Мию тоже поняла, что этот момент настал, и отпустила меня. Нам нужно было вернуться, и это было неотвратимо.

Мы быстро выскользнули из подсобки, пока туда не нагрянула какая-нибудь техничка, и направились наверх. Мию шла медленно и неуверенно, а я наоборот. Уверенности во мне было через край. Главное не растерять ее по дороге. Мы поднялись и застыли у двери. Моя рука уже лежала на дверной ручке, но я колебалась, не решаясь потянуть ее вниз и войти. Мию схватила меня за руку.

– Я боюсь, – пробубнила она.

Я погладила ее по голове.

– Мы будем вместе.

«Хотя бы ради нее, мне нужно это сделать ради нее, не себя», – подумала я.

Прислушавшись, я заметила, что в классе шумно. Они что-то бурно обсуждали. Возможно, нас. Но и этому фактору я не позволю меня сломить. Еще ничего неизвестно наперед. Я с силой дернула дверь на себя, она широко распахнулась.

Одноклассники обернулись. Завидев нас, все замолчали. В один момент все звуки исчезли. Наступила гробовая тишина.

– Пойдем, – прошептала я. Мию послушно засемила в кабинет. Все смотрели только на нас. Около двадцати пар глаз уставились в нашу сторону. Учительницы в кабинете еще не было, слава богу. Быстро глянув на Рэки, ища поддержки, я заметила, что она неловко улыбается. Нужно было их огоршить.

Освободившись от рук Мию, я живо запрыгнула на учительский стол, стоявший у доски посередине кабинета перед рядами парт. Даже не разуваясь. Одноклассники явно не ожидали такого действия, да и я сама от себя такого не ожидала. Кто-то даже громко вскрикнул и прикрыл рот рукой.

– Послушайте, – начала я. – Времени у меня не так много, но я скажу. Да, чтоб вы знали, мне безумно стыдно, и Мию тоже, но я не собираюсь делать вид, будто ничего не случилось этим утром. Вы, все вы, просто знайте, что возникло недопонимание. Мию мы знаем недолго, около недели, но она уже успела зарекомендовать себя как хорошая, скромная девочка. Все дело в том... Просто ее с толку сбил мой пацанский вид. Она подумала, что я мальчик, и призналась мне в любви. Это не ее вина.

Мию стояла у доски и смотрела в пол, пока все одноклассники обступили учительский стол и подняли головы вверх, чтобы лучше меня видеть. Мию очень не хотелось встретиться взглядом с кем-нибудь из класса. Скорей всего, ее единственным желанием было провалиться сквозь землю и забыть все то, что произошло этим злосчастливым утром. Уже раз пять Мию пожалела, что перевелась в этот класс.

– Но теперь мы должны встать на ее сторону. Поддержать и показать, что все люди ошибаются. Мию очень стеснительная, и сама за себя она точно не постоит. Не осуждайте ее. Мы же очень дружный класс. Разве мы не примем к себе еще одного человека? – продолжала я. Стоя на учительском столе, смотря на всех сверху вниз, возможно, меня чуть-чуть занесло от такого прилива адреналина и чувства главенства над остальными, самую малость. Я вспомнила, что занимаюсь карате, поэтому под конец я добавила:

– А кто посмеет обидеть Мию, эту крошечную и прелестную девочку, тому я самолично руку сломаю. Так и знайте.

После этой сокрушительной речи опять воцарилось молчание. Думаю, все были потрясены последней фразой и отходили от шока, не до конца понимая, что только что произошло. Однозначно их удивила моя речь и то, с какой гордостью я защищаю Мию. Сайрам даже похлопал.

Кто-кто, а староста первая бросилась к Мию. Она что-то лепетала и обнимала ее, жалела и успокаивала. Это было совершенно так резко и неожиданно, именно то, чего Мию никак не могла ожидать, поэтому она расплакалась.

– Не волнуйся, все совершают ошибки, мы тебя не бросим. Я на твоей стороне, – бормотала Виньетта.

– Я тоже в тебя верю, – бодро крикнула Рэки.

– И я, – это был Кай.

– Все из-за недопонимая.

– На ошибках учатся.

– Бедная Мию.

– Ну не плачь.

– Ты такая милая, мы никогда не позволим себе издеваться над тобой.

Большая часть одноклассников обступили ее и всячески утешали, плачущую девочку. Мне удалось добиться именно того, что я хотела. Я вселила в их сердца веру. Сайрам жестом показал мне класс, озорно улыбнувшись. Рэки сияла и широко лыбилась, когда я посмотрела на нее.

– Эй, а где сумка моя? – спросила я ее.

– Я положила ее на твою парту.

Мне не хотелось слезить со стола. С такого прекрасного положения мне было хорошо видно мою сумку, да и весь класс, всех ребят.

«Все наладилось, и это хорошо!»

Дверь кабинета внезапно открылась, и в класс вошла учительница. А ведь точно, мы совсем забыли, что вот-вот должны начаться занятия. Представляю, что подумала учительница, зайдя в класс за пару секунд до урока и видя, как все ребята обступили заплаканную Мию. Да еще и я стою на ее большом деревянном столе в обуви!

– Леоне, будь добра, слезь, пожалуйста, с моего рабочего места, боюсь, этот стол слишком стар и не предназначен для того, чтобы на нем стояли, – спокойно сказала она, и только. – Мию, если плохо себя чувствуешь, можешь пойти в кабинет к медсестре.

– Нет, нет, все в порядке. Мне уже лучше, – отнекивалась Мию, смахивая слезы и улыбаясь, но они все еще продолжали течь, только на этот раз от счастья.

Я быстро спрыгнула со стола и не глядя на учительницу, поспешила к своей парте. В это время загорелся сиреневый свет.

– Расходитесь по местам, начинаем урок, – проговорила учительница географии.

Все так и сделали, послушались ее приказа. Но еще целый урок продолжали показывать приободряющие знаки и жесты Мию, да так, чтобы она видела. Учительница до конца урока не понимала этого беспечного, оптимистичного настроения в классе.

«Мда, хорошее начало дня... Зато было не скучно. Можно даже сказать, что этот случай сделал мой день. Я рада, что все закончилось хорошо», – сидя за своей партой, подперев голову рукой, рассуждала я, глядя на то, как Мию постепенно оживает и учится переступать через себя.

* * *

– Леоне, Леоне, не забудь взять обед в школу! – кричала мама с кухни. Еда уже была готова и сложена в контейнер.

– Что-то этим утром она чересчур долго возится в своей комнате, – пробурчал папа.

– Да, странно это. Скоро должна подойти Рэкки.

Через некоторое время я вышла к ним из комнаты, одарив своим присутствием. Папа, взглянув на меня, потерял дар речи. Он отложил телефон в сторону, мама перестала возиться с продуктами у стола.

– Ты... ты пойдешь сегодня в юбке? – лишь спросил он.

– Да, надо же иногда менять что-то привычное.

Я быстренько покрутилась перед ними, демонстрируя свою красную юбку. Родители ахнули. Я не надевала ее так давно, она стала мне коротка, но не критично.

– Только это не навсегда. Я просто хочу всех удивить сегодня.

Рождение и смерть

*Тайна жизни состоит в том, чтобы не испытывать чувств,
которые тебе не к лицу*
Оскар Уайлд

В это холодное темное утро я шла до школы одна, без Рэки, что крайне мне не свойственно. Однако мне требовалось прийти в учительскую пораньше, ведь на меня возложили обязанности дежурного на эту неделю. Нужно было составить схему с именами всех одноклассников и забрать у учительницы красные повязки, чтобы после раздать их всем ребятам. Не очень-то я люблю это занятие, но что ж поделать, если меня без моего согласия определили на эту должность.

И вот я одна иду по холодной улице, перебирая ногами неубранный спозаранку снег. Солнце еще не встало, а я уже плетусь в школу. Моя куртка с подогревом практически не грела, какой тогда от нее толк? Холодно. Как же мне было неудобно, жутко хотелось спать и, наконец, прийти в теплое место. А все это происходило в мой день рождения. В этот прекрасный день мне нужно так мучиться! Все потому, что мне не повезло родиться зимой. Вот у Рэки день рождения в августе, а у Сайрама в мае. Черт, как я им завидую. Родились в такое теплое время года. Мой день рождения выпал на седьмое февраля. В самый морозный и малосолнечный день в году. Ну, хотя бы я старше моих друзей на пару месяцев. Хоть какой-то плюс здесь был.

Уже виднелись железные ворота школы. В голове я представляла себе теплый день. Пляж и яркое солнце. Немного помогало отвлечься от мороза и летящего в лицо снега.

В гардеробе было мало людей, пара человек. Да и в самой школе, похоже, было немного учеников. Кто захочет приходить так рано в такое тоскливое место как школа? Но и опаздывать ученикам тоже не советую.

Быстро надев школьные ботинки, я поспешила в учительскую. Бежала по лестнице, перебирая ногами часто-часто. Даже едва не споткнулась один раз.

Представляю, как это было бы комично. Пройдет кто-нибудь мимо и увидит меня, распластавшуюся на лестнице. А что я? А я стану красная от стыда и продолжу валяться на лестнице от смущения. Быстро прокрутив такой исход у себя в голове, мои ноги сами начали ступать аккуратно и подниматься медленнее. Мало ли, вдруг я и вправду упаду?

Оставалась пара ступенек до конца, я почти поднялась на этаж. Однако я заметила, как темная фигура скользнула мимо и оказалась позади меня на лестнице. Я остановилась и заглянула за спину.

Это был Сайрам. Почему-то не сразу его узнала. Мне захотелось его окликнуть, но вид его был слишком мрачен. Он был погружен в свои мысли, что меня и отпугнуло. Шастает здесь, словно тень, жутко.

Тут я вспомнила, что вчера он не появлялся в школе. Интересно, почему это? И нам с Рэки ничего не сказал, хоть мы писали ему в чатике вопросы, куда он подевался. А сейчас он пришел раньше всех, хотя еще тот любитель поспать. Может, его наказали? Странно все это. Такой угрюмый. Хотя всегда кажется спокойным и бодрым. Все настолько плохо, что он даже не поздоровался со мной.

А время шло, фигура, что была Сайрамом, спускалась все ниже и ниже. Мне все-таки захотелось его окликнуть. Хочу узнать, что произошло, и по возможности помочь.

– Сайрам, э-эй, – протянула я.

Он на мгновение остановился, но даже не повернулся в мою сторону. Неловкое молчание. Я очень долго пыталась подобрать слова, но ничего не выходило, они застряли в горле. Что же такое, мы ведь друзья. Никогда не было такого неловкого чувства между нами, разве что в день,

когда мы подружились. Я всегда могла заговорить свободно с ним или Рэки. Пуфф, какая же я тряпка. Нужно собраться. И спросить...

– Я, эм, ты... все хорошо? – что могла, сказала я.

Сайрам так и не повернулся в мою сторону. Но, возможно, он узнал меня по голосу. Я надеюсь. Мы все еще стояли на безлюдной лестнице, я могла видеть лишь его спину и черные волосы. Слава богу, нам никто не помешал.

– Я... нет, – тихо сказал он. – Мне пора.

Он продолжил спускаться как ни в чем не бывало. Мне ужасно хотелось побежать за ним. Схватить его, спросить: «Что произошло?». Предложить свою помощь, в конце концов. Но я не сумела. Ноги отказывались идти. Я стояла на месте и смотрела, как он уходит, боясь что-либо сделать или сказать. Вдруг, если я вмешаюсь, то будет только хуже? Не могу. Не могу к нему подойти. Как же я слаба.

Стыд, обида, ненависть к себе переполняли меня. В моей голове судорожно созрел план. Но никаких идей не было. А Сайрам спустился на пролет ниже. От бессилья я схватилась за перила. Ну почему все именно так, а никак иначе? Наверное, каждый представлял в своей голове, что однажды поможет бабушке поднять груз на лестницу, защитит котенка, выбежавшего на проезжую часть или поможет постороннему. Все это так круто и по-геройски выглядит в голове. А на деле, когда такие ситуации в реальности перед тобой происходят, твой геройский дух не настолько силен, как в фантазиях. Ты смотришь на эту бедную старушку, тащущую свою тяжелую сумку, но стоишь на месте. Думаешь, что кто-то другой сейчас поможет ей. Тебе не хватает решимости. Чувство непонятного страха охватывает тебя. Может, все это человеческий фактор?

Вот и я уже нафантазировала себе, как спущусь по ступенькам быстрее него, подбегу и обниму со всей нежностью. Сайрам начнет оправдываться, но я не дам ему этого сделать, прижав сильнее к себе, предложив всю себя для помощи.

Фантазии кончились, я все еще стояла на пролете, опершись на перила. Сайрам давно ушел, но что я могла сделать...

* * *

– Такая бледная, – охала учительница. – Ты меня слушаешь? Леоне.

Не помню, как оказалась в учительской. Вообще уже ничего помнить не хочу. Стою тут и слушаю ее причитания. Наверное, я и вправду ужасно выгляжу. Нужно поскорее забрать красные повязки. Давай, доставай их уже быстрее, хватит болтать.

Но классная руководительница все не унималась. Благо в учительской кроме нас двоих больше никого не было. Еще слишком рано.

– Можешь присесть, – сказала она, попутно шаря в деревянном шкафу.

Она шуршала бумажными пакетами, перебирала разные украшения к Новому году. Как же раздражает!

– Садись, садись, могу кофей налить (она говорила «кофей» вместо «кофе») или чай. Пьешь кофей?

Я ничего не ответила, однако на диван села.

– Вот, нашла, – на журнальный столик перед диваном опустились повязки.

– Ничего не хочешь? – настойчиво спросила она.

Я легонько мотнула головой. Надеюсь, она заметила. Моя рука уже потянулась к повязкам, но учительница спросила:

– Все в порядке?

Рука остановилась. Я снова облокотилась на спинку дивана. Ну почему, почему я не ушла раньше? Теперь, скорей всего, придется ей рассказать, ведь она точно начнет яростно расспрашивать меня. Не люблю говорить о своих чувствах. К тому же она – взрослая, что она может понять?

– Я... нет, – боже, ответила, прям как Сайрам на лестнице. Нужно скорее валить отсюда, пока мне не стало еще хуже. Схватив повязки, я ринулась к двери, но учительница тоже встала из-за стола.

– Подожди, – остановила она. – Расскажи мне, что произошло.

Почему-то я замерла. Но желание уйти все еще было со мной.

– Вы знаете, что с Сайрамом? – спросила я, перебирая красные повязки в руках.

– Сайрам, хм... Ты его видела?

Я кивнула.

– Садись. Сегодня его не будет на занятиях, впрочем, как и вчера.

Она немного помолчала, выдерживая тактичную паузу. Может, не хочет мне говорить?

– Понимаешь, у Сайрама в семье тяжелое время. Но скоро он начнет учиться в привычном темпе. Я хочу, чтобы ты его подбодрила, когда он вернется. Ведь вы с ним часто болтаете о том о сем на переменах. Как классный руководитель я вижу, что вы состоите в дружеских отношениях. Могу предположить, что он уже не будет таким, как прежде.

От этих слов я напряглась и удивилась одновременно. Что она имеет в виду под фразой «не будет прежним»? У Сайрама произошло что-то грустное в семье? Его ненормальная мать опять что-то натворила? В этот момент хотелось заткнуть уши, но также хотелось дослушать до конца.

Учительница явно не желала продолжать этот разговор, но раз начала болтать свои сплетни, пусть заканчивает. Поэтому я спросила:

– Что значит «не будет таким, как прежде»?

Она долго тянула, но проболталась:

– Его бабушка... она скончалась пару дней назад. Мама Сайрама звонила мне кучу раз, писала записки и передавала их через сына. Бедный мальчик, потерять близкого человека в таком юном возрасте!

Она готова была заплакать в любой момент. Мое же лицо было каменным. Так вот, значит, что произошло. А я ничегошеньки не знала. Почему он не рассказал мне, своему другу, об этом... Вместе мы бы пережили эту новость куда спокойнее. Но как же его чувства?.. Я совсем о них не думаю. Кажется, я правильно поступила, что не побежала за ним тогда на лестнице. Ему, скорей всего, сейчас хочется побыть наедине с собой, своими мыслями.

– Это ужасно, – вымолвила я.

– Да, но ничего уже не поделаешь, – опустив голову, сказала учительница.

Теперь мне точно пора было уходить. Когда я приблизилась к двери, учительница меня окликнула:

– Леоне, глупо, наверное, было рассказывать тебе все это, но Сайрам ведь твой друг. Я хочу, чтобы ты помогла ему оправиться. И... если плохо себя чувствуешь, то я могу назначить дежурным кого-то другого. Ты только скажи.

– Нет. Все нормально. Если что, мне поможет Рэки.

Я быстро выбежала из учительской, не оглядываясь.

* * *

Коридоры школы заполнились учениками, от прежней тишины и безлюдности ничего не осталось. С каждой минутой приходит все больше и больше людей.

Вот и лестница. Нашла ее. Пелена затмила глаза, вообще ничего не вижу. Топ.

Топ.

Топ.

Почему. Топ. Смерть повсюду. Топ. Рождение. Топ. Смерть. Топ. Рождение... Круговорот жизни. Топ. Одни умирают. Топ. Другие рождаются. Топ. Смерть. Топ. Рождение...

У меня день рождения... На некоторое время забыла, а теперь вдруг вспомнила. Видимо, так на меня повлияла новость о смерти близкого человека Сайрама. Почему одни люди в это

время рождаются, а другие умирают? Несправедливая жизнь. Кто решает, кому жить, а кому умереть? Даже не могу представить, что ощущает Сайрам, как ему сейчас плохо. Переживать настоящую боль... Боль от невозполнимой утраты. Никто не хочет терять близкого и дорогого человека. Я тоже не хочу никого терять. Но, похоже, не нам это решать.

Топ. Топ. Топ.

Есть рождение. И есть смерть. Жизнь – она... как стая птиц. Мимолетная и недостижимая порой.

Что-то схватило меня за руку. Это была Рэки. Как она нашла меня? Я моргнула, точно, Рэки. Где я вообще?

– Леоне, блин, я уже третий раз пытаюсь докричаться до тебя, а ты все не слышишь.

– Да, прости.

– О, у тебя повязки, – заметила она, – надо раздать. Быстрее.

Она меня потащила куда-то вперед, но я и не сопротивлялась. Сил не было. Дайте мне просто подумать...

Мы шли по коридорам. Каждый раз, когда Рэки встречала человека из нашего класса, она здоровалась. Некоторым (кому нужно) давала красные повязки. Я просто молча шла за ней все это время. Рассказать ей? Или не стоит нагружать? Рэки такая восприимчивая, сердобольная и часто переживает по пустякам. Думаю, сама учительница не подозревала, что разболтает мне **это**, поэтому я обязана хранить данную тайну в секрете. Но Рэки наша общая подруга, она точно никому не скажет.

Наконец она раздала все-все повязки и остановилась. Вместе с ней замерла и я.

– Совсем забыла сказать. Поздравляю с днем рождения!

– Да. Спасибо, – еле выдавила я из себя.

– У меня для тебя сюрприз. Глаза закрой.

– Рэки, сейчас не время, – пытаюсь рассказать ей про Сайрама, прервала я.

– Закрой свои глаза, – настаивала она.

Я повиновалась и закрыла их. Но мне было почти не интересно, что она мне покажет. Рэки зашуршала одеждой, открыла рюкзак. Я снова мысленно пустилась в свои философские размышления, улетающая куда-то далеко, но она воскликнула:

– Открывай!

Открыв глаза, я увидела перед собой Рэки, что держит телефон в руках. Она хотела мне показать видео-голограмму.

– Смотри! Правда милые?

Видео началось с радостного крика Рэки. Потом плавно ракурс перешел на корзинку с большой полосатой кошкой на дне. Послышались писк. Это был целый ворох котят. Совсем еще маленькие, слепые, они искали мамину титю. Один из котят (всего их было четверо) жадно присосался к своей маме. Они были такими крохотными и беззащитными. Просто прелесть. Остальные трое постоянно мяукали и тыкались мордочками не пойми куда.

– Хорошенькие, да? У моей тети на даче кошка недавно родила. Я знаю, что ты с давних пор хочешь котенка. Возьмешь? Леоне?

Совсем недавно родились. Они родились...

Жизнь. Новая жизнь.

Кто-то рождается, а кто-то умирает. Вечный круговорот. Но никто не хочет умирать, да? Что же такое жизнь? Как странно. Я смотрела на них не отрываясь.

– Я подарю тебе одного. Вот рыженький. Или, может, бежевый? Ты меня слышишь, а?

Она выключила видео и подошла как можно ближе ко мне. Рэки смотрела мне прямо в лицо.

– Тебе не нравится? Хочешь, я другой подарок...

– Нет. Они прекрасные. Я с удовольствием возьму одного из них к себе и обязательно позабочусь о нем.

– Тогда в чем дело? – поинтересовалась она.

Я не сразу ответила.

– Они живые. Это новая жизнь. Разве не чудесно? – спросила я, странно улыбаясь.

– Ну, да...

– Рэки, в чем смысл жизни? Может, его нет? Почему мы так мало живем, а потом умираем?

Она немного задумалась. Я не ожидала, что она всерьез ответит. Если бы она рассмеялась вместо ответа на мой вопрос, я бы ее поняла и ничего бы не сказала. Но Рэки все же ответила мне.

– Ты меня спрашиваешь? Я как-то и не задумывалась никогда. С чего это ты так... Но я отвечу. Возможно, смысл в том, чтобы жить так, как хочешь именно ты. Радоваться простым мелочам, ведь из них и состоит твоя жизнь. Вот я – люблю свою жизнь, потому что никто мне не указ, и не хочу ничего менять в ней. Мне и так нравится быть... эм, ну это... собой. А тебе что, жизнь не нравится? – внезапно прервалась она.

– Нет, дело не во мне, просто...

– Эй, урок сейчас начнется. Давай сядем вместе у окна, там и расскажешь. Идем, – она потащила меня в класс русского языка.

Наверное, не стоит ей знать. Пока. Может, потом, если Сайрам захочет, то сам расскажет. И зачем я задала ей такие важные философские вопросы? Глупо себя выставила, а теперь Рэки будет вместе со мной рассуждать, что же такое жизнь и смерть.

Мы вошли в класс, и как раз в это время загорелся свет. Пробираясь сквозь ряды парт, сели у окна. Учительница почти не обратила на нас, явившихся в последнюю секунду, должного внимания, да и парта была свободна, поэтому мы ее заняли.

– Вот мы и на месте, – шепнула Рэки, – так, что ты хотела спросить?

Я смотрела некоторое время в окно, собираясь с мыслями. Вид был завораживающий. На улице светало. Солнце окрасило небо в голубой, красный, сиреневый, желтый и оранжевый цвета.

– Хотела только спросить тебя. Вот ты веришь в жизнь после смерти? (Не знаю, почему я спросила именно это, может, вся эта ситуация меня напугала и я просто боюсь смерти?)

– Ну, даже не знаю, как тебе ответить. Подожди немного, я подумаю.

Рэки и вправду уселась поудобнее и начала думать. Я продолжала глядеть в окно. Солнце медленно вставало из-за горизонта. Еще чуть-чуть, и оно ослепит мои зеленые глаза.

– Знаешь, Леоне, Вселенная, в которой мы живем, образовалась примерно пятнадцать миллиардов лет назад. Но я все это время – от Большого взрыва и до моего рождения – не испытывала никаких ощущений и ни о чем не переживала. Время для меня началось только с момента моего рождения. А до рождения – все равно, будто ничего и не было. Вероятно, в некотором смысле, момент моего рождения совпал с моментом рождения Вселенной.

– Что-то я не совсем понимаю. О чем это ты, Рэки?

– Ну, так же как и после смерти, может быть, эта Вселенная будет существовать еще десять миллиардов лет до «конца света». Но я все это не буду переживать, как не переживала эпоху динозавров. В каком-то смысле мой последний вдох совпадет со смертью Вселенной. Вот возникла Вселенная – и в следующий миг родилась я. Вот меня нет – и в следующий миг умрет Вселенная. А что же будет потом? А потом будет новое рождение! По Гераклиту «Смерть есть рождение». Рождаясь – умираем, но и умирая – рождаемся! Думаю, смерть – это лишь врата новой жизни. Исчезновения нет, небытия нет, а есть лишь «переход» от одного состояния бытия в другое, и этот «переход» неощутим. Я не боюсь смерти, потому что до моего рождения меня не было миллиарды и миллионы лет, и меня несколько это не заботило.

- Вау, ты так глубоко мыслишь, – удивилась я.
- Да. Отец давал мне читать самые разные ученые книжки. Там и набралась опыта.
- Ты хочешь сказать: начиталась?
- М-м-м, нет.
- То есть ты веришь в реинкарнацию?
- Да, в каком-то смысле верю.

Молчание. Немного послушали, что говорит учительница. Она все твердила о деепричастных оборотах.

- Эй, псс, а с тобой точно все в порядке? – поинтересовалась Рэки.

– Да. А что-то не так?

– Нет. Ты просто сегодня слишком задумчивая, что ли, а еще спрашиваешь про всякие «смыслы жизни» и «глубинные тайны» Странно все это. Да и Сайрама сегодня опять нет в школе. Это ты из-за него?

– Еще чего. Конечно, нет.

– А я думала, ты за него переживаешь.

– Вот еще, – и я посмотрела уже на яркое небо, на солнце, которое было выше, чем в прошлый раз, и отразилось в моих глазах. Солнце тоже каждый день будто рождается и умирает, заходя за горизонт и вставая оттуда вновь. Круговорот. В этом месяце оно высоко не встает. Поскорей бы весна...

* * *

Поздно Вечером Сайрам, Рэки и я сидели у меня дома за кухонным столом, попивая холодный лимонад. Кроме того, на столе стоял большой торт с клубникой, только что выставленный из холодильника, и много других сладостей. В дверь позвонили.

– Это мама. Пойду открою. Не разнесите здесь все в мое отсутствие.

– А мы собирались?

Я оставила столовые приборы и пошла открывать. Шуршание возле входной двери, и вот через минуту послышался мамин возглас:

– Уже празднуете?

– Конечно, снимай кофту.

Она мигом разделась, поздоровалась с ребятами, проходя мимо кухни, они ей махнули, а после прошла в гостиную. Я же пошла за ней.

– Не увлекайтесь там, а то наделаете шуму. Вы уже не дети, а здоровые кони.

– Да, мам.

– Давно я не видела твоих друзей. А Сайрам-то, гляди, как повзрослел. Все-таки он симпатичный.

– Что ты имеешь в виду, мам?

– Нет-нет, ничего. Просто если захочешь встречаться, то пожалуйста. Ты уже достаточно взрослая для этого.

– Ч... что, прости?

Я опешила. Почему мама говорит *такое* сейчас? Раньше подобных разговоров я от нее не слышала. Она редко затрагивала тему мальчиков. В основном только когда я ей жаловалась, как глупые мальчишки пристают ко мне и дразнятся из-за роста. С тех пор я стала решительнее и сильнее, но я до сих пор считаю себя ребенком, какие серьезные отношения могут быть в этом возрасте? Я хорошо поняла ее намеки. Но с какой стати мне думать о мальчиках? У меня что, других дел нет? Мне еще учиться и учиться, школа намного важнее.

– Да не удивляйся ты так! Почему бы просто не попробовать? Ты же уже вроде в «этом возрасте».

Мои щеки ненадолго покраснели, я растерялась. Черт! Я же не испытываю к Сайраму никаких романтических чувств. Что такое с моими щеками? Нет-нет, это все мама, она застала

меня врасплох своими словами. Хотя может получиться так, что это он меня лю... любит. Фуф, какое слово противное! И как мама могла подумать, что у нас что-то есть? Он же просто мой друг. И ничего более. Зря я переживаю, в этой ситуации все очевидно. Просто мама вселила в мою голову возможный исход событий, который маловероятен в будущем.

– Тише, тебя услышат, – подойдя ближе, шептала я, пусть мы и находились в другой комнате вдали от друзей. – Сайрам – просто мой друг, не более. Ничего себе не надумывай. А теперь я пойду и поздравлю его с днем рождения.

– Да-да, хорошо, иди. Вот, смотри, влюбится он в кого-нибудь, не будешь завидовать? – легкая усмешка появилась на ее губах.

– Нет, я буду рада за него и пожелаю ему счастья, – и, хлопнув дверью, я повернулась в сторону кухни.

Ух, мама! Если сейчас она заводит **такие** разговоры, то что будет позже, к двадцати годам? Она попросит родить ей двойняшек?

Даже после моих правдивых слов я знаю, что она до сих пор считает, будто мне нравится Сайрам, ведь вокруг меня больше нет мальчишек, а с ним мы проводим целую кучу времени. Ну и пусть так думает. Это неправда! Вот пойду сейчас на кухню и решительно спрошу: нравлюсь я ему или нет. Нет! Плохая идея. Сайрам подумает, что это я к нему неровно дышу, а иначе не стала бы задавать такой прямой вопрос. Мне бы его прямолинейность и уверенность... Ну и ладно, забудем. Просто вернусь обратно как ни в чем не бывало и поздравлю друга с праздником. Ух, мама, совсем выбила меня из колеи своими расспросами. Так неловко.

– Не скучали без меня?

– Конечно, нет. «Мучили» твою кошку, – произнесла Рэikki.

– Сейчас же все будете в белой шерсти.

– Мы ее не сильно мучили. Не настолько, чтобы шерсть с нее клоками сыпалась, – пояснил Сайрам.

– Ниа, уйди отсюда, – приказала я кошке и попыталась схватить ее.

Кошка ловко извернулась на коленях у Сайрама и попыталась спрыгнуть, но мне удалось ее поймать и заключить в свои объятия.

– Иди и больше не возвращайся, от тебя слишком много шерсти, – кошка спрыгнула с моих рук на пол, недовольно вздохнула и прилегла на коврик в коридоре.

– А почему все-таки Ниа? Странная кличка для кошки. Не находишь? – поинтересовалась Рэikki.

– Это все потому, что она вечно мяукает. Ее нежное мяуканье похоже на этот звук.

– По-моему, совсем не похоже, – вставил Сайрам.

– Какой ты вредный, – сказала Рэikki.

– Это я-то?

– Так, все, тост за день рождения Сайрама, – сказала я, лишь бы не началась их новая ссора.

Я встала из-за стола и подняла стакан повыше. Теперь я глядела на них сверху вниз, на Рэikki и на Сайрама. Почему-то именно сейчас мне вспомнился тот неловкий разговор с мамой, который меня смутил. Мне стало некомфортно находиться рядом с Сайрамом в такую минуту. Я постукала пальцами по стеклянному стакану. Мало того, я вообще не представляла, какой тост произнести. Ведь эта фраза была сказана, только чтобы остановить их бессмысленную перепалку. Не могу подобрать слова, что бы такое сказать, да чтобы не было банально? Какое глупое и смущающее положение. Нужно срочно что-то придумать. Но что?

– Давайте выпьем за то, чтобы тебе всегда сопутствовала удача. Во всем на свете... в учебе, спорте, в любви там, еще в чем-нибудь... Пейте!

Я быстро поднесла стакан ко рту и начала пить. Лишь бы не произнести еще чего более смущающего. Что за ерунду я сказала? Хотела же красивый праздничный тост...

Рэки и Сайрам переглянулись, но все-таки тоже начали пить лимонад вместе со мной. С каждой секундой лимонада в моем стакане становилось все меньше, я это понимала. Ладно. Закончу пить и помолчу. Обычно, когда я молчу, разговор подхватывает Рэки, ее иногда заносит и она болтает без умолку долгие минуты. Пусть сейчас тоже кто-нибудь начнет разговор, любую глупость, любую мелочь, только не спрашивайте про тост.

Я закончила пить, поставила стакан на стол и приумолкла, держа язык за зубами. Они тоже отмалчивались. Что же делать? Не выдержав воцарившегося молчания и тупого напряжения, Сайрам спросил:

– Так что там про любовь было?

– Что?

Все-таки спросил меня! Буду молчать.

– Про любовь. Мне показалось или ты мне любви пожелала, а?

Я молчала.

– Не любви, а удачи в любви, – поправила его Рэки.

– Почти одно и то же, – буркнул он.

– Девушку себе найди, вот и все.

– Че? Кто бы говорил, Рэки, у самой-то нет парня.

– Да он мне и не нужен вообще. Я и без него шикарна, – она налила себе еще лимонада из большой бутылки, а потом принялась пить по-царски.

– Ты уже перепила. Всякую чушь несешь, – он попытался отобрать у нее стакан.

– Не-ет, это мое питье. Не трогай, – отодвинувшись, крикнула Рэки, изображая из себя пьяненькую девочку. – Сам-то даже не целовался ни разу!

– А тебе какое дело? – воскликнул Сайрам, растерявшись. – Отдай стакан, я сказал. Леоне, помоги мне!

Вся эта картина выглядела настолько комично, что я рассмеялась, хотя до этого молчала как рыба. Рэки и Сайрам обернулись в мою сторону. Я смеялась искренне и звонко. Сайрам подхватил инициативу. Мы оба весело гоготали на всю кухню.

– Что? Что смешного? – непонимающе спросила Рэки.

Теперь все встало на круги своя. Ссора этих двоих может как и усугубить положение, так и, наоборот, разрядить обстановку. Мне было по-настоящему весело, хоть я и не люблю, когда эти двое цапаются друг с другом. Сегодня день рождения Сайрама, и мне приятно видеть, как он веселится от души. От его подавленного настроения пару месяцев назад не осталось и следа. Сейчас он сидит с нами в комнате и смеется искренне и непритворно. Все вновь стало таким, как прежде. Но я все еще жалею, что не остановила его тогда на лестнице и крепко не обняла...

Предвкушение и волнение Сожаление и согласие

Стоял теплый майский денек. Вдохнув поглубже, я ощутила свежесть воздуха. Сегодня суббота, но я с радостью бы прогуляла школу ради такой прекрасной погоды. Осталось учиться всего ничего, буквально десять учебных дней, а затем лето и бесконечные прогулки, отдых и развлечения. Вам, наверное, интересно, что мы делали в это прекрасное утро?

Как я уже писала однажды, Рэки очень любит лазать по заброшенным зданиям. Но больше чем лазать, она любит разве что их исследовать. Ее привлекает эстетика заброшенных мест. Заброшенные дома у нее (как и у меня) ассоциируются прежде всего с чем-то мистическим и потусторонним. С призраками, например, или с жуткими историями. Знаете, многие здания, что мы посетили, были не только страшными, но и страшно красивыми.

Согласитесь, странное увлечение для девочки любить лазать по жутким «заброшкам». Рэки вообще странная, не любит еду из школьной столовой, плачет из-за всякой книжной ерунды, носит в своем рюкзаке целую кучу вещей. Однако и я не лучше. Увлекаюсь карате, и могу надрать зад любому. Но папа всегда учил меня, что девочки могут заниматься и увлекаться тем, чем сами захотят, и не нужно слушать ничье мнение. Да, безусловно, хороший совет, но хочу добавить одну поправку: *девочки и мальчики* могут увлекаться тем, чем захотят. Просто никого не слушайте, ладно? Небольшое напутствие и отступление.

Так вот. Благодаря Рэки я знала практически все «заброшки» в нашем районе. И старую больницу, и школу, и полигон, и почту, и много-много всего еще. Иногда мы брали с собой Сайрама. Это происходило, когда он сам хотел и когда у него было свободное время (а точнее говоря, когда он не спал и не ленился). Ну и, возможно, когда нам двоим было жуть как скучно. Чем больше народу, тем веселей. Сайрам скрашивает наши походы в прямом и переносном смысле. Видели бы вы, какие прекрасные и удивительные граффити он рисует! Просто с ума сойти можно. И это не просто какие-то бессмысленные для большинства надписи, а настоящие картины! Однажды Сайрам нарисовал прекрасного пятнистого жирафа, пока мы с Рэки спускались в темный бетонный подвал больницы. Там мы наткнулись на кучу дохлых мышей, аж противно вспоминать. А недавно, вооружившись пятью баллончиками с краской, он изобразил на ужасно облупившейся стене чарующий закат на пляже, с морем, чайками и разноцветным небом. У него явно талант. Интересно, рисует ли он картины дома от нечего делать и заставил ли он ими всю свою комнату. Было бы круто увидеть комнату Сайрама, завешанную картинами, бумажками с рисунками.

В этот раз мы отправились на вылазку все втроем. Встретились возле моего дома и пошли к месту. В дорогу я экипировалась всем необходимым. Надела кроссовки, плотные длинные штаны. Взяла маску, чтобы не дышать строительной пылью, если она там будет. На спине у меня покоился рюкзак с самыми нужными вещами, бутылкой воды, например. Сайрам не привык ходить по таким местам, поэтому в дороге молчал больше, чем обычно. Болтала в основном Рэки, она рассказывала нам о своих планах на лето, а потом неожиданно переключилась на монолог о вкусных тортах. Никто не понял, как это произошло. Посмотрев на Сайрама, я заметила его задумчивость, молчаливость. Что-то с ним не то. Но он не должен бояться таких мест, как заброшенные здания, ведь не раз там был. А может, он ходит туда только ради нас с Рэки. Кто знает... Могу сказать одно: когда он рисует, то забывает обо всем на свете.

Мы пришли к трехэтажному зданию. Его со всех сторон окружал небольшой лес, но благодаря тропинкам, протоптанным другими людьми, мы с легкостью нашли его. В прошлом это пустое здание могло стать то ли лабораторией, то ли психбольницей. Но это все в прошлом и нас (особенно Рэки) не интересовало. Главное – это то, что осталось от него в насто-

ящий момент. Стоя перед зданием, я понимаю, почему некоторые считают заброшки жуткими местечками. Оно очень точно передает атмосферу опустошенности и навеивает мысли о прошлом. Кто ходил по этим коридорам? Кто строил эти стены? Когда все это забросили? Часто возникает чувство восхищения и желания посетить это необычное, оставленное людьми место.

Думаю, каждому школьнику было бы любопытно узнать, что таит в себе это здание. Попробую описать его. Ну, во-первых, оно имеет три этажа. Но об этом я уже говорила. Тогда, во-вторых, оттуда открывается просто офигенный, как говорит Рэки, вид. Можно разглядеть всю округу и лесок, обступающий здание, поднявшись на самый верх крыши.

Так. Что-то не то. Давайте по-другому. Это было старое заброшенное здание. Первый признак, по которому мы определяем заброшенный дом, это его окна. Точнее, полное или частичное их отсутствие. Еще одно преимущество таких мест это контраст с мирным окружением, в котором они находятся. Ярко синее небо и тихий лес контрастируют с одиноким зданием, в котором уже давно никто не живет.

Здание с облупившейся краской, плесенью и выбитыми окнами может показаться очень враждебным и нагоняющим страх, но оно не такое. Скорее миролюбивое. Окна полностью отсутствуют, значит, его не достроили. Там довольно чисто, хоть иногда и можно увидеть мусор по углам в виде жестяных банок или бумажек от еды. Но в этом здании мусор редкий гость. Далее граффити. Их здесь около десятка.

Поэтому очевидно, что тут и до нас были люди. Стены исписаны причудливыми надписями самых разных языков и цветов, от больших и толстых до маленьких закорючек в пару букв.

– Сайрам, дай баллончик, я тоже что-нибудь напишу, – крикнула Рэки. Сайрам топтался в проходе, осматривая оттуда пол, бетонный потолок под три метра.

– Тебе какой?

– Давай черный.

Немного поковырявшись в рюкзаке, Сайрам вытащил черный баллон с краской и приготовился его кидать.

– Лови.

Емкость летела около пяти метров, а потом Рэки ловко поймала черный цилиндр с дрожащим шариком внутри.

– Благодарю.

Пока она что-то старательно писала, издавая звуки «пш-ш», «пш-ш», я продолжала разглядывать здание. В постройке пахло плесенью, стояла мертвая тишина, лишь слышно, как Рэки брызгает краску на стену. Мышей в округе нет, и это хорошо. Изредка посвистывает в окнах ветер. Много света просачивается через незастекленные проемы.

В одном из таких обосновался гуль. Эти мутировавшие голуби часто гнездятся в безлюдных местах, я не в первый раз их встречаю в лесу. Но уже не боюсь. Главное вести себя спокойно, без резких движений. Он посмотрел на меня, я на него. «Я помню, как твой злой сородич меня укусил, было неприятно», – подумала я. Гуль, посидев в оконном проеме еще немного, улетел.

Судя по всему, здание было построено в 2010-е годы. Но по какой-то неведомой нам причине его перестали строить и забросили. Попасть в «заброшки» чаще всего очень непросто, а иногда и опасно, даже если не говорить о якобы обитающих там призраках, то любителям старины стоит опасаться обрушения конструкций. К счастью, пол и потолок до сих пор пребывают в приличном состоянии, что и позволило мне сделать вывод о приблизительной дате строительства. Мне хотелось бы оказаться в начале XXI века и побывать в этом месте, побродить по его недавно построенным коридорам. Узнать, что на самом деле тут хотели построить, и быть в курсе всех секретов и событий этого здания.

– За-акончила, – протянула Рэки.

– Ну и что ты там написала? – спросил Сайрам, уверенно подходя ближе, чувствуя себя здесь точно дома.

– Вот, полюбуйся.

Красивым почерком на стене было выведено слово «Френель». Рэки заулыбалась.

– Дурочка, кто пишет здесь свою фамилию? – возмутилась я, слушая издали.

– Да и к тому же ты говорила, что твой отец довольно состоятельный человек. А вдруг кто-то увидит твою подпись? Подумают, конечно же, про него, глядя на эту фамилию, а может, и в суд подадут за вандализм, – пугал ее Сайрам.

– Ну и ладно. Мне нравится, – она показала язык.

– А ну иди сюда, – крикнул Сайрам и ринулся за ней.

Рэки убежала в другой конец коридора, но не рьяно, а Сайрам кинулся за ней и хотел догнать. Я думаю, они опять затеют ссору. Иногда смешно, но чаще всего раздражающе за этим наблюдать. Поэтому я отошла в сторону, чтобы не мешать им выговориться. Когда у них закончится словарный запас, тогда я и появлюсь. А пока посижу тут, за углом, пусть думают, что меня нет.

Догнав Рэки, Сайрам начал отчитывать ее и бранить. Он делал это полущутя, посмеиваясь над ней. Рэки тихо стояла и смотрела на него. Но они, неожиданно для меня, перестали разглагольствовать и переменили тему. Я все слушала.

– Слушай, Сайрам, – как бы ненавязчиво начала Рэки, – а тебе кто-нибудь нравится?

– С чего это ты вдруг? – удивился он.

– Так, просто интересно. Не отвечай вопросом на вопрос.

– Думаю, пока никто.

– А поточнее?

– Не знаю.

– Хмм...

– Ну, уж точно не такие девчонки, как Виньетта. Зазнайка еще та, – усмехнулся он.

– Но она довольно умная. Вы с ней лучшие в классе. Думаешь, она тебе не подходит?

– В любом случае – это не то.

– Тогда кто? – настаивала Рэки.

Он заволновался. Не очень-то ему и хотелось отвечать на такие личные вопросы.

– Не знаю.

– А я красивая?..

– Ты очень милая. Но такая глупая, хах.

– А я тебе нр...

– Давай потом поговорим об этом. Где Леоне? – прервал он ее, словно намереваясь уйти от темы.

Я продолжала незаметно сидеть за углом, даже спина замаралась оттого, что я слишком сильно прислонилась к стене. Станный у них вышел диалог, половину фраз я, к сожалению, не расслышала. Но теперь и мне стало интересно, кто же нравится Сайраму.

– Леоне, – позвала Рэки.

– Леоне, где ты? Иди к нам.

– Здесь я, – подождав немного, откликнулась я на их зов.

– Где ходишь? Что ты там делала? – спросил Сайрам, видя, как я выхожу из-за угла коридора, в который никто еще не заходил.

– А ты волновался за меня? – с ехидством спросила я.

Он не ответил.

– Осматривала местность. Это здание почти не опасно для нас, за исключением большой дырки в полу на втором этаже. Но конструкция не обрушится, даже если втроем поднимемся на этаж, и это радует.

– К чему ты клонишь? – поинтересовалась Рэки.

Выдержав уместную паузу, я произнесла:

– Можно устроить игру.

– Какую игру? – переспросил Сайрам.

– Интересную, надеюсь. Суть проста. Кто первый доберется до крыши – тот и победил.

Наперегонки.

– Мне нравится, – одобрила Рэки.

– Да ты же медленная, как не знаю кто. Я тебя в два счета уделаю, – расхваливался Сайрам.

– Вот и посмотрим кто кого. Может, удача сегодня на моей стороне, – сказала Рэки.

– Отлично, раз все согласны, давайте оставим тут свои вещи. Будем бежать налегке. О, мне нужна красная краска.

Сайрам послушно достал баллон, не задавая вопросов, а Рэки сняла рюкзак с плеч и откинула его к самому входу подальше.

– Вот так, закончила, – произнесла я, поперек коридора начертив жирную красную линию. – Это будет старт.

– Угу.

– Бежим по первому этажу до конца коридора. Там будет лестница. Поднимаемся на второй этаж и также бежим до конца. Потом на третьем этаже нужно будет найти вход на крышу. Кто первый прибежит – тот самый быстрый, – объяснила я кратко правила.

– Ок, но нам нужен будет сигнал для начала бега. Если кто-то один будет говорить: «На старт, внимание, марш», это будет нечестно по отношению к другим.

– Да, ты прав, – подтвердила я слова Сайрама.

Мы немного подумали.

– Что если кто-то высоко подбросит баллончик с краской, а звук его падения будет сигналом? – спросила Рэки.

– Мой драгоценный баллончик!

– Идея неплохая.

– Тогда это буду я, – сказал Сайрам.

– Возражений нет.

Мы встали на линию старта, разминаясь.

– Готовы? Бросаю, – предупредил он.

Сайрам высоко подкинул баллончик. Все замерли в ожидании звука. Напряженная и такая волнительная пара секунд. И вот... Бам!

Мы с Сайрамом вырвались вперед. Рэки чуть позади. Но никто не хотел проигрывать. Ладочки вспотели от волнения. Сдаваться я не собираюсь!

Мы повернули за угол, ступая по мелким бетонным камушкам, что врезались в стопы. И вот первое препятствие. Доски. Светлые, возможно, березовые отсыревшие доски валялись всюду и сбивали нас, несущихся на полной скорости подростков. Сразу ясно, что здание не достроено. Много досок валялось на полу, сваленных друг на друга в широкие кучи. Также пара-тройка досок была протянута через весь коридор и закреплена на высоте метр и семьдесят сантиметров. Для довольно высокого Сайрама это была проблема.

Нам всем было неудобно перепрыгивать через наваленные груды досок. В то же время приходилось следить за досками сверху. Это испытание было средним по уровню сложности. Мы с успехом его преодолели, даже Рэки выбралась из перехода, заваленного деревянными палками.

Сайрам вырвался вперед. Какие-то там доски для него не преграда. Я поспешила догнать его. Благо препятствие за следующим поворотом заставило его притормозить.

Шины. Автомобильные шины. Кто-то зачем-то приволок сюда шины и построил из них башенки под два метра из семи-восьми шин. На них-то мы с Сайрамом и поравнялись. Я хлопнула его по плечу и подразнила:

– Догоняй!

Это был вызов. Все равно что помахать перед быком красной тряпкой.

– Рэки, давай быстрее! – крикнула я, поддерживая ее.

Рэки, бывавшая тут не в первый раз, как и я, знала, что бежать мимо шин нужно определенным способом. Если не хочешь наткнуться на башню из шин, просто беги по спирали, обходя их кругами.

Неторопливая Рэки тоже нагнала Сайрама, который все бегал вокруг да около колонн, не понимая, как через них можно протиснуться.

– Я уже бегу, Леоне! – крикнула она.

Сайрама все это дико сердило. Ведь это он должен быть победителем. А какие-то девчонки его сейчас уделают? Не, так не пойдет.

«Я просто побегу за Рэки, она меня выведет», – подумал он.

Так оно и получилось. Не успела я мысленно обрадоваться своей победе возле лестницы, как его силуэт показался неподалеку.

– Не сдамся! – крикнул он.

– Я тоже!

Лестницу мы преодолели быстро. Чего там сложного, ее даже препятствием назвать нельзя. Когда я была на середине пролета, Рэки только начинала взбираться по ступенькам.

В один момент я подумала, что у меня и вправду не получится победить. Но я же крикнула Сайраму, что не сдамся. Значит, так и будет.

Второй этаж был куда «спокойнее» первого. Ни досок, ни шин. Наверное, сюда не успели притащить всякий мусор, или людям просто было лень поднимать столько барахла на этаж повыше. Хотя тут был шуршащий под ногами песок. Совсем немного, он тонким слоем стелился по полу. Теперь мы все бежали по второму этажу цепочкой: Сайрам, я, Рэки. Сайрам случайно оступился, потеряв равновесие, но продолжил бежать, не сбавляя скорость.

– Хах, смотри, ноги не сломай, – язвительно крикнула я. И пожалела.

Он, желая мне отомстить, наклонился и на бегу взял охапку песка из-под ног.

– Получи! – воскликнул он, развернулся и размашисто развеял песок, при этом закрыв глаза.

В коридоре заброшки создалась своего рода легкая дымовая завеса. Очень неприятная, скажу я вам. Я прикрыла глаза, чтобы песчинки не попали на слизистую.

– Нечестно! Дурак.

– А это не запрещено правилами, так что я придумал свое. Считаю это новым препятствием, – радовался он, повернув голову в мою сторону и наблюдая, как я прикрываю лицо руками, пытаюсь бежать вперед. Я уже почти выбралась и приоткрыла один глаз.

– Рэки, тут пыль в воздухе из-за Сайрама, осторожнее, – предупредила я. Песок уже почти осел, но от него осталась характерная неприятная пыль.

– Постараюсь, – крикнула Рэки.

– Теперь вам никогда меня не догнать, – радовался он.

– Вперед смотри, дурачок, там дырка в полу.

Но я не успела договорить, его ноги уже были на самом краю маленькой пропасти. Он тоже поздно заметил свою оплошность, да и не сразу понял, что происходит. Мне казалось, Сайрам поверил в то, что у него еще есть шанс уцелеть, поэтому попробовал перепрыгнуть эту дыру. Его большие ступни в этот момент были наполовину в брешу. Из-за чего ему не хватило сил оттолкнуться. Сайрам неловко повернулся в воздухе и начал падать, цепляясь за воздух. Он летел вниз, а я беспомощно за этим наблюдала. Скорей всего, Рэки тоже. Не так уж далеко

она от меня находилась, когда бежала. На долю секунды мир замедлился, какую-то пару мгновений было чрезвычайно страшно, но я не могла оторвать взгляд. Сайрам шлепнулся на бетонный пол. К своему ужасу, мы услышали этот звук. От этого глухого падения у меня что-то свело в груди, его тело шлепнулось вниз, я замерла на месте. Немой крик вырвался наружу. От бессилья я присела на пол.

– С-Сайрам?

Он не отозвался. Головой я понимала, что нужно идти к нему и как можно быстрее, но ноги не слушались. Ни шагу не получалось сделать, да и встать тоже, что же сковывает меня в данный момент. Я должна помочь другу. На полу возле ноги я заметила острый серенький камушек. Была не была. Я схватила его и легонько полоснула себя по руке. Потекла кровь, густая и красная, но ее было не так много. Как я и ожидала. Чувство боли вывело меня из шока. Но я все равно не пошла, а едва подползла к отверстию.

Сайрам лежал внизу в пыли и с закрытыми веками. Крови вокруг него я не наблюдала. Вероятность того, что он что-то себе сломал, крайне велика. Упасть с такой высоты не сгруппировавшись опасно для жизни. Он и правда болван.

Я повернулась в сторону Рэки. Она стояла поодаль с широко раскрытыми глазами и плакала, прислонив руки ко рту. Кое-как я нашла в себе силы, чтобы встать. Сколько же труда и выдержки потребовалось мне, чтобы поднять свое тело в ту минуту.

– Рэки, все хорошо, не переживай. Давай спустимся вниз, – пытаюсь придать своему голосу обычный спокойный вид, сказала я. На самом деле он дрожал, однако я надеялась, что за своими всхлипами она не распознает колебания голоса. Я притворилась, чтобы попытаться хоть как-то ее успокоить. Она более чувствительна к таким вещам, чем я. Того и гляди начнет истерику, тогда я точно не смогу ее остановить.

Она будто вовсе меня не слышала.

– Давай я попробую спрыгнуть туда же, зацепившись за край, а ты иди к лестнице и спустись вниз. Ты не сможешь спрыгнуть отсюда, а ему как можно скорее нужна помощь.

– Нет! – закричала она. – Вдруг с тобой тоже что-нибудь случится?

– Но так намного быстрее, – пыталась убедить ее я.

– Не оставляй меня!!

Это был крик о помощи. Слезы хлынули у нее еще сильнее. Я поняла, если оставлю ее одну, она не сможет себя контролировать, того и гляди в панике натворит чего безумного. А я сейчас самый адекватно мыслящий человек в этом здании, поэтому должна быть с ней рядом. Я взяла Рэки за руку.

– Все хорошо, хорошо. Он просто без сознания, кровь не хлещет. Пойдем вместе.

Мы спустились на первый этаж. Рэки рыдала у меня на плече. Возможно, если бы я дала ей поглядеть на Сайрама оттуда сверху, она была бы спокойнее. На это просто не было времени.

– Сайрам! – увидев его в сознании, Рэки вырвалась из моих объятий и поспешила к нему, запинаясь. Ее волосы развевались туда-сюда. – Бинт. Где мой бинт? Я сбегая за сумкой. У меня там есть... Я спасу его!

– Успокойся и подумай здраво. Зачем ему бинт, если у него нет кровотечения? Скорую... Нужно вызвать скорую.

– Да кто нас найдет в такой глуши? Мы в заброшенном здании посреди леса. Тут даже адреса нет.

Она была права. Эти слова... Я сама прекрасно понимала, но теперь на меня накатило чувство безысходности. Нас вряд ли найдут. А все это случилось потому, что я предложила устроить это глупое состязание. Все из-за меня!

– Это все моя вина! – воскликнула Рэки. – Если бы я не притащила вас на эту заброшку, то ничего бы не случилось.

– Не вини себя, – прошептал Сайрам, приподнявшись на локте. – Если бы я был внимательнее и не рвался так к победе, то не провалился бы в эту чертову дырку.

– Сайрам! Рука, – воскликнула Рэки, – твоя рука в неестественном положении.

– Сломал, наверное, – спокойно пробубнил он.

– Молчи.

Она не могла остановить слез. Хоть и вытерла свои глаза уже три раза. Все-таки настолько сильно винила себя. А из моих глаз не вырвалось ни слезинки. Неужели я настолько бесчувственная? Каждый из нас винил себя в этой ситуации. Но уже ничего было не поделать. Или...

– Рэки, ты говоришь, нас никто не найдет... Однако у меня есть идея. Но тебе она точно не понравится.

– Я готова на все!

– Тогда позвони своему отцу. Благодаря своим связям он найдет нас даже в такой чаще.

– Но если он узнает, что я бегаю по заброшкам, он убьет меня!

– Что важнее: это или рука Сайрама? – крича спросила я.

Она послушалась. Рэки достала телефон и судорожно начала набирать его номер. Ее руки дрожали, буквы и цифры расплывались в глазах из-за слез. Дальше все происходило как в тумане. Плохо помню все происходящее. Надо спросить у Рэки, помнит она или нет.

Помню, как прилетел спасательный вертолет и забрал Сайрама, как сидела в большой черной машине, возможно полиции, сидела напротив Рэки. Преимущественно она смотрела в окно на меняющийся за ним пейзаж. Иногда опухшими глазами смотрела на меня, я отвечала ей тем же. Наш безмолвный диалог мог продолжаться около двадцати минут. Потом меня завезли домой, а сами поехали дальше. В больницу, точно туда. Все выходные я была сама не своя. Меня грызло чувство вины. Должно быть, Сайрама и Рэки тоже. Я лежала на кровати и подолгу прокручивала все происходящее в голове, заново переживая ситуацию, обдумывая, можно ли было поступить так, а не иначе.

В понедельник Сайрам не появился в школе. Его до сих пор держали в городской больнице. Позже я узнала от Рэки, что он сломал левую руку (хорошо, что левую, а не правую! он правша, не смог бы писать и рисовать картинки). Кроме того, у него множество синяков и царапин по всему телу. Через пару дней в школе уже все знали, что Сайрам сломал руку, но никто не знал, как именно, кроме нас с Рэки. Отец Рэки оплатил лечение и гипс, ведь у матери Сайрама таких денег не было. После того как Викентий узнал, что его дочь Рэки опять ослушалась и пошла исследовать заброшенное здание, да еще и друзей подвергла опасности, были приняты жесткие меры. Теперь ее сразу же после школы забирала черная машина с водителем на обозрение всем одноклассникам и отвозила прямо домой. Мы толком и не успевали попрощаться, как двери машины закрывались, и она уезжала. Было очень обидно. Надеюсь, ее отец однажды смилостивится. Хотя, немного зная принципиального и сурового Викентия, можно порадоваться, что он вообще не упек Рэки под домашний арест и до конца учебного года не перевел ее на домашнее обучение. К счастью, этого не произошло. И Рэки будет ходить оставшиеся две учебные недели в школу.

А вот Сайрам вряд ли выйдет к концу мая. После того как его выпишут из больницы, нужно будет еще отсиживаться дома какое-то время и наблюдаться у врачей. Понимая, что до начала лета я не смогу увидеть Сайрама, мой мозг начал придумывать план действий. Нужно было узнать, когда его отпустят домой, и наведаться. Поэтому каждый день я писала ему сообщения, спрашивая: «Как здоровье? Ты еще в больнице? Когда отпустят?». Думаю, за все это время Сайраму порядком надоела моя навязчивость. Но вот однажды, спустя почти неделю после случая на заброшке, он мне написал, что его отпустили домой вчера.

Моей радости не было предела. В тот же день после школы я решила навестить его. Как только я получила сообщение и прочла его, то машинально огляделась по сторонам. Не хочу,

чтобы кто-то увидел. Особенно Рэкки. Ей я не скажу, что направляюсь к Сайраму на дом. Она и так за него чересчур сильно волнуется. Ну точно винит себя за произошедшее.

С нетерпением ждала конца уроков. Поскорей бы отправиться к Сайраму. Как я давно у него не была (за это мне очень стыдно). По моим расчетам, Рэкки сразу после школы заберет водитель. У меня получится без лишних вопросов направиться туда. Скорей бы кончились эти занятия!

* * *

– Тут вроде бы, – усомнилась я, стоя во дворе дома.

Он был довольно старой постройки, обыкновенная пятиэтажная хрущевка. Стены горчичного цвета кое-где обшарпаны. Может, не здесь... А вдруг его мама дома? Вот же ж стыдно будет.

– Ну, была не была. Захожу.

Я зашла в подъезд, вот нужная дверь на втором этаже. Робко постучала, но так, чтобы с той стороны было слышно. После третьего стука в квартире послышалось шевеление. Сайрам открыл мне дверь.

– О, Леоне, как здорово. Заходи, – пригласил он.

Он был в порядке. И это главное. Даже в приподнятом настроении, так рад меня видеть? С тех пор как мы не виделись, кажется, прошла целая вечность. Но никто из нас за это время не успел измениться. Не считая левую руку Сайрама. Она была обтянута какой-то черной силиконовой манжетой, фиксирующей предплечье в неподвижном состоянии.

– Странная штука. Это типа вместо гипса? – спросила я, проходя в квартиру.

Он сначала не понял, о чем я говорю, но потом с интересом и уверенностью начал показывать и рассказывать.

– Да. Эта штукенция фиксирует руку. Теперь вводят такие вместо бинта с гипсом. А жаль. Лучше бы по старинке. Я бы что-нибудь нарисовал на нем. «Звездную ночь» Ван Гога, а?

– Было бы красиво.

Вот и славно. Я думала, Сайрам сильнее расстроится из-за перелома. Но нет, он бодрячком.

– Проходи. Вон туда. Давно ты меня не посещала, – произнес он.

Я промолчала. Через гостиную, убранную наспех, с расправленным диваном и парой пивных банок за ним, я прошла в комнату Сайрама и буквально застыла на пороге. Я была у него не первая. До меня с ним уже беседовали две наши одноклассница: Виньетта и Рэкки.

– Мм, Рэкки?

Она ничего не ответила. Сидела на полу вместе с Виньеттой, обхватив ноги, и молчала. Боже, что они здесь делают? Что происходит? О чем сейчас подумает Сайрам, поняв, что к нему на дом нагрянули три его одноклассницы?

– Хей, девчонки, – Сайрам вальяжно шагнул в свою комнату с банкой газировки.

Для маленькой комнатки здесь явно было тесно четырем людям. Я остановила его у самого порога и отвела к стене. Буквально толкнула, случайно задев ногой составленные кучки журналов и альбомов на полу. Кстати говоря, его комната не была обвешана его рисунками. А как жаль!

– Леоне, ты чего? – спросил он, упершись в стену и расплескав немного газировки.

– Нужно поговорить. И не отпирайся, а то я тебя ударю.

Он и не собирался сопротивляться, но припугнуть его стоило. Глянув на тех двоих на полу, мы отвернулись к стене и начали шептаться.

– А что эти двое тут делают? – почти крикнула я.

– Пришли сюда так же, как и ты. Наверное, это из-за того, что по классу прокатилась новость о том, что я сломал руку. Оказывается, я популярен. Похоже, это правда, что девушкам нравятся плохие парни. А ты разве не поэтому же пришла? – с улыбкой спросил он.

– Нашел что сказать. Не льсти себе. Пришла, и все, а тут они сидят. Как-то не по себе мне от их присутствия.

Он отвернулся от стены, посмотрел на девушек и обратно повернулся ко мне.

– Видимо, Рэки пришла потому, что волновалась за меня, – продолжал Сайрам.

– Это-то я поняла, но Виньетта что тут забыла? – напирала я.

– Похоже, что мы с Виньеттой встречаемся.

– Чего? – удивилась я. – Не смей меня. «Похоже, что мы встречаемся». В смысле «похоже»?

– Еще в начале этого месяца она пожала мне руку в коридоре школы, когда нас никто не видел. Тогда я лучше всех написал годовой экзамен. Виньетта была второй.

– Виньетта пожала тебе руку? – с кислым лицом спросила я.

– Она, кажется, сказала что-то вроде этого: «Давай брать пример друг с друга и дальше стараться изо всех сил», – процитировал Сайрам.

– Ну, а ты чего?

– Я подумал, что она говорит мне это как сопернику.

– И все? И это уже значит, что вы встречаетесь?

– Мы ведь пожали руки. И это значило, что мы решили встречаться. Виньетта мне только что об этом рассказала, – без радости на лице выпалил Сайрам.

Вот дурак. Однако мы с ним оба были неопытны в отношениях, потому что раньше ни с кем не встречались. Но быть таким глупым... Мне захотелось поприкалываться над ним.

– Вот как! Ну, это же Виньетта, она серьезная и строгая. Может, она права? – с усмешкой поинтересовалась я.

– Ага, может быть, и права... Ну, у тебя ни с кем из парней рукопожатия не было, так что, считай, у нас с Виньеттой продвинутые отношения. Ха-ха.

– С чего ты взял, что не было? И вообще, какое уж тут «ха-ха»?

Я надула губы и отвела взгляд. Но нужно было все узнать до конца.

– Ясно, а Рэки слышала, как Виньетта тебе рассказывала, что вы встречаетесь?

– О да, слышала, – ответил он. – Тут же взбесилась. Говорит: «Сайрам, ты правда встречаешься с Виньеттой?!» И тут же: «Если ты встречаешься с ней, то зачем тогда хотел признаться в любви мне?!» Вот... И тут ты пришла, я ей так и не успел ничего ответить.

– Когда это ты с Рэки?.. Вот это я умудрилась прийти в самый неподходящий момент! Тут же сейчас бойня будет.

– Сайрам, чего вы там шепчетесь вдвоем? Будь наконец мужчиной! – крикнула Рэки. – С кем ты встречаешься, ну? Со мной или с Виньеттой? А может, Леоне тоже?

– Не-не-не, меня сюда не привлекай.

– погоди-погоди, – сказал он, поворачиваясь к ней лицом, – про «встречаться» я вообще ничего не говорил! Устроили тут представление с недопониманием. Виньетте я пожал руку, даже не думая, что это равно «решено встречаться». А с тобой, Рэки, я хотел просто попозже поговорить про отношения, о чем тебе и сказал на заброшке. Опять же не думая, что это равно «признанию в любви» в будущем. На этом все.

Сайрам сказал это таким тоном, будто они обе его довели до белого каления. Теперь все более-менее понятно. Девочки просто все надумали.

Рэки, до этого внимательно слушавшая, вскочила со своего места и поползла к двери:

– Бред какой-то. Я пошла.

– Сайрам, ты меня ненавидишь? – спросила Виньетта со спокойным лицом.

– Нет, с чего бы мне...

– Значит, ты меня любишь? – уточнила Виньетта.

– Не, ну если выбирать между «люблю» или «ненавижу», то тогда люблю.

– До свидания! – крикнула Рэки, все еще находившаяся в этой комнате. Она уже приготовилась брать свою школьную сумку с пола.

– погоди, Рэки, тебя я тоже люблю – если, конечно, выбирать из «люблю» и «ненавижу».

– Чего-о-о... Ты чего это, признаешься нам обеим? Может, еще и Леоне признаешься? – воскликнула Рэки.

Только меня не приплетайте.

– А? А что, так получается, что ли?

– Именно так и получается. Сайрам, о чем ты вообще думаешь? – поинтересовалась я, нахмурившись. Когда дело доходит до сложных задач по математике или химии, то он знает ответ наперед, но когда дело касается любви и человеческих отношений... он просто безнадежен.

– Л-ладно! Тогда я тоже спрошу! Виньетта, Рэки, вы меня любите, что ли? – и он с недоумением начал показывать на себя пальцем не сломанной руки.

– Люблю. И не просто как друга, – призналась Рэки. – Поэтому и подумала, что в тот романтичный момент после погони на заброшке, когда мы наконец остались наедине...

«Вот этого от Рэки я и не ожидала», – подумала я.

– Естественно, люблю, – ответила Виньетта без тени сомнения и смущения, – иначе я не стала бы пожимать твою руку.

Сайрам некоторое время стоял ошарашенный. Трудно было, наверное, все это переварить. Но чуть позже он воскликнул:

– Что?! П-почему я так популярен?! Это даже странно! Неужели только потому, что я хорошо учусь? Или из-за успехов в спорте?

– И что тебя смущает (смазливый парень)? – спросила я, стоя в стороне и скрестив руки на груди.

– Сайрам, скажи наконец, кого ты любишь? Меня или Виньетту?! – крикнула Рэки, указывая на него пальцем.

Черт, Сайрам такой дурак. Упускает шанс охмурить двоих прекрасных девчонок. Хорошо, что он мне не нравится, а то было бы троих.

– ...И когда я скажу «люблю», то будет значить, что мы встречаемся, так?...

– Да, так. Выбирай уже быстрее, мне надоело на эту Санта-Барбару смотреть, – устало сказала я. Хотя мне немножечко нравилось наблюдать за его стараниями. Две девушки поставили такого прямолинейного и сообразительного парня в тупик, да так, что он не может до конца решиться, что ответить.

– Послушайте! Я, между прочим, мечтаю стать художником. Для меня это важнее всяких отношений! – заявил он. – Даже если вы будете встречаться со мной, мне будет лень ходить на свидания, и вообще я отнесусь к нашим отношениям легкомысленно!

Минуту они молчали.

– Ага, ничего страшного. Я люблю целеустремленных людей, так что я тебя только поддержу, – сказала Рэки. – А свидания не так важны, мы все равно много времени проводим вместе.

– Просто забудь о картинах, – произнесла Виньетта.

«Что говорить, ответ Виньетты более адекватный», – подумала я.

– Если ты продолжишь заниматься ерундой, то потом сильно об этом пожалеешь, – обосновала староста.

Она всегда была серьезна в своих намерениях. Предельно серьезна.

Но Сайрам не растерялся:

– Уж лучше я буду сожалеть о том, что сделал, чем о том, что даже не попытался достичь своей мечты. До того как я начал рисовать, дни просто шли чередом, один за другим, серой полосой. Но сейчас я всем доволен и живу в полную силу. Я словно нашел свое призвание.

Виньетта вскочила со своего места. Поправила юбку. Она явно не ожидала услышать такого ответа, противоречащего ее собственному мнению.

– До свидания. Мне нужно делать домашнее задание. Сайрам, ты будешь жалеть об этом всю жизнь... Совершенно точно, – добавила она в конце.

– Ну... тогда просто посмейся надо мной, – сказал он.

– Я не смогу даже улыбнуться.

Она поспешила в коридор, задев меня плечом. Мне показалось, что ее глаза блестят.

– Так, вы теперь встречаетесь? – спросила я Рэки и Сайрама.

– Похоже на то, – ответила Рэки.

И как так получилось-то, вроде бы ничего к этому не вело. Либо я намеренно игнорировала все признаки их увлеченности друг другом и сближения, списывая все на крепкую дружбу. Странно себя чувствую. Они теперь встречаются. Теперь Рэки и Сайрам ближе, чем друзья. А кто же для них буду я? Все ли теперь будет так же? Не изменятся ли наши общие дружеские отношения? Проверить это можно только с течением времени.

– Рэки, не боишься, что твои отношения с Сайрамом теперь изменятся до неузнаваемости?

– Нет. Отныне он мой па-арень, – протянула она, приобняв его за плечо.

– Рука! – воскликнул Сайрам после того, как Рэки его обхватила.

– Прости-прости, – и она резко отпрыгнула от него в сторону, подняв руки, боясь причинить ему еще больше боли.

Я подошла ближе.

– Смотри, если обидишь ее, то я тебе врежу, – пригрозила я и занесла над ним кулак.

– Тихо, тихо, тихо. Да один твой удар как три мужских, – запаниковал Сайрам, прикрываясь большой рукой.

– Конечно, я же не шучу.

Все засмеялись. Я помолчала мгновение, переводя дыхание. Опустила руку обратно.

– Знаете... я надеюсь, вы не ошиблись в своем выборе друг друга как партнеров.

Мне в одно мгновение стало неловко. Не оставят ли они меня в стороне в один момент, увлекшись своей любовью? Обернувшись, я быстро вышла из дома, обувшись, оставив их обоих в глубокой задумчивости.

* * *

Во дворе дома на другой стороне стояла черная машина, каждый раз увозившая Рэки домой после школы. И как я только не заметила ее в первый раз, да к тому же как только Рэки уговорила водителя приехать сюда? Не наругает ли ее отец, узнав, что Рэки задержалась после школы? Виньетты уже нигде не было. Я подошла ближе к придомовой детской площадке и глубоко вздохнула. Хотелось громко крикнуть во все горло.

– Эй, что случилось?

Это была она. Рэки. Выбежала за мной из подъезда.

– Это трудно, – я помедлила. – Но я хочу, чтобы все оставалось как прежде. Однако не уверена, что так будет.

Я хотела было еще что-то сказать, но промолчала.

– Это ты из-за того, что я теперь встречаюсь с Сайрамом?

Я кивнула.

– Присядем? – Рэки рукой указала на широкие разноцветные качели.

Кач. Кач. Кач.

– Знаешь, Леоне, мне тоже страшно. Это наши первые отношения. Мой своенравный и непостоянный характер... Как это обернется? Полюбит ли он меня такую, какая я есть?

– Ты его вправду любишь?

– Люблю.

– А как давно?

– С первой секунды!

– А почему ты его полюбила?

– Он красивый. И всегда был добр ко мне, даже когда мы не ладили.

Кач. Кач. Кач.

– Не оставляйте меня одну. Вы теперь больше чем друзья и, считаю, будете намного ближе друг к другу.

– Леоне! Как ты подумать о таком могла? Мы тебя не бросим. Никогда. Я не допущу этого. Сайрам-то ладно, дурашка, не поймет этого, но мы же с тобой дружим с самой первой встречи. И навек останемся подругами!

– Оу, Рэки, – в уголках моих глаз появились слезы. Рукой я легко их смахнула. Подул легкий ветер. Качели начали противно скрипеть.

– А как ты смогла уговорить водителя привезти тебя не домой, а сюда?

– Деньги решают все. Пришлось пару дней экономить и не есть пиццу после школы, – будто хвастаясь, сказала она. – А еще я слезно умоляла.

– Ясно. В этом вся ты. Как-то нечестно, что мы оставили Сайрама одного.

– Ну и пусть.

– Он же твой парень! – возмутилась я.

– Ну и ладно.

– Рэки.

– Что?

– Кажется, я забыла сумку у него дома.

– Ничего. Ведь я оставила там свою обувь.

Кач. Кач. Кач.

Дом чудес

– Это вам, – сказала Рэки, протягивая разноцветные бумажки мне и Сайраму.

– Что это? – удивились мы.

– Приглашение. Приглашение на праздник. У меня ведь скоро день рождения. Надеюсь, вы не забыли?

– Конечно, нет, – ответила я, разве такое забудешь, – просто раньше ты нас не приглашала на свой день рождения. Никогда.

– Да, вот мы и удивились, – дополнил Сайрам.

– Отец все-таки после долгих ссор, уговоров и срыва его делового собрания, согласился пригласить вас ко мне домой. Ну разве не здорово? – хихикнула она.

– Постой, ты сорвала собрание отца? – поинтересовался Сайрам, замедляя шаг.

– Не перебивай. Этот день рождения особенный. Мне уже будет целых шестнадцать лет. Почему бы и не побаловать себя?

– А мне вот интересно, ты живешь в коттедже или в замке? – спросила я в шутку. Я вообще без понятия, где она живет, но говорят, отец-то у нее богатый.

– М-м, что-то среднее. Увидите. А пока никаких спойлеров! – широко улыбаясь, произнесла Рэки. – И еще. В моем доме ни слова о том, что мы с Сайрамом встречаемся! Мой отец очень предвзято относится к парням-подросткам. Так что на один день ты просто мой друг.

– Но как же так? Вдруг я захочу тебя от всей души обнять в тот день или жениться на тебе в будущем. Я буду бояться твоего папу, – промямлив последнюю фразу, сказал он.

– В смысле «вдруг»? – крикнула Рэки. – Уж если надумал жениться, то иди до конца.

– Молчу.

– Как же легко тебя заткнуть, – пошутила я.

Уже вечерело, и Рэки засобиравшись домой. Я поняла, что это конец нашей незабываемой прогулки. Она всегда уходила раньше. Не хотела перечить отцу и была дома к ужину. Покопавшись немного в своем «бездонном рюкзаке», Рэки достала конфету. Она попрощалась с нами и, можно сказать, «убежала в закат».

Я посмотрела на приглашение. Вот он, заветный адрес! Мы так долго хотели его узнать, и вот – написан на этом сиреневом клочке бумаги. Наконец-то узнаю, где она живет. Так волнительно. Нам с Сайрамом уже очень давно хотелось выяснить, где ж она проживает. Помнится, даже пытались выследить ее после школы.

Я пришла домой и бухнулась на кровать. 14 августа... День рождения Рэки... И что же мне ей подарить? Нужно что-то оригинальное, я и сама не люблю банальные подарки. Что-то, что ей понравится...

Но как тут понять, что нужно богатой девчонке? Интересно, а насколько богатой? Если у нее много средств, значит, она ни в чем не нуждается. Но если так рассуждать, то получается, что ей ничего не нужно!

Хм-м-м, ну, лучше подарю ей какую-нибудь книгу интересную. Например, про историю России. Чтобы больше не задавала таких углубленных вопросов в тему и без на уроках...

Рэки совсем недавно (лишь в начале года) рассказала нам двоим, что ее отец Викентий руководит довольно крупной компанией. Из этого и еще из того, что я про него слышала раньше, можно сделать вывод, что у них много денег. Мне тоже иногда хочется пожить, как богатая леди. Жить ни в чем не нуждаясь, иметь слуг, роботов-слуг, большой роскошный дом и свою комнату обустроить так, чтобы каждый, кто туда зашел, обомлел от такой красоты и изыска интерьера.

К сожалению, есть и обратная сторона. Теперь-то я понимаю. Думаете, почему Рэки так долго молчала и скрывала свой достаток? Ну, во-первых, она сама не любит это афишировать,

выставляя напоказ. А во-вторых, Рэки хотела настоящих друзей, настоящего парня, которые не стали бы смотреть на ее богатства, а просто приняли Рэки как личность.

Теперь я понимаю, почему сегодня она так неожиданно сказала:

– Я так рада, что вы со мной дружите. Ценю вашу искреннюю дружбу.

Она хотела сказать, что благодарна нам за общение...

Вечером перед праздником я договорилась с Сайрамом по телефону встретиться у меня во дворе. Закажем такси и поедем вместе по адресу, написанному в приглашении. Так удобнее, чем петлять между домами на неизвестной нам улице. Наконец мы узнаем тайну дома Рэки.

* * *

– Ого-о, – воскликнул Сайрам, увидев меня, выходящую из дома.

– Что? – спросила я.

– Кажется, в первый раз вижу тебя в розовом.

– Мы ж все-таки на праздник идем, да и я в джинсах. Только футболка розовая.

– Это что, рюши? – он протянул руку, чтобы потрогать, но я по ней ударила.

– Отстань. Мог бы и сам попримечнее одеться. Садись в машину.

Мы сели в беспилотное такси на заднее сидение. Я ввела адрес. Ехали примерно двадцать пять минут. Машина остановилась возле больших узорчатых ворот, которые с первого взгляда произвели на меня огромное впечатление.

– Вот это да! – удивился Сайрам, буквально прилипнув к окну. – Если забор такой красивый, то какой там дом?

– Офигенно, – ворота были будто вырезаны из лепестков и листьев, отдавая золотом, поблескивая в лучах солнца.

Я быстро расплатилась своей картой, и мы вышли.

Да, этот забор и вправду был искусно сделан. Даже не хочу думать о цене такого красивого декора. Моя комната меньше стоит, наверное.

– Впустите меня, впустите! – крикнул Сайрам, подергав за ворота.

– Ради бога, веди себя прилично. Тут вроде живут интеллигентные люди, – упрекнула я.

– Да я же пошутил!

– Странно, почему никто нас не встречает? У них что, прислуги нет?

– Без понятия. Давай подождем немного.

После его фразы ворота сами собой дрогнули и распахнулись. Мы в испуге отстранились. Где же люди? Как непонятно...

Еще немного подождав, ну и потому, что Сайрам надоел мне своими расспросами, мы прошествовали вперед по расчищенной дорожке. Она была выложена терракотовой плиткой, темной, словно кровь. Кованые фонари, сделанные в утонченном готическом стиле, висели на нижних ветвях кленов. Дорожка понемногу забиралась на горку. Миновав небольшой садик, деревянную беседку, пару десятков молоденьких деревьев (вишен, возможно) и маленький прудик с работающим фонтаном, дорожка вывела нас к трехэтажному дому, кремовому, с большими панорамными окнами на первом этаже и солнечными батареями на крыше.

Мы подошли к самой входной двери.

– Ну и куда дальше? – спросил Сайрам?

А я-то откуда знаю? Ведь была здесь в первый раз, так же как и он, и ничегошеньки не знала. Может, такси ошиблось адресом, и мы оказались непонятно где? Но даже если мы в правильном месте, мне было чертовски неловко. Чувство, будто я все сделала неправильно. Но почему?

– Внутрь. Зайдем внутрь.

Так как Сайрам был храбрейшим из нас двоих и так как он проиграл в великую игру «камень-ножницы-бумага», ему и было поручено открыть входную дверь. Он лениво и неловко потянулся к ней, но дверь внезапно сама открылась в сантиметре от его руки. Яркий свет окутал

нас. Но через пару секунд наши глаза привыкли, и можно было разглядеть светло освещенный холл.

– Добро пожаловать, – приветствовала миловидная женщина в черном платье.

Все вокруг так блистало и искрилось. Я не могла смотреть прямо и глядела себе под ноги. Огромный ковер сиреневого цвета, выложенный сложнейшим узором, простирался от самого входа и закрывал каменную лестницу, ведущую на второй этаж здания. С каждой стороны лестницы росла высокая грациозная пальма в горшочке.

– Всем привет! – это была виновница торжества.

Рэки спускалась по лестнице навстречу нам. Ее черное прекрасное платье, подходящее под цвет волос, было чуть выше колен, но зато такое пушистое.

– Богиня, – заявили я и Сайрам в один голос, смотря на ее развевающееся платье и яркую улыбку.

Рэки и правда была очень красива в этом наряде, но что по-настоящему потрясающе, так это красота ее дома. Если только холл и двор с воротами настолько прекрасны, то что же насчет всего дома, в котором аж три этажа?

– Я, конечно, представлял себе, что ты богата... но чтоб настолько, – удивленно сказал Сайрам.

Да мы и помыслить не могли насколько! Разве дружа с Рэки и видя ее каждый день, я раньше могла представить, что ее дом настолько шикарный!

– Пройдемте. Я вам все тут покажу, устрою экскурсию, так сказать. Основные гости придут приблизительно через час, – произнесла Рэки.

Мы ничего не ответили, были настолько поражены происходящим.

– Все-таки нужно было одеться поприличнее, – сказал Сайрам, глядя на свои потертые джинсы и простую футболку, которую, по всей видимости, надевал уже в третий раз.

– Надеюсь, у меня найдется костюм для тебя. Пойдемте.

Но не успели мы даже выйти из холла, как к нам навстречу, преграждая путь, выехал мужчина. Мужчина в инвалидном кресле. Ему было на вид около сорока пяти лет. Я взглянула на его профиль, словно силуэт, выступавший на фоне яркого освещения дома. Довольно красивое лицо – пусть и не молодое, но элегантное, с правильными чертами. Волнистые каштановые волосы зачесаны назад и падают завитками на лицо. Во всем его облике чувствовалась утонченность. Карие глаза с уже заметными морщинками вокруг. Темно-синяя рубашка, рукава которой были слегка подвернуты. В общем говоря, довольно привлекательный для своих лет человек.

– Папочка, это мои друзья. Помнишь, я тебе о них говорила?

Так это был Викентий. Тот самый вечно занятой отец Рэки. Ни разу еще его не видела вживую. Так вот он какой. Интересно, что у него с ногами?

Сайрам тоже смотрел на него не отрывая взгляда. Иногда я могу понять, о чем он думает. Скорее всего, в данный момент он хочет сделать набросок с отца Рэки. Вот такой он – Сайрам. Детально прорисовывает людей в своей голове, а потом переносит на бумагу.

– Я хочу показать им весь наш дом, папа!

– Ох, они уже здесь. Я даже не успел надеть свой экзоскелет! – воскликнул он. – Если хочешь успеть за час показать им ВСЬ наш дом, то поторопись. А я пока поищу твою маму.

– Думаю, она на кухне, – предположила Рэки.

– Опять готовит? Как же она любит это дело. Сколько раз ей говорил, что для этого у нас есть роботы!

Продолжая ворчать, Викентий уехал в другой конец коридора.

– У вас всю еду готовят роботы? – спросил Сайрам.

– Конечно. Но иногда моя мама любит тоже что-нибудь постряпать. У нее это получается вкуснее всех на свете, – вздохнув, пояснила Рэки.

– Но а как же прислуга? – на этот раз *мне* стало интересно послушать про уклад жизни в этом доме.

– У нас ее почти что нет. Разве что открывает дверь и встречает гостей Алекса, та милая девушка у входа, – Рэки показала на нее пальцем. Та самая миловидная женщина в черном, что с нами поздоровалась.

– А кто же открыл нам ворота?

– Мы заметили вас по камерам и открыли. Ну, пойдёмте. Пойдёмте быстрее, пока гости не пришли, – сказала Рэки.

Мы сразу поднялись на второй этаж по лестнице. Здесь потолок был не настолько высоким, а коридор выглядел более мрачным.

– А как же первый этаж? – поинтересовался Сайрам.

– Там нет ничего такого. Только кухня и банкетный зал. Его вы увидите позже, когда начнем трапезу. А, ну еще на первом этаже спортзал и тренажерный зал. Говорю же, ничего интересного.

– Может, мне бы и было интересно, – пробубнил Сайрам. – Для тебя-то это все уже обыденность.

– Помолчи и проходи в эту комнату, – направила Рэки.

Мы вошли в довольно тесную комнатку. Все пространство занимали огромные шкафы и зеркало. Гардероб. Но такой большой!

– Постойте здесь, – скомандовала Рэки.

Она открыла один из шкафов и стала перебирать висящую там одежду. Среди множества пиджаков и рубашек Рэки достала сиреневую рубашку, галстук и брюки. Протянула Сайраму, взглядом словно говоря: «Надень!». Его синие потертые штаны смотрелись, мягко говоря, не очень.

– Но она розовая! – возмутился Сайрам

– Она сиреневая! – крикнули мы с Рэки в один голос.

– А почему ты не попросишь Леоне тоже сменить штаны?

– Меня все устраивает. Не хочу переодеваться.

– Ее джинсы выглядят намного приличнее твоих, – сказала Рэки.

– Ладно, надену. Только отвернитесь.

– Ой, какие мы нежные! Можем вообще выйти. Пошли, Леоне.

Пару минут мы простояли в коридоре. Рэки рассказала мне о своей семье. О своей мексиканской бабушке Эрнестине и дедушке Антонио, которые сейчас живут в Калифорнии. О тетушке Фэйрис, что является родной сестрой ее мамы. Также поведала о доставучей двоюродной сестре, которая в свои девять лет уже выпросила у родителей кошку, канарейку, кролика и огромного пса.

– Они все очень милые. Они тебе понравятся, – попутно к своему рассказу добавляла Рэки.

Мы подождали еще немного. Сайрам все не выходил.

– Он что, там уснул, что ли? – злобно спросила Рэки.

– Не хочешь подглядеть? – неожиданно для себя спросила я.

– Ты что, серьезно?

– Абсолютно.

Хоть мы и стояли почти у двери, но пару шагов преодолели на цыпочках. Смеясь и шикая друг на друга, идя цепочкой, Рэки решила потихоньку толкнуть дверь. Но, к нашему удивлению, Сайрам стоял прямо возле дверного прохода и смотрел на нас, скрестив руки на груди.

– Я все слышал, – произнес он.

– Это была шутка. Просто шутка, – говорила я, скрываясь за спиной Рэки.

– Ну, раз ты оделся, то пойдём дальше, – позвала Рэки, переводя тему.

– Классно выглядишь, – шепнула я ему, проходя мимо. Он и вправду мило смотрелся в этом костюме. Весь такой галантный. Костюм придавал ему еще большую красоту.

Комната, в которую нас привела Рэки, была окрашена в темно-шоколадный цвет. Мои ноги утопали в роскошном ковре, точно я стояла по щиколотку во мху. Взгляд привлекли большие картины, развешанные по стенам. К слову, в этой комнате были одни лишь картины.

– Неужели... это что, Рафаэль? – поинтересовался Сайрам, указав на одно из полотен, висевших прямо перед ним.

– О, как я погляжу, ты разбираешься, – начала Рэки. – Да, это Рафаэль, точнее один из его шедевров. Мой папа на аукционе довольно дорого за него заплатил. Один итальянец никак не хотел сдаваться, но все-таки он проиграл моему отцу. Как всегда на аукционе – победил более «толстый кошелек». Хотя, кто так сейчас говорит, все деньги заменены одной картой...

– А это, должно быть, Рубенс.

– Ты опять угадал. Здесь в основном только старые мастера. Но пойдете дальше.

Она отвела нас буквально в соседнюю комнату. Тут тоже были картины. Но в отличие от первой комнаты здесь была мебель. Это помещение было немного живее. Да и стены не такого темного мрачного цвета.

– А это современная живопись. Ну и также бильярдный зал. Мебель здесь весьма необычная, наверное, даже уникальная. Она сделана из черного дерева. Почему-то на картинах в большинстве случаев изображены пейзажи. Современные художники что, больше ничего рисовать не умеют? Эх, даже как-то жаль завешивать картинами все эти стены резного дуба, правда? Взгляните на тех красочных коров на поле. Кажется, что они действительно сейчас в этой комнате. Словно живые.

– Они прекрасны, – сказала я.

Сайрам ничего не ответил. Видно, был поражен таким количеством картин.

– Но это все пустяки, – заметила Рэки. – Вот в музее гораздо интереснее.

Она провела нас в следующую комнату, обставленную в античном стиле и всю увешанную богатейшими коврами, висящими на стенах. Мы прошли по мраморному полу. Он был очень скользким! Я каждую секунду боялась упасть и что-нибудь сломать. Сломать свои кости или экспонаты музея. Мебели в комнате было немного, лишь вдоль стен стояли шкафчики. Они были из черного дерева и украшены серебряными узорами. Да, мне кажется, это настоящее серебро. Эта комната была всего-навсего собранием изящных безделушек, таких как: медальоны, редкие монеты, пара книг и костей разных животных.

– Самое интересное здесь – драгоценные камни. Но папа всегда держит их на запоре, чтобы не дай бог кто-то не украл, – последнюю фразу Рэки произнесла с явным сарказмом.

Мы подошли к шкафчику со стеклянной панелью. У меня невольно вырвался крик изумления и восторга. Там и вправду лежали великолепнейшие драгоценные камни. Красные как пламя рубины, зеленые изумруды, переливающиеся бриллианты, фиолетовые аметисты, тигровый глаз, опалы, жемчуг, агаты, ониксы. Казалось, они легко переливались многоцветными огнями.

– Бриллианты у нас не особо велики. Их не было на рынке. Но, в общем, довольно хороши, – заметила Рэки. – Вам нравятся?

– Боже ты мой! Ведь один камешек стоит целое состояние! – вырвалось у меня.

– Такая великолепная коллекция! – сказал Сайрам, прислонившись к стеклу.

– Посмотрите, вот славный рубин. Его папа выкупил на каких-то островах, не помню. Это четвертый по величине из всех существующих в мире. Без шлифовки он был бы вторым по величине, но, конечно, шлифовка сильно уменьшает размеры камня.

Рэки говорила это с таким энтузиазмом. Наверное, это отец поведывал ей историю каждой вещи, а Рэки было очень интересно разузнать про них побольше, как и мне сейчас, поэтому она внимательно слушала и запоминала.

– Пойдемте дальше, – предложила она, выходя в коридор. – Та-ак, в курительную я не захожу, когда мама дома.

Мы с Сайрамом переглянулись.

– А тут у нас библиотека. Идеальное место для тех, кто любит почитать. Но жаль, что я не из таких.

Мельком заглянув в библиотеку и увидев несчетное количество стеллажей с книгами, как в мультике «Красавица и Чудовище», я ахнула. Не стала надолго останавливаться, ибо Рэки вела нас на третий этаж по широкой лестнице.

– Эй, давайте быстрее, – крикнула Рэки.

– Лестница... мой заклятый враг, – сказал Сайрам, держась за перила, находясь уже почти на самом верху. Он устал вышагивать по такой длинной лестнице с несчетным количеством ступенек.

Я хихикнула. А еще называет себя спортсменом.

Комната, в которой мы теперь очутились, совершенно ошеломленные всем виденным до этого я и Сайрам, оказалась, может быть, не столь богатой, но еще более роскошно обставленной, чем те, которые мы успели посетить. По пышному восточному ковру алого цвета в обдуманном беспорядке были разбросаны козетки, обитые светлым плюшем. Тут также стояли мягкие кушетки, диваны – удобная мебель на любой вкус. Одна из стен была стеклянной, за ней был виден сад с клумбами. Из-за такой необычной стены в комнату попадало много света. В дальнем конце комнаты находился двойной ряд стенов со множеством разных непонятных штук (вроде как необычные новейшие изобретения). Камин был украшен мозаикой ярко-желтого цвета и сейчас не работал.

– Это гостиная. Осмотр достопримечательностей, говорят, самое утомительное занятие на свете, – проговорила Рэки, разлегшись на козетке. – Садитесь на диван. Он сделан в Турции. Турки отлично понимают, что такое комфорт. Все здесь больше обустроено по вкусу отца, чем в остальных комнатах. Он самолично давал советы архитектору и дизайнеру.

Но я не спешила садиться. Сайрам тоже. Все здесь было для нас необычно и увлекательно. Он подошел к столику, на котором помимо разных журналов стояла мисочка с леденцами и печеньем. И, думая, что Рэки не видит, схватил несколько.

– Эй! Мы скоро сядем за стол. Ты прям как воришка, – обернулась в его сторону Рэки.

– Почему «как»? Он и есть...

– Но они же здесь не просто так поставлены, – оправдывался Сайрам.

– Да, но уж точно не для тебя.

Что-то ненадолго привлекло внимание Сайрама, и он положил обратно печенье, что не успел съесть.

– Это что, те кроссовки? – спросил он, указывая на стенд с изобретениями.

– Не прям уж те, что у Кая. Но да. Кроссовки, увеличивающие скорость бега. Правда, уже устаревшая модель. Но все еще актуальны.

– А это?

– Да, да. Голограммный телевизор. 3D-картинка выглядит лучше, чем изображение на плоских телевизорах, определенно.

– А как он работает? – поинтересовалась я.

– Просто выбираешь канал, и механизм транслирует голограмму.

– Вот это выглядит довольно обычно, – сказал Сайрам.

– Устройство для слепых, – пояснила Рэки. – Выглядит как перчатки с датчиками на пальцах, но с помощью тактильных вибраций помогает слепым лучше представлять объект и исследовать окружающий мир.

– Вот это да.

– А зачем вам все эти изобретения дома? – спросила я.

– Некоторыми мы пользуемся. Например, телевизором и роботами. А некоторые просто хранятся дома как экспонаты ради эстетического удовольствия, как кроссовки или устройство для слепых.

Все равно не очень понятно...

– Что это за пристройка? – поинтересовался Сайрам, глядя через стеклянную стену наружу.

– А, просто гараж. Там в основном громоздкие изобретения: электромобиль, автомобиль на солнечной энергии и мой велосипед.

– Я думал, что автомобили с солнечными батареями довольно медлительные. Зачем он вам? – спросил Сайрам.

– Ты в прошлом десятилетии живешь? – ехидно спросила Рэки. – На нем тоже можно нормально кататься.

Следующая комната был кабинетом отца Рэки, обставленным лично по его вкусу. Если мы ожидали увидеть новое зрелище богатства и роскоши, то были разочарованы, ибо очутились в просторной, но почти пустой комнате, где находилась лишь широкая двуспальная кровать, несколько расставленных деревянных стульев, шкаф, старый ковер и большой стол, заваленный книгами и папками документов, бумагами и всяким хламом, какой обычно скапливается на столе делового и не очень аккуратного человека.

– Тут так скромно, – заметила я.

– Да. Это единственная комната во всем громадном доме, где папа чувствует себя комфортно. Здесь ему уютно. Здесь он может почитать в тишине и покое, перебрать документы. Всякая роскошь порой бывает противна.

– Вот как. Я никак не предположила бы...

Она села в кресло за высокий стол, пародируя отца.

– А свою комнату ты нам покажешь? – обратился к Рэки Сайрам.

– Вот еще! Моя комната – мой личный уголок. Не хочу показывать ее кому попало! Да и к тому же там папин подарок. Вдруг ты его сломаешь.

– В смысле «кому попало»? – спросил он. – Не ты ли представляла нас своему отцу как своих друзей?

– В любом случае уже поздно. Пора спускаться в столовую, – сказала Рэки, вставая из-за стола, немножко покрутившись в кресле.

Она явно сказала это, чтобы закончить разговор. Но разве уже прошел целый час? Не верится. Она отвела нас в угол коридора, окрашенный в бордовый цвет, хотя остальной коридор был темнее.

– Это лифт, – пояснила Рэки, нажимая кнопку. – Он вмонтирован в стену, и, если бы не иная окраска, вы бы не заметили, где он находится. Сейчас быстро спустимся. Заходите.

– Но если у вас есть лифт, то зачем нужны лестницы? – поинтересовалась я.

– Для красоты.

Думаю, она и сама не знала, для чего так сделано. Она заставила нас подниматься по лестнице, вот же ж!.. Я почувствовала легкий толчок и вот, не сходя с места, уже оказалась на первом этаже. Мы очутились в большой белой комнате с высоким потолком. Там, возле прямоугольного длинного стола, стояла пожилая пара.

– Бабушка Эрнестина, дедушка Антонио! – воскликнула Рэки, кинувшись в их объятия. – Так давно не виделись. Как там в солнечной Калифорнии?

Та, которую Рэки назвала бабушкой Эрнестиной, смотрела на меня и Сайрама поверх плеча Рэки своими голубыми глазами. Некогда темно-черные волосы были собраны в узел, одна прядь растрепалась и торчала в сторону. На ней были надеты длинная темно-синяя юбка и белая блузка. В глазах сверкнул холод.

Дедушка ее же был довольно обычным. Разве что слегка полноватым и низким.

– Познакомьтесь, это мои лучшие друзья. Леоне и Сайрам, – сказала Рэки, отступая в сторону и указывая рукой.

– Здравьете, – выдал из себя Сайрам.

– Очень приятно, – пробубнил ее дедушка. Он протянул Сайраму чуть вздрагивающую руку. Тот осторожно пожал ее, сухую и горячую.

– Ну, а где же ЭТИ? Опаздывают, видимо. Вся их большая семейка... У нас-то с Антонио кроме Викентия и тебя, дорогуша, никого нет.

– Не беспокойся, бабушка Эрнестиная. Мамина семья скоро тоже подъедет. Просто вы пришли чуть раньше, – объяснила Рэки.

– Твои друзья, какой у них достаток? – шепотом спросила Эрнестиная.

– Весьма небольшой, – спокойно ответила Рэки.

Она фыркнула, услышав такой ответ. Хм, не удивительно. Сама, наверное, тоже живет в большом доме в своей Америке. Если честно, то мне Эрнестиная не нравится. Резкие черты смуглого лица веяли страстью и силой, выдавая ее властный нрав. Может, родственники Рэки со стороны ее мамы будут поприветливее?

– Мы принесли тебе подарок, – произнесла бабушка.

Она показала Рэки коробочку, перевязанную золотистой лентой. Рэки развязала ленточку, сорвала хрустящую обертку и открыла маленькую красную коробочку. Она достала с ватной подстилки серебрянный браслет с выгравированным именем владельца, возрастом, датой рождения.

– Он просто чудесен!

– Давай-ка я его тебе надену, – предложил Сайрам.

Он долго ковырялся со сложной застежкой, но все-таки сумел застегнуть браслет на руке.

– Это, случаем, не твой молодой человек? – поинтересовалась Эрнестиная.

– Нет... мы еще... не встречаемся.

Почему она сказала слово «еще»? Все-таки она была права. Она не сказала отцу, что встречается с Сайрамом. На этот день он просто ее друг. Возможно, в будущем она скажет ему, ну а пока пусть будет лучше так.

Дверь столовой распахнулась, и на пороге появилась невысокая плотная женщина.

– Баба Лита! – вскричала Рэки и бросилась в ее распростертые объятия. Они тепло обнимались. Женщина поцеловала лицо Рэки. Затем она отстранилась, говоря:

– Дай же мне на тебя взглянуть. Какая большая выросла. О, ты просто великолепна в этом платье. Настоящая принцесса.

На вид ей было лет шестьдесят. Ее фигура слегка расплылась в талии, но по-прежнему ее нельзя было назвать грузной женщиной. Округлые загорелые руки были обнажены до плеч. На ней была простая сорочка с бело-голубым узором. Несколько минут она оживленно болтала с Рэки, не обращая внимания на нас и на Эрнестиную с Антонио. Наконец Рэки спросила:

– А где все остальные?

– Сейчас выйдут из машины. Просто я такая нетерпеливая. Хотела увидеть мою крошку Рэки.

В столовую вошли еще люди. Человека четыре.

– А вот и мы! – крикнула молодая женщина.

– Тетушка Фейрис! Как я рада. Дядя Карим, добро пожаловать.

– А это кто такие? – спросила маленькая беловолосая девочка с каре лет десяти, глядя на нас.

– Это мои друзья. Папа наконец-то разрешил мне их пригласить. Они будут обедать с нами, так что смиришься, Эля, – наклонившись, сказала Рэки.

Девчушка поджала губы и промолчала. Она окинула меня с ног до головы оценивающим взглядом, заставив немного съежиться. Даже от взгляда Эрнестины мне не было так неловко.

Они принялись одаривать ее подарками, которые Рэки с интересом разглядывала. А вот наши подарки она велела в начале «экскурсии» отдать Алексе.

– Дорогая, – обратилась Эрнестина к Рэки, – сколько можно так стоять? Лучше расскажи-ка, что у нас сегодня в меню? Мы умираем с голоду!

– Садитесь, конечно же. Скатерть уже на столе, сейчас позову маму, и начнем празднество.

Пока все усаживались, Рэки куда-то убежала. Я села рядом с Сайрамом, не хотелось разделяться, иначе сидеть между двумя малознакомыми людьми было бы крайне неловко. Место возле меня слева было свободно. Надеюсь, здесь сядет Рэки. Хотя, скорей всего, она будет сидеть рядом с родителями во главе стола.

– Эй, семья, – отозвался Викентий.

Он вошел в столовую. Именно вошел. Так вот он какой, его хваленый экзоскелет. С ним ему никакое инвалидное кресло не нужно. Он крепился к его талии, опоясывая ноги снизу, и с легкостью позволял ему ходить на своих двоих. Железная установка поддерживала его ноги, таз. Плечи и талию охватывали ремни.

– Мам, пап, рад вас видеть. Александр, давно не виделись, – Викентий пожал руку отцу своей жены. – Лита, Фейрис, вы, как всегда прекрасны. Эля, уже такая же большая, как и моя дочь. Карим, для тебя у меня есть лучшее вино. Ну а где же сейчас Витторий?

– Проходит военную подготовку, – ответила Фейрис. – Можно пока начать без него.

– Витторий все такой же ужасно милый, – подала голос бабушка Лита. – Он настоящий джентльмен.

– Хей, вот и еда.

Это была мама Рэки. Ее ни с кем не перепутаешь. Она была очень похожа на свою дочь, точнее Рэки на нее. Эти темные волосы, глаза. Прекрасная женщина, такая молодая и элегантная. Даже в простой домашней одежде она выглядела блестяще. Помню, как видела ее очень давно, когда мы с Рэки только познакомились, сидя в очереди к школьному психологу. Ее звали Ютта, как я позже узнала. С огромной тарелкой в руках, она присоединилась к нам за праздничным столом.

Роботы-официанты подавали на стол изысканные кушанья. Разного рода морепродукты, большие узорчатые пироги. Все уже уселись за стол. Рэки сидела между своими родителями. Не осталось того, кто бы стоял. Эта теплая семейная атмосфера была прекрасной. Все говорили друг с другом о чем-то своем. Рэки беседовала с отцом, Эрнестина как самая старшая из женщин упрекала маленькую Элю. Иногда мы переглядывались с Сайрамом и улыбались друг другу. Но еда интересовала нас больше. Такое разнообразие вкусов!

Едя праздничный торт и запивая кофе, мы почти не заметили, как в столовую вошел молодой парень лет двадцати с коротко стриженными темными волосами. При виде такого пиршества он удивленно остановился, затем сказал, обращаясь к имениннице:

– Здравствуй, Рэки. Признаться, не ожидал, что твои родители устроят *такой* пир на весь мир.

– А вот и ты, – воскликнула Фейрис.

Он пересек комнату и обнял Рэки.

– Сядь туда. Там место свободно, – указывая на стул возле меня, сказала Рэки. Потом она посмотрела на меня и сказала:

– Это Витторий. Мой двоюродный брат и родной брат Эли. Братец, хочу познакомить тебя с моими друзьями. Их зовут Сайрам и Леоне.

Взглянув на меня густо-синими глазами, он вежливо улыбнулся и проговорил спокойным тоном:

– Рад знакомству.

Его темные волосы и высокий рост напомнили мне Сайрама. Только немного старше. На лице проступала легкая бородка. Он показался мне таким любезным, но вспомнив, что пялиться на людей невежливо, я отвернулась. Витторий это заметил и усмехнулся, отпивая свой кофе. Боже, как мне стыдно сидеть рядом с ним! Сама не пойму почему.

– Ах, Витторий, не ездил ли ты сегодня в Европу? – обратилась к нему Рэки.

– Да, Рэки, – мягким голосом ответил он. – И кое-что оттуда для тебя привез.

– Рэки, дорогая, некрасиво вот так кричать через весь стол, – возмутилась Эрнестина.

Но Витторий жестом руки велел ей помолчать.

– Не могла бы ты передать по очереди этот подарок? – обратился он ко мне.

Дрожащей рукой я взяла у него коробку и передала Сайраму. Сайрам передал тете Фейрис. Она передала маме Рэки, а та и самой имениннице.

– Ух ты, набор красок. Так мило с твоей стороны, – обратилась она к Витторию.

– Рэки, не думаешь ли ты, что тринадцать человек за столом – это несчастливое число? – непонятно с чего вдруг спросила Эрнестина. Рэки не ответила. Видно, залюбовалась подарком.

Роботы продолжали приносить еду. Мы все еще сидели за столом. Витторий иногда болтал со мной. Сайрам недовольно поглядывал на нас, словно завидуя, что я разговариваю с кем-то, а он нет (что, я его характер не знаю? Точно завидует). Маленькие роботы-холодильники подавали нам напитки, открывая свои дверцы и предлагая прохладительный напиток, а также бокалы с неизвестным содержимым.

Витторий взял два бокала и любезно протянул один мне.

– Мм, вино? – спросила я, уже отпив.

– Ой, это мой, – спокойно, но с усмешкой сказал он. – Ты ведь еще не окончила школу?

– Последний год остался, – честно ответила я.

Он обменял наши стаканы и выпил из уже отпитого мной.

– Непрямой поцелуй, – сказал Витторий.

Я вся зарделась. Он что, типа подкатывает ко мне? Я раньше никогда такого от парней не слышала, они обращались ко мне как к равной, считали меня одной из своих, из мальчишек.

– Эй ты. Хочешь синяк под глазом? – выпалил Сайрам, выглядывая из-за моей спины и обращаясь к Витторию.

– Ну и кто же мне его поставит? – спокойно, как всегда, спросил он.

– Она, – указывая на меня, произнес Сайрам. – Между прочим, Леоне карате занимается. А всяким приставучим парням она дает не только от ворот поворот, но еще и по лицу.

Витторий улыбнулся и ответил:

– Мне нравятся опасные девушки.

Торт давным-давно был съеден, а мы все сидели и сидели за столом. Мне казалось, что эта трапеза не кончится никогда. После столь насыщенного событиями дня я хотела уже прийти домой и завалиться спать. Но разговор все продолжался и продолжался.

– Работать сейчас так трудно. Все эти чертежи, батареи, аккумуляторы в последнее время стоят так дорого... Просто ужасно! – жаловался Викентий.

– Папочка, а знаешь, раз уж ты заговорил о своей работе, Леоне ведь разбирается в физике. Она лучшая в классе по этому предмету, – заметила Рэки.

– Вот оно что! – Викентий поднял брови. – Никак не предполагал. Склонность к точным наукам – это большой дар.

Рэки, зачем ты обратила на меня его внимание. Да и не только он, теперь все люди за столом направили на меня свои взгляды и смотрят с интересом.

– Да, я, конечно, не очень большой знаток, но в свое время планирую связать работу с физикой и изобретениями, – смущенно подтвердила я.

– Очень, очень рад это слышать, – ответил ее отец. – Это может иметь для нас чрезвычайно важное значение. Нашей компании нужны хорошие сотрудники, и трудолюбивые тоже.

– Как, вы говорили, называется ваша компания? – спросила я.

– Да я и не говорил еще. Называется «Satelight».

– Не может быть. У меня там дедушка работает! – воскликнула я.

– Мда, мир тесен. Ну, так почему бы тебе не пойти по его стопам? – Викентий откинулся на спинку стула, словно что-то обдумывая, а потом обратился к Рэки:

– Почему бы тебе не пойти с друзьями в свою комнату? Покажешь им мой подарок?

– Хорошо. Идемте.

– Я пошлю позже к вам робота с напитками, – крикнула мама своей дочери.

Рэки встала из-за стола. Сайрам тоже, встала и я. Но для начала я предложила Витторию салфетку.

– Что это? – спросил он.

– Здесь написан мой аккаунт в интернете. Напиши мне как-нибудь. Было приятно поболтать, – прошептала я и повернулась, чтобы уйти. Он схватил меня за руку, я обернулась. Витторий произнес шепотом:

– Мне нравятся опасные девушки, и умные тоже.

Эрнестина смотрела на нас. И отец Рэки тоже. Все смотрели на нас. И я почувствовала, как мое лицо заливают краска. Я выхватила руку и побежала за Рэки, попутно оглянувшись. Но никто уже больше не смотрел мне вслед.

Мы поднялись по лестнице на третий этаж. Лучше бы на лифте. После всего съеденного подниматься по лестнице стало ну очень тяжело.

С тех пор как мы стали из-за стола, лицо Сайрама было таким... злым. Злым и расстроенным. И почему я это заметила? Наверное, потому что он шел рядом со мной и пыхтел от злости. Хотя, возможно, это все лестница. Я старалась разгадать причину такого выражения лица. Может, вредная Эрнестина его чем-то обидела, или ему не понравилось скрывать свою любовь к Рэки от всей ее семьи, или он просто что-то съел и теперь живот болит?

Ну вот, опять я задумалась о чем-то не том. Прямо как когда Сайрам и Рэки ссорятся. Мне просто лень выслушивать их ругань, поэтому я погружаюсь в свои мысли.

Подняться на третий этаж еще полдела. Комната Рэки находилась в самом конце коридора, где было не так много освещения. Мы уже приближались к комнате, но...

– Подождите, – я и Рэки, остановившись, обернулись назад.

– Ну, чего еще? Мы почти пришли, – возмутилась Рэки, спрашивая Сайрама.

– Леоне, тебе и вправду нравится этот самолюбивый петух? – выпалил он, будто давно держа в голове эту мысль.

– О ком это ты?

– О Виттории, конечно же, я говорю о нем. Ты хочешь с ним встречаться? – спросил он, размахивая руками.

– Вообще-то ты говоришь о брате Рэки, так что выбирай выражения. Про «встречаться» я ничего не говорила. И вообще, я ни с кем встречаться не хочу.

– Да? Я видел, как ты ему глазки строишь.

– Что?! – воскликнула я. – Да мы просто мило болтали.

– Перестаньте! – крикнула Рэки, вставая между нами.

– Ты меня типа ревнуешь? – спросила я.

– Может быть, и так.

– Для этого у тебя есть Рэки.

– Ты не понимаешь, Леоне, он тебя недостоин.

– Может, я сама буду решать, кто меня достоин, а кто нет! Ты меня раньше не ревновал.

– А ты раньше так не общалась с парнями!

«Как же ты меня раздражаешь!» – хотелось бы мне крикнуть, но я не могу. Эти слова крутятся только в голове и вряд ли вырвутся наружу. Сайрам будто меня совсем не слушает. Только и гнет свою линию.

– Что на вас нашло? Прекратите ссориться, или я вам вмажу! – воскликнула Рэки.

Сайрама это только раззадорило:

– Нет, я ей все выскажу.

– Да что на тебя нашло? – спросила я.

– А то ты не понимаешь. Я вижу этого парня насквозь.

– И что же ты видишь?

– Хватит кричать на весь коридор! – взмолилась Рэки.

– Вижу, что он самодовольный, самовлюбленный увалень, любящий приударить за девушкой младше себя. Почему тебе не противно? Мне противно!

– Я совсем другого мнения о нем. И мне было приятно с ним общаться.

– Хватит, пойдете ко мне в комнату. Вон, уже и робот с напитками подъехал, – Рэки все еще пыталась нас разнять, указывая на маленького робота-холодильника квадратной формы с закругленными краями, похожего на мини-бар.

– Да подожди ты со своими напитками! Дай с этим дураком разобраться. Разве тебе не все равно, что он оскорбляет твоего брата? – спросила я.

– Это я-то дурак? Ну все! Запрещаю тебе с ним общаться. Больше даже не подходи к нему!

– Ты мне что, отец, чтобы запрещать?

– Запрещаю! Запрещаю! – кричал он не останавливаясь и, видя, что его провокации не очень на меня действуют, со злости наотмашь пнул что-то ногой.

В этом дальнем конце коридора было так мало света, поэтому мы сразу и не разглядели, что же такое он ударил. Сайрам постепенно остывал. Похоже, выместил всю злость на этом маленьком металлическом предмете. Как я поняла, что он из метала? По характерному звуку, конечно же. Мне стало так интересно, что это за вещь, что я сразу остыла, забыла обо всем и даже приказала:

– Рэки, подай мне ту лампу.

Она повиновалась. Я медленно поднесла лампу к этой штуковине и увидела... того самого робота. Мы все втроем, пригнувшись, сверху вниз пялились на бедного робота, валяющегося на полу. Он издал какой-то неестественный механический писк и замолк. Кажется, Сайрам начал осознавать, что же он натворил, и тихо прошептал:

– Я убил этого робота...

Почему-то мне стало не по себе от этих слов. В голове судорожно созрел хоть какой-нибудь план действий. Рэки взвизгнула и прижалась к моему плечу.

– Что теперь будет? – прошептал Сайрам.

– Думаю, меня не накажут... меня теперь просто убьют, – произнесла Рэки.

Я закусила ноготь. Нервничать сейчас так не вовремя. Я понимала ужас Сайрама, ведь это именно он разбил робота. Также я понимала страх Рэки, ведь именно ей и никому другому придется довольно долго выслушивать ругань и нравоучения. А она ведь просто хотела пригласить нас в гости. В первый раз. Но все вот так плохо обернулось.

В этот момент я подумала, что единственная из нас троих, кто сейчас нормально соображает – была Я. Поэтому решила взять командование на себя. Но мне так не хотелось... Хочется просто уйти или куда-то спрятаться, ведь это не мои проблемы. Да только как я брошу друзей.

– Слушайте внимательно! Во-первых, встаньте с пола. Дальше, Рэки, нужны инструменты. Любые, главное побольше. Нам нужно во что бы то ни стало починить этого робота, хотя... я не имею ни малейшего понятия как. Наверняка он тяжелый. Сайрам, оттащи его куда-нибудь, чтобы никто не видел.

– Но куда?

– Да хоть в комнату Рэки.

К моему удивлению, они быстро сориентировались. Рэки открыла дверь своей комнаты и руками показывала, куда Сайраму нужно положить робота. Только бы никто не видел. Только бы никто не видел! И уже через пару минут мы с Рэки шли по коридору третьего этажа на поиски инструментов. Подсознательно она не хотела оставлять меня наедине с Сайрамом. Боялась, что мы опять взорвемся. Во всей этой суматохе я даже толком не успела разглядеть ее комнату. Но вроде бы это просторная девчачья комната (в полном понимании слова девчачья, вся такая розовая, красивая). Ничего, сейчас быстренько найдем инструменты, вернемся, и я смогу разглядеть ее комнату.

– Я думаю, кое-какие инструменты должны быть в кабинете, – сказала Рэки, когда мы уже ушли далеко от ее комнаты.

– Окей, давай посмотрим. Может, я смогу что-нибудь сделать с этой штуковиной.

– Леоне, а хорошо, что все взрослые сейчас внизу.

– Ага, просто отлично.

– А еще хорошо, что твой дедушка показывал тебе разные схемы и приспособления. Давай быстрее его починим!

– Угу.

И мы ринулись быстрым шагом к двери.

– И почему мы не взяли с собой Сайрама? – поинтересовалась Рэки, заглядывая под стол.

– Чтобы он еще чего-нибудь не сломал, – с ехидством произнесла я.

– Он никогда раньше себя так не вел при мне, – продолжала Рэки, обшаривая шкаф в комнате отца.

«Зато при мне – вел», – подумала я.

– Сама удивляюсь, – сказала я. – Вот теперь пусть сидит там один и думает над своим поведением! А сломанный им робот составит ему компанию.

Мы сгребли все свои находки в одну кучу. Их оказалось более чем предостаточно. Здесь были самые разные приборы и инструменты, о значении которых я даже не догадывалась. Конечно, некоторые я видела в учебнике по физике, но большинство для меня – загадка.

– В первый раз вижу такие странные штуковины, – перебирая их, сказала я.

– Ничего. На месте разберемся. Потащили!

Кое-как взвалив все на руки, мы потащили их по коридору.

– Да, здесь бы помощь Сайрама не помешала, – сказала Рэки. – Тяже-ело!

Дотащив все это до комнаты, мы рухнули на кровать без сил. Сайрам сидел в кресле Рэки, обняв колени руками. Ее кровать была большой, с розовым пушистым одеялом, и стояла с правой стороны комнаты. Напротив находился стол с горкой тетрадок. Такое же огромное стеклянное окно, как в гостиной с персиковыми шторами. Шкаф до самого потолка. Стены бледно-бледно-желтые. Как будто кто-то немножко капнул желтого в белую краску. Вот теперь я получше рассмотрела ее комнату. И она была довольно обычной, но величественной, по сравнению с тем же кабинетом ее отца.

– Вы уже тут, – подняв голову, произнес он.

– Да. Мне нужно где-то зафиксировать этого робота.

– У меня на столе, – предложила Рэки.

Пока Сайрам ковырялся с роботом, пытаюсь его поместить на стол, я разглядывала инструменты, с которыми мне предстояло работать.

– Как много непонятных вещей, – сказала я.

– Тебе знакомо что-нибудь? – спросила Рэки.

– Ну, во-первых, паяльник... охладитель, бионическая рука... и блокиратор. А, и магнитный проводник, – указывая рукой, сказала я.

– Хорошо, хоть что-то.

Робот уже был на столе. Спасибо Сайраму. Я вытащила все напитки изнутри. Теперь, к сожалению, они остынут. Для начала нужно оценить масштаб работы. Вдруг все обойдется, и нужно будет поработать лишь одним инструментом. Но все оказалось серьезнее, чем я думала. На корпусе зияла огромная вмятина. Сайрам довольно сильно по нему вдарил. Не жалел силы, молодец. Но это только наружные повреждения. Если бы у робота были мозги, он бы их вышиб. Внутри треснула маленькая лампа, а также нужно было подлатать микросхему. Вроде бы все понятно, но довольно сложно в исполнении...

– Рэки, мне нужна такая же лампа, а также покажи, где шутовина, выправляющая вмятины.

Я отдала ей лампочку, показывая, Рэки взяла ее у меня из рук. Она села на корточки и начала рассматривать приспособления.

– Вот это, наверное, – сказала Рэки, указывая на круглую, как колесо, вещь.

– Сейчас сбегая за лампочкой, – продолжала она.

– Теперь я пойду с тобой, – заявил Сайрам.

Избегает меня, что ли. Но мы с Рэки были не против.

Пока они ходили туда-сюда, я пыталась припаять микросхему. Ну, я делаю это не в первый раз, и у меня это хорошо получалось, спасибо дедушке. Кое-как я разобралась с этим странным колесом. Я поместила его ровно по площади вмятины. Немного покрутила в разные стороны. Сейчас я похожа на какого-то ученого, который чинит сломанный аппарат. Так захватываясь, чувствую себя юным инженером. Заметила странные кнопки по бокам. И зачем они нужны? Нажму первую. Оу, выпрямляется, отлично! А вторая зачем? Так, это не то... третья кнопка. Она начала увеличивать скорость! Отлично, со всем почти справилась. Нужна только лампочка. Надеюсь, они сейчас вернутся. С их ухода прошло уже минут десять.

– А вот и мы, – Рэки вошла в комнату вместе с Сайрамом. Я заметила, что они держатся за руки. Не знаю, что между ними произошло, но надеюсь, у них все хорошо.

– Вот лампа, держи, – Рэки протянула мне ее в руки.

– Спасибо. Я почти закончила, – призналась я. – Но мне нужна ваша помощь.

– Вау, ты устранила эту ужасную вмятину. Великолепно! – воскликнул Сайрам. Ему ли не радоваться. Сам же ее сделал.

Я вкрутила лампочку, но она не загорелась. Рэки это заметила и сказала мне. Я ответила, что так и нужно, ведь я преднамеренно еще не доделала работу. Сейчас исправим. Этот отсек находился в таком неудобном положении, поэтому я попросила Сайрама помочь мне. Он держал этого тяжеленного робота на весу. Пусть помучается за свою работу, не будет в следующий раз вещи портить и пусть научится держать свой гнев в себе. Я попросила Рэки следить за лампой, пока я ковыряюсь внутри.

– Давайте быстрее, он тяжеленный, – взмолился Сайрам.

Я приступила к работе. Пока ничего не получалось.

– Рэки, скажи мне, как работает, – дергая провода, сказала я.

– Хорошо.

– Горит?

– Нет.

– А так?

– Нет.

– Черт. А так?!

– Есть! – крикнула Рэки.

– Слава богу. Опускай, Сайрам.

Он бережно поставил робота на пол.

– Надо его как-нибудь включить.

Я обошла робота со всех сторон. Кнопок, как и во время ремонта, я не заметила. Тогда я заглянула вниз. Ура, там была пара кнопочек. Понажимав их вразнобой и подождав несколько минут, мы добились результата. Робот все-таки заработал, протяжно пискнув.

– Наконец-то, – вздохнула я, усевшись на кровать. Все усилия были не напрасны. После такой утомительной работы хочется пить. А, да, все напитки же остыли. Поэтому мы поместили их обратно внутрь его холодильничка.

– Почему вы держались за руки, войдя сюда? – спросила я, сидя на кровати. – Раньше я не видела, чтобы вы брались за руки.

– А я считаю, что это новый шаг в наших отношениях, – ответил Сайрам.

– На самом деле мы говорили, какой он придурок. И чуть не разругались опять, – пояснила Рэки.

– Хочешь опять поссориться?

– Не хочу. В общем, у нас все хорошо. Сайрам осознал, что он идиот.

– Конечно же, я идиот. Но если что, ты меня остановишь! – сказал он. – Леоне, прости меня, пожалуйста. Твои отношения с парнями – это твое дело. Я осознал ошибку.

– Ну, или это я помогла осознать, – сказала Рэки.

Мне было так приятно, что Сайрам извиняется за свои поступки. Хотя я и люблю его прямолинейность, искренним он редко бывает.

– Я понимаю, – начала я, – может, мне просто завидно, что двое моих друзей встречаются, а я еще нет. Ну, разве что чуть-чуть завидно, – я показала большим и указательным пальцами жест. – Вы стали ближе друг к другу, когда начали встречаться. Почему мне тоже не могут быть интересны мальчики? Хотя Витторий не настолько уж сильно мне понравился. Он просто приятный человек.

– Это ничего, – садясь на кровать, произнес Сайрам. – Мне порой тоже бывает завидно. Ты и Рэки...

– Что это с нами не так? – спросила Рэки, надув губы.

– Ничего. Просто... вы вместе друг с другом намного дольше, с самого детства. Я присоединился к вам уже позже. Да и к тому же вы девчонки, и найти общий язык вам проще. Так что, возможно, мне тоже чуточку завидно.

– Ой, какой ты искренний сегодня! – ехидно улыбаясь, сказала я.

– Я тоже не прочь пооткровенничать, – сказала Рэки, присоединяясь к нам на кровати.

– Да? А у тебя-то что?

– С самого рождения я жила в богатой семье и с детства привыкла к роскоши. Но я не была избалованным ребенком, хоть я и единственная в семье. Мне хотелось нормальных друзей, которые дружат со мной не ради моего богатства. И я таких нашла. Это вы. Спасибо вам. Но вы из нормальных семей. И поэтому мне завидно. Завидно, что вы не учились все детство хорошим манерам, завидно, что у вас нет бабушки, с детства обучающей вас куче иностранных языков и желающей сделать из своей внучки настоящую леди (Эрнестина, блин). Мне нравится мой дом и все такое, но лучше бы детство я прожила как нормальный ребенок. Это все.

– Оу, идите все сюда.

Я протянула свои руки для объятий. Мы все дружно и долго обнимались на этой чудной мягкой кровати. Воспоминания всплывали в моей голове. Самые разные. Про нас троих, наши приключения. Я уже и не помню какие.

Оказывается, мы все трое ревновали друг друга в какой-то степени. Я думала, что Сайрам и Рэки близки из-за своих отношений, Сайрам думал, что мы с Рэки более близки как подруги. Ну а Рэки всегда хотела быть к нам ближе. Никогда еще не думала, что у нас могут возникнуть проблемы. Мне казалось, что мы всегда были в хороших отношениях друг с другом. Что между нами нет недопонимания и недомолвок. Но я рада, что мы все это вот так обсудили. Надеюсь, теперь мы будем еще ближе.

– Леоне, спасибо тебе огромное за работа, – сказала Рэки через какое-то время.

– Ой, да не за что. Считаю, что для меня это был большой опыт.

– Тогда я хочу, чтобы ты первая опробовала мой подарок.

Она повернулась ко мне спиной и залезла в свой большой шкаф. Шевеля бедрами туда-сюда, я увидела, как она вытаскивает оттуда коробку внушительных размеров.

– Кто угадает, что это такое? – спросила Рэки.

Мы с Сайрамом с удивлением глядели на непонятный прибор, который Рэки достала изнутри коробки. Похоже было, что он надевался на голову, а напоминал небольшой шлем. Передняя стенка была прозрачной. Возможно, Сайрам и догадался, что это, но я понятия не имею. По-моему, это очередная разработка ее отца. Что-то новомодное и современное.

– Боже, это то, о чем я думаю? – спросил он.

– Нейрогарнитура.

В ее глазах читалась радость, а на лице довольная усмешка. Видно, что она как бы хвастается, но и гордится своим подарком.

Что ж, объясню подробнее... Нейрогарнитура. Так называлось самое современное оборудование, которое было необходимо для того, чтобы попасть в трехмерную реальность. Это устройство совершенно не похоже на предыдущие. В отличие от старых моделей, предполагающих «плоские мониторы» или «ручные контроллеры», нейрогарнитура имела очень простой и рациональный интерфейс, покрывающий глаза человека целиком и полностью погружающий его в игру. Будто теряешь сознание ненадолго.

– Дай посмотреть поближе, – попросила я. – А инструкция есть?

Конечно же, инструкция была. И Рэки дала мне в руки это замысловатое устройство. Я отсоединила заднюю крышку. Внутри располагалась уйма проводов и электроники, и как я поняла из руководства по пользованию, с помощью выпускаемых прибором электромагнитных сигналов, гарнитура связывалась непосредственно с мозгом пользователя. Человек, находящийся в игре не видел и не слышал ничего из реального мира, на то оно и полное погружение. В самой игре пользователь чувствовал все через сигналы, посылаемые прямо в мозг. Также изобретение воздействовало не только на слух и зрение, но также на вкус, обоняние и осязание – иными словами, на все пять чувств человека. Просто потрясающе.

Нейрогарнитура не только посылала «фальшивые» сигналы от органов чувств, но равным образом блокировала, перенаправляла сигналы самого мозга к телу. Представьте, что сигналы от мозга поступали бы к телу, когда человек находится в игре. Каждый раз, когда пользователь начинал бы ходить, его реальное тело врезалось бы в стену.

– Итак, – начала Рэки, – полгода назад эта машина открыла дверь в трехмерную виртуальную реальность. Ее произвела компания моего отца и назвала процесс подключения – «Полным погружением».

У нас с Сайрамом не было слов. Это что-то удивительное. Прорыв в технологиях. Вот оно – будущее, оно уже наступило, и мы можем к нему прикоснуться.

– Леоне, надевай. Я обещала, что ты будешь первой.

– Хорошо. Но пусть Сайрам для начала прочитает инструкцию.

Я отдала ему эту бумажку. Рэки подошла ко мне с ехидной улыбкой и кое-что прошептала. По-видимому, она не хотела, чтобы Сайрам это знал. Но это такая важная информация! Как она может! Но Сайрам ничего не заметил, был погружен в текст инструкции. Я уселась поудобнее в кресло. Когда я натянула на глаза нейрогарнитуру с прозрачным, словно стеклянным, передом и произнесла команду к старту: «Начать погружение», все звуки тут же заглохли, и наступила темнота. Потом произошло нечто удивительное. Я пронеслась сквозь разноцветное кольцо – и вот оказалась в ином мире, в мире, полностью состоящем из данных. Но пока он не сильно отличался от реальности.

Поле. Прекрасное золотое поле. Недалеко на севере виднелся лес. На юге блестела озерная гладь, и у самого горизонта на востоке с трудом, но все же можно было разглядеть очертания маленького города и окружающей его стены. На западе же было лишь бескрайнее голубое небо, с плывущими по нему облаками. Удивительно, что в этой игре могут поместиться города, пара деревень, леса и луга, и даже озеро, видневшееся мне отсюда. Я посмотрела вниз и провела рукой по пшенице. Настоящая! Я чувствую ее, каждый колосок. Мне здесь так нравится! Ближе ко мне был тот лесок. Почему бы не пойти туда. Хочется как можно больше всего исследовать. А сколько у меня времени? А ну и ладно, лучше об этом не думать!

Я уже полностью окунулась в игру. Эффект этот захватил меня настолько сильно, что я была уверена: никогда больше не буду пользоваться старыми разработками. Надеюсь, Рэки разрешит мне приходить к ней, чтобы поиграть, и мне больше не придется ходить в интернет-кафе с убогим 3D-миром.

– Ну что, двинули?

Слушать меня было некому, но все же я произнесла эту фразу и медленно двинулась в путь. Шаг за шагом я продвигалась вперед. Волнение захлестнуло меня. Я сделала глубокий вдох, выдох и попыталась успокоить дыхание. «Телу» в игре кислород не требовался, но там, по ту сторону, в реальном мире мое бесчувственное распростертое тело сейчас наверняка тяжело дышит. Сердце колотится очень быстро. Конечно же. Даже если все, что я сейчас вижу перед собой – трехмерная виртуальная реальность, выглядит просто потрясающе.

Теперь я поняла. Эта явь лучше. Все в этом мире настоящее. Это не просто виртуальная реальность и не обман мозга.

Холодный порыв ветра пронесся по бескрайнему полю. Лес уже был передо мной. Нужно было только залезть на огромный валун. Почему-то во мне разыгрался азарт. Может, это потому, что я не в реале? Мне захотелось не просто залезть на него, а запрыгнуть. Я хорошенько уперлась ногами в землю, а после начала свой разбег. Прыжок. Пара секунд в воздухе и я уже на вершине. В норме такой прыжок был бы невозможен. Похоже, система помогла мне, включив заранее запрограммированные движения.

Бескрайнее небо начало отсвечивать красным в лучах заката. Уже вечер? Я шла вглубь леса, не имея цели. Здесь такой прекрасный запах. Приятный аромат леса. Свежий и острый. Рэки нашептала мне, как отключиться от игры, но мне еще этого не хотелось. Вечерело. Но вдалеке, среди стволов деревьев, виднелся проблеск. Ноги сами ринулись туда чуть быстрее. Но это был не выход из леса, а портал голубоватого цвета. Для чего он здесь? Куда ведет? Кто знает. Но останавливаться было поздно. Я шагнула внутрь, не зная, куда меня это заведет. Хотя, думаю, здесь нельзя умереть. Разноцветный дым окружил меня всего на секунд пять.

Я очутилась в каком-то непонятном светлом месте. Но если бы все было так радужно. Портал не просто перенес меня неизвестно куда, он буквально выбросил меня на землю. Если бы мое «тело» чувствовало боль, то это было бы очень больно. Я посмотрела наверх и увидела что-то. Там был другой портал розового цвета. Похоже, тамошний портал в лесу соединялся с этим розовым. Но это место не такое лесистое. Может, это уже конец чащи?

Стоп, это что, человек там? Что-то промелькнуло недалеко в кустах. Быстро поднявшись на ноги, я ринулась за ним. Это была женщина в старомодной крестьянской одежде с боль-

шой корзиной в руках. Она завернула на тропинку, а я, немного поддавшись вперед, побежала за ней. Кусты, кусты, кусты... и еще кусты. Где же она? Я остановилась, хотела отдышаться, но поняла, что я не задыхаюсь. Удивительно. Какой-то шум привлек мое внимание. Последовав по одной из тропинок, я наконец вышла к невысокой стене. Это был город. Тот самый город, который виднелся мне вдалеке. Значит, я телепортировалась к нему. Кажется, так. А эти люди в старых одеждах? Я подошла поближе к арке ворот.

– Здравствуйте, – произнесла я.

– Здравствуйте, – ответил мне молодой мужчина, прошедший мимо с ведром воды.

– Что это за город? – поинтересовалась я.

– Здравствуйте, – повторил тот мужчина.

Мне стало так неловко. Вдруг я что-то не поняла? Но, переборов стеснительность, спросила:

– Вы можете сказать мне, что это за место?

Они ничего не ответили. Все ясно. Это NPC. Неигровой персонаж, управляемый системой, а не человеком. Это были не игроки, а просто созданные для игры персонажи с запрограммированными фразами. Ну, может, это и к лучшему. Никто не помешает мне насладиться городом. Решительной походкой я направилась к жителям через арку, но меня встретила невидимая стена. Я ударила носом о что-то и инстинктивно схватилась за него. Опять забыла, что в этой реальности не чувствую боли. Немного подергала носом. И вправду ничего не чувствую. Но почему я не могу пройти сквозь арку? Как мне увидеть город? Я попробовала еще раз, но моя рука встретила невидимое препятствие.

Я села на землю и обхватила колени руками, наблюдая, как люди проходят мимо. Солнце уже закатилось, стало совсем темно. Тогда я поднялась и попробовала еще раз. Ничего не вышло. Ну что ж, выбора нет. Придется выйти из игры. Кто знает, сколько времени прошло снаружи. Интересно, чем там занимаются Сайрам и Рэки.

Сделав шаг назад, я провела рукой сверху вниз. Этим движением вызвалось окно главного меню. До меня тотчас донеслось «динь!», и передо мной появился фиолетовый, парящий в воздухе прямоугольник. Он располагался вертикально. В верхней его части находилась уйма кнопок, в левой – силуэт, показывающий игрока. В самой нижней части меню была кнопка «ВЫХОД», с помощью которой можно было покинуть этот мир.

– Прощай, прекрасная реальность.

Но никто меня не услышал, опять. Только неразумные NPC. Я нажала кнопку, и первое, что помню, когда очнулась – комната Рэки.

– А вот и ты. Будешь колу? – спросила она.

Они оба сидели на кровати, мило болтали и пили по банке газировки.

– Ох, я вернулась к реальной жизни. Там все такое яркое, а тут... все такое скучное. Хочу обратно, – пробубнила я, снимая нейрогарнитуру и протягивая ее Сайраму.

Мы поменялись с ним местами. Теперь он сидел в кресле, а я на кровати рядом с Рэки. Не успели мы с ней оглянуться, как он уже вошел в игру, сидел будто без сознания.

– И это я так распростерто со стороны выглядела? – спросила я.

– Угу.

– Ты сказала ему, как выйти?

– Неа, пусть сам догадается. Это ему за моего робота, – ответила Рэки. Она потянулась к роботу, открыла его дверцу и протянула мне холодную банку газировки.

– Но там же наступила ночь, – возразила я.

– Ха-ха, тем и лучше. Но если не появится через час, то мы его как-нибудь вытащим.

– А меня как долго не было?

– Около сорока минут.

Мы еще немного поболтали. На самые интересные темы.

– Но однако... вот смотрела я, смотрела вокруг – и никак не могла поверить, что все это «внутри игры».

– Ну, вообще-то, даже если ты говоришь «внутри», это же не означает, что туда затянуло твою душу или типа того. Мозг просто видит и слышит без участия глаз и ушей то, что им передает нейрогарнитура, – сказала она, пожав плечами.

– Ты, может, и привыкла уже, а для меня это первое Полное погружение! Это обалденно, да?

– Да... здорово, что я родилась в этом десятилетии! – воскликнула она.

– Ты преувеличиваешь.

Но после этих слов я рассмеялась – я была с ней полностью согласна. Мы и вправду заболтались, да так, что не заметили, как Сайрам отключился от системы.

– Вы меня там кинули, – это были его первые слова, он произнес их с порывом, снимая нейрогарнитуру.

– О чем это ты? – спросила Рэки.

– Не прикидывайся, – начал он, вставая. – Ты специально мне ничего не сказала про выход. Я бродил по этому миру целую кучу времени, а потом встретил диких животных.

– Не обвиняй меня просто так.

Ну началось. Опять они грызутся, скука. Я вспомнила лес. Тот запах. Это было неописуемо. Как реальность, но я-то понимала, что это игра. А тот город. Его непрерывная суэта, шум. И почему я не смогла попасть туда? Внутри он, конечно же, интереснее, чем снаружи. Надо спросить Рэки.

– Эй, Рэки, а почему я не смогла попасть внутрь города?

– Ты хотя бы до города дошла! – крикнул Сайрам.

– Ну, скорей всего, я к нему телепортировалась, – проговорила я.

– Боже, да вы издеваетесь! – выкрикнул он и уселся в кресло, скрестив руки на груди. – Меня чуть не сожрал волк!

– А... вы про город. Ну, слушайте, – начала Рэки. – Эта игра у меня совсем недавно. И знаете, она разработана так, что Главному игроку можно самому придумать реальность и мир внутри. Я – Главный игрок, а вас зарегистрировала, как сторонних, поэтому вы могли только перемещаться и осматривать все вокруг. Вот смотрите, я создала этот мир, этот лес, город, даже озеро. Что-то создала более подробно, для чего-то не хватило времени. Этот город я создала только внешне. Внутренне мне не хватило времени. Конечно же, я хотела бы, чтобы вы увидели город во всей красе...

– Обязательно увижу. Если ты разрешишь мне в дальнейшем еще поиграть, – попросила я.

Рэки широко улыбнулась. Это означало согласие. Разумеется, она мне разрешит. Мы же подруги! А вот разрешит ли она Сайраму, это уже вопрос. Но он же ее парень. Так что, думаю, да. Но мне-то уж точно. У меня богатая фантазия, и я точно помогу отстроить ей тот город. Хм, можно ли играть в эту игру вдвоем? Было бы так круто! И даже втроем!

– Эй, вы чего расслабились! – крикнула Рэки, вскакивая с кровати. – Уже поздно.

– Ты нас выгоняешь? – спросил Сайрам.

– Возможно... То есть я хочу сказать, что скоро закат, а с нашей крыши он просто потрясающе смотрится. Но нам еще нужно убрать все приборы обратно, пока взрослые не обнаружили пропажу.

– М-м-м... а может, не надо? – пробубнил Сайрам.

– Надо. Бери.

Я сунула ему в руки паяльник.

* * *

– А вот отсюда вам откроется прекрасный вид.

После долгого подъема по лестнице мы наконец-то дошли до двери, которую Рэки и распахнула.

– Почему мы здесь одни? Не хочешь позвать сюда родственников? – спросил Сайрам.

– Да ну, обойдутся. Были они уже тут и много раз, – ответила Рэки.

– Какая же ты «добрая».

– Ну же, Леоне, расслабься. Сайрам уже наслаждается.

Я мельком глянула в его сторону. Он оперся на перила и смотрел куда-то вдаль с высоты. Обдало ветерком.

Я подошла поближе к краю. Довольно высоко, метров десять. Высоты я не боюсь, так что мне было комфортно. Меня заворожил этот вид. Красивый сад Рэки был словно на ладони. Все эти прекрасные деревья и газон идеально зеленого цвета. Вот бы мне такой сад, но как жаль, что я не богачка. Для нас с Сайрамом было непривычно: все это богатство, эти устои...

Когда после этой теплой атмосферы великолепного дома я вновь приду к себе домой, в эту маленькую двухкомнатную квартиру, то меня охватит такое чувство, словно я надолго уезжала в дальние края. Сегодня я получила так много впечатлений, что кажется, будто время ускорило свой ход. Будто прошло уже пару дней с момента, когда Рэки встречала нас на лестнице своего дома. Голова шла кругом. Я словно одурманена этим богатством, колоссальным безмерным домом их семьи. Как мала и даже убога показалась мне квартира в центре города...

Внизу, кроме деревьев, еще что-то было. Оно шевелилось. Это родные Рэки. Но они какие-то... чересчур веселые.

– Эй, что они там делают? – воскликнул Сайрам.

И действительно, ее предки развлекались от души. Один из ее дедушек залез в гольф-кар, завел его (кто только дал ему ключи?) и лихо наворачивал круги по саду. Бабушка Эрнестина, эта смуглая и вредная женщина, вмиг стала заботливой и проявляла эмпатию. Она только и делала, что бегала за едущей машиной и кричала: «Дорогой, осторожнее, дорогой, она же на бензине! Он взрывоопасен!» Похоже, она не воспринимала старые вещи и даже, можно сказать, их ненавидела потому, что этот гольф-кар был старого производства и работал на опасном (по мнению Эрнестины) воспламеняющемся бензине, а не на солнечной энергии или электроэнергии. Я улыбнулась. Какая же Эрнестина смешная.

– Тук-тук-тук, простите за вторжение.

В проеме двери, ведущей на крышу, стоял Витторий. Он был, как всегда, расслаблен и выкуривал сигарету. В душе я обрадовалась, как только его увидела, ведь была не против еще с ним поболтать.

– Что ты тут делаешь, братец?

– То же, что и вы, пришел любоваться закатом, – ответил он.

Витторий подошел к Рэки и протянул ей уже зажженную новую сигарету. Она без колебаний приняла ее и сделала затяжку. Блин, а я даже и не представляла, что она курит. По лицу Сайрама я поняла, что он тоже изумился и даже возмутился. Значит, и ему Рэки ничего не сказала.

– Рэки, милая, скажи мне, пожалуйста, что они без никотина! – воскликнул он.

– Да нет, обычные сигареты, – глянув на зажженную никотиновую палочку, произнесла она. – А что, ты тоже хочешь?

– Нет, ты еще спрашиваешь! – начал Сайрам. – Ты совсем не заботишься о своем здоровье. Это все он тебя подговаривает? – указывая на Витторию, спросил он.

– Нет, ты что, я сама так хочу. По сути, Витторий просто мой спонсор сигарет. Леоне, скажи ему, что это нормально, – умоляюще посмотрев, проговорила Рэки и тут же смахнула сигаретный пепел.

– Ну, мне кажется, Сайрам больше прав, чем нет. А твои родители знают?

– Это наш общий секрет, – ответил за нее Витторий. – Но теперь – это и ваш секрет тоже.

– Сайрам, обещай, что им не скажешь, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Я обязательно брошу! – Рэки устремила на него молящий взгляд.

– Я... я подумаю.

Рэки бросилась к нему в объятия и хотела поцеловать, но сдержалась. Видно, не хочет при брате. Но, похоже, ее брат все-таки заметил что-то.

– Это твой парень? – спросил Витторий, уже выкуривая вторую сигарету.

– С чего ты взял?! – возмущаясь и краснея, крикнула Рэки.

– Мне Леоне сказала.

Рэки устремила на меня злобный взгляд. Но как так, ведь я точно помню, что ничего ему не говорила! Мы около минуты обменивались с ней взорами. Она – гневным, я – непонимающим.

Витторий не выдержал и засмеялся:

– Вот ты и спалилась, Рэки. По твоей реакции все сразу было ясно.

– Вот нас и раскрыли, – сказал Сайрам.

Он еще долго смеялся, пока Рэки его колотила. Вот бы мне такого смешного и понимающего брата, сразу видно, насколько они дружны.

– Прости, что втянул тебя в это, – проговорил Витторий, положив мне руку на голову.

– Н-ничего, – взволнованно, ответила я.

– Я не скажу родителям, что вы встречаетесь, если сохраните тайну Рэки. Око за око.

Мы с Сайрамом кивнули. Он тоже кивнул в ответ. Теперь, когда мы не сидим за столом, я смогла полностью его рассмотреть. Худое тело, длинные ноги, высокий рост. Выше меня на голову, около 190 сантиметров. Черноволосый, как Рэки, но потемнее, голубоглазый, в отличие от серых глаз своей сестры.

– Вот, смотрите, уже начинается, – сказала Рэки.

И вправду небо на западе окрасилось в теплые оттенки красного, оранжевого и желтого. Все мы переместились на западную часть дома, схватившись за поручни, и приготовились наслаждаться видом. С этой стороны дома на газоне находилась семья Виттория. Сайрам так сурово смотрел на Виттория, что ему пришлось встать сбоку, прямо рядом со мной, подальше от этого психа. Отсюда закат и правда смотрится прекрасно. Небо все больше наливалось красным, и мне показалось, что где-то я уже видела такое красивое небо.

– Рэки, это небо такое прекрасное, но... кажется, я его уже где-то видела.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Ты права. Этот закат, именно этот, я представила в своей виртуальной игре. И как, точно у меня получилось?

– Определенно так же.

Действительно, солнце и небо то же, что в игре. Но это небо, безусловно, красивее, родней и ближе. С близкими мне людьми и близкой мне реальностью. Вот бы этот день никогда не кончался.

Ветер стал холодней. Мама Виттория кричала, чтобы он слез с крыши. Я на верхушке дома в прекрасной обстановке, с прекрасными мне людьми...

О былых временах

– Надеюсь увидеть вас снова и как можно скорее, – сказала Ютта.

– Тогда, может, на Новый год, мама? – спросила Рэкки.

Она стояла перед нами, такая хорошенькая в этом платье, по-мальчишески уверенная в себе, именинница. Позже вся ее семья собралась во дворе, провожая нас из вежливости. Мы с Сайрамом уже были готовы уйти в любой момент, но приходилось ждать такси, которое нам вызвал Викентий.

– Да, в Новый год вполне подойдет, – ответила мама Рэкки.

– Отлично, затусим так еще раз, – сказала я.

– Ха-ха, да, и Сайрама снова разыграем, – прошептала Рэкки.

Я кивнула. Обожаю быть с ней на одной волне. Хоть это и может плохо кончиться для кого-то из окружающих. Но на то мы и подруги, чтобы очень хорошо понимать друг друга (даже с полуслова).

– Боже, представляю, как же будет отпадно выглядеть дом в новогоднюю ночь, – проговорила я, обращаясь то ли к Рэкки, то ли ко всем.

– Молодым девушкам не следует *так* говорить, – сказала Эрнестина.

– Как это *так*? – вмешался Сайрам, хотя до этого стоял молча.

– Ну, вульгарно, что ли, – описав ладонью в воздухе, ответила она.

– Она просто выражает свои эмоции, вот и все, – продолжал Сайрам.

– Можно их выражать и по-другому!

– Вам-то откуда знать?

Обстановка поспешно накалялась. Все с замиранием следили, что же будет дальше. И никто не пытался остановить их. Кто кого переубедит и чье слово будет последним? Эта маленькая словесная перепалка так бы и продолжалась, если бы Рэкки не вмешалась и не встала между ними.

– Прекратите, пожалуйста. Чего это вы устроили?

Сайрам отошел на пару шагов назад и перестал смотреть в сторону Эрнестины. Эрнестина же еще где-то полминуты неотрывно глядела на него.

– Эля, попрощайся с гостями, – сказала тетушка Фейрис, чтобы немного разрядить обстановку.

Девочка сначала немного заупрямилась, а потом проговорила:

– До свидания.

– Пока, Эля, – наклонившись к ней, произнесла я. Эту неугомонную девчушку я еще долго буду помнить.

Сайрам издали помахал ей рукой.

Рэкки подошла к нему, и они о чем-то шептались. До меня долетали только обрывки и диалога:

– Ты чего так?

– Ничего. Уже все в порядке...

.....

– Одежда нужна?

– Нет, можешь потом вернуть...

.....

– Такси сейчас приедет.

– Знаю.

Машина снаружи издала два протяжных гудка. Должно быть, это то такси. Уже так скоро. Мне и вправду не хотелось расставаться с этим местом. Чувство такое странное, словно отрываешь от сердца что-то родное.

Я кинулась обнимать Рэки со словами:

– Прощай, именинница!

Она поддержала и обняла в ответ. Я протянула руку Сайраму, для него тоже место осталось. Он нехотя посмотрел на нас, а потом подошел ближе, раскрыв руки для объятий. Мы с Рэки притянули его к себе, каждая за отдельную руку. Сайрам сделал пару неуверенных шагов вперед и будто упал в наши объятия. Мы крепко прижали друг друга и не отпускали. Так продолжалось около минуты, пока я не шепнула:

– Если поцелуетесь сейчас, то никто и не заметит.

Они оба отстранились в стороны с криками:

– Фу.

Вот, блин. Даже пошутить не удалось, я думала, они засмеются. Однако они так смешно среагировали. Еще не целовались, что ли? Тогда вдвойне смешней.

Машина прогудела еще раз. Теперь точно времени больше нет. Как хочется продлить этот вечер подольше. Но уже поздно, стемнело.

– Пойдем, парень, – увлекая за собой Сайрама, сказала я.

– Да иду я, только отпусти мое плечо.

– Все, прощайте, – крикнула я, но его так и не отпустила.

Я еще раз всем помахала, они помахали в ответ. Потом мы сели в машину: я справа, Сайрам слева. Ворота дома закрылись, и мы потихоньку поехали. Но я еще некоторое время наблюдала за домом из заднего окна машины. У них просто чудесный дом. Теперь, когда я вышла из него, то меня охватило такое странное ощущение, будто я ненадолго улетала в дальние страны. Все это богатство вскружило мне голову.

– Может, сядешь нормально, вперед ногами? – спросил Сайрам.

Я словно забыла, что нахожусь в такси.

– Я буду скучать по этому дому, – сказала я, поворачиваясь на месте как нужно и пристегиваясь.

– А я по своей одежде. У меня в кармане жвачка осталась.

Я откинулась в кресло, посильнее прижавшись спиной к сиденью.

– Вот теперь ты опять нормальный.

– В смысле?

– Не пойму я тебя. То ты смешной и веселый аж до жути, а потом в тот же момент чересчур серьезный, даже грубый. Вот что с тобой не так?

Он посмотрел на меня с минуту своими черными удивленными глазами. Похоже, хотел о чем-то спросить, но не находил слов.

– О чем это ты? – вдруг выдал он.

– У тебя переменчивая натура, – начала я, делая свой тон немного жестче, – порой ты всех смешишь и разыгрываешь так, что люди падают от смеха, бываешь душой компании. Но также ты можешь быть очень мрачным, аж опасно каким резким, что сам не замечаешь этого.

– Все равно не понимаю, – сказал он.

– Мне не понравилось сегодняшнее твое поведение.

– Не веди себя, как моя мама.

Эта фраза меня очень задела, но я не подала виду. Только скрестила руки и продолжила дальше более требовательным голосом:

– Тогда объясни свои действия!

– Чего это я должен с тобой откровенничать? Я же не твоя подружка, как Рэки.

– То, что я больше говорю с Рэки о своих чувствах, не значит, что я не могу поговорить и с тобой. Ты тоже мой друг.

– Вы, девчонки, всегда были отдельно от меня, такие глупые и беспечные...

– Хватит. Ты ведешь себя ужасно. Прямо как...

– Прямо как «что»?

– Прямо как в то время.

Я больше ничего не могла говорить. Поэтому отвернулась к окну. Сайрам сначала ничего не понял, растерялся, а потом тоже отвернулся. Я смотрела наружу и старалась отогнать мрачные мысли. Но не получалось. Если он все равно не поймет, о чем я, тогда незачем доводить себя до безумия, пытаюсь что-то объяснить. Я вспомнила день, когда видела его таким. Но это было так давно...

Мой первый год в школе подходил к концу. Все мы тогда были маленькими и глупыми детьми, мало знающими и понимающими жизнь. В этом возрасте мы даже не могли понять, как глупы иногда бываем. К концу первого года я уже успела довольно неплохо познакомиться со всеми ребятами из нашего класса. Со многими поладила, но врагами вроде не обзавелась. Училась довольно хорошо, поэтому претензий у учителей ко мне тоже не было. Да и вообще мне учиться нравилось (кто ж знал-то, что учеба с каждым годом все ужаснее, да еще и продлится десять лет).

Стараться во всю силу мне как-то не особо хотелось. Наверное потому, что однажды я делала проект весь вечер, вложила в него все свои знания, чтобы порадовать учительницу. А она взяла и поставила мне четверку со словами: «Все хорошо, но формат не тот».

Так я еще в восемь лет поняла, что учеба – это сложный и ужасный процесс, который не оценит твоих стараний и постарается «вогнуть тебя в рамки» или, лучше сказать, «подстроить под систему». Но зачем так жить, если ото всех требуют быть одинаковыми? Я, конечно же, не говорю, что это плохо (хотя это и так), просто мне это не нравится. Может, кому-то и по душе такая система образования. Например, одной девочке из моего класса. Виньетте. Она всегда поднимает руку при любом вопросе учителя и старается всем видом показать, что она лучше любого в классе.

НО был и еще один мальчик, которого все хвалили. Писал все самостоятельные лучше всех, получал лестные отзывы. Но на уроках руку он не поднимал, а чаще всего смотрел в окно. Вот кто точно не старается (до него мне еще далеко), но получает всегда отличные оценки. Проблема была только в том, что он был плохого мнения обо всех, а хорошего только о себе. И не было у него друзей. Виной всему его характер. Упрямый и эгоистичный. Он никого не подпускал в свой «мир», был замкнут в себе и обходил шумных ребят стороной. За все время первого класса мне так и не удалось нормально с ним познакомиться и узнать его поближе.

Май выдался в этом году довольно жарким. Уже в первые дни месяца можно было ходить в одной футболке по улице и не заболеть. Правда, мне и этого не позволялось. А как хотелось! Но ничего, однажды я нарушу это правило, установленное мамой.

Благодаря жаркой погодке, на школьном стадионе собралась толпа ребят. В основном мальчишки. Все они резвились и громко выкрикивали что-то. Мне не хотелось оставаться в стороне. К тому же там было много моих одноклассников. Так почему бы не пойти поразвлечься. Эта затея мне показалась хорошей, да и Рэки была не против. Вдруг мальчишки соберутся и во что-нибудь сыграют, будет интересно посмотреть на это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.